

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Серия «СИСТЕМНАЯ РУССКАЯ ЛИНГВИСТИКА»
Т о м 1

А. А. Кретов

**СИСТЕМНАЯ
РУССКАЯ
ФОНЕМОЛОГИЯ**

Монография

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2020

УДК 811.16'373.6(082)

ББК 81.2

К79

Р е ц е н з е н т ы:

доктор филологических наук, академик РАН, заведующая Отделом этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН *С. М. Толстая*;

доктор филологических наук, профессор

Воронежского государственного университета *Л. В. Величкова*;

доктор филологических наук, профессор

Санкт-Петербургского государственного университета *С. А. Крылов*;

доктор филологических наук, профессор

Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина *А. Л. Шарандин*

Кретов А. А.

К79 Система́я русская фонемология : монография / А. А. Кретов ; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2020. – 198 с. – (Серия «Системная русская лингвистика» ; Т. 1).

ISBN 978-5-9273-3076-8

Настоящая монография представляет собой первый том серии «Системная русская лингвистика», целью которой является описание основных уровней русского языка, базирующееся на принципах системной лингвистики, сформулированных Гумбольдтом, Срезневским, Потемнёй, Бодуэном де Куртенэ и существенно развитых в XX веке Г. П. Мельниковым.

Книга содержит осмысление понятия *фонема* в концепциях И. А. Бодуэна де Куртенэ и С. И. Бернштейна и систематическое изложение идей *Казанской фонологической школы* (КФС), названной так по месту зарождения. Вводятся новые понятия, характеризующие соотношение звуков речи с представляемыми ими фонемами. *Фонемология*, понимаемая как учение о фонемах, вбирает в себя *фонологию* как учение о фонах – звуках речи в их функциональном аспекте и *фонетику* – учение о звуках речи в их субстанциональном: артикуляционном, акустическом и аудитивном – аспекте. В соответствии с принципами системной лингвистики предлагается новый взгляд на состав фонем русского языка, вводятся новые понятия и термины.

Для специалистов в области русского языка, аспирантов и студентов соответствующих специальностей, а также всех интересующихся устройством русского языка.

УДК 811.16'373.6(082)

ББК 81.2

ISBN 978-5-9273-3076-8

© Кретов А. А., 2020

© Воронежский государственный университет, 2020

© Оформление, оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2020

*Посвящается моей маме –
Валентине Никаноровне Кретовой (Пахомовой) –
ученице Сергея Игнатъевича Бернштейна –
ученика Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ*

ОТ АВТОРА

Многое в этой книге, на первый взгляд, может показаться новым, необычным, крамольным, хотя, строго говоря, новым является лишь последовательное применение известных принципов к известным фактам.

Начнём с фонетического закона (Ф-закона), сформулированного младограмматиками и оформленного в виде формулы В. К. Журавлёвым.

«Сущность фонетического закона младограмматиков можно выразить фундаментальной формулой:

$$L \left\{ \frac{a > b}{P} \right\} T$$

Звук $[a]$ регулярно переходит в звук $[b]$ в строго определённых позициях P в данном языке L на данном этапе его развития T » [Журавлёв 2004:45].

Первое достоинство этой формулировки заключается в её общенаучной значимости: в науке нет универсальных вневременных законов; каждый научный закон имеет ограниченную сферу действия и выполняется при строго ограниченных и оговоренных условиях: пространственных, системных и временных.

Практические выводы из этого закона применительно к устройству каждого отдельного языка сделал И. А. Бодуэн де Куртенэ.

Относительно условия L – в статье с красноречивым названием «О смешанном характере всех языков» (1901): «...нет и быть не может ни одного чистого, не смешанного языкового целого» [Бодуэн 1963, I:363]. Из этого следует *гетеросистемность* (разнородность) любого языка. Иначе говоря, язык – не система, а система систем. В любом языке, кроме его собственной системы, присутствуют в большей или меньшей степени системы других языков.

Относительно условия T : «При грамматическом рассмотрении языка необходимо соблюдать хронологический принцип, т. е. принцип объективности по отношению к совершающемуся во времени генетическому развитию языка. <...> Данный язык не родился вне

запно, а происходил постепенно в течение многих веков: он представляет результат своеобразного развития в разные периоды. <...> Такие результаты работы различных периодов, заметные в данном состоянии известного объекта, в естественных науках называются слоями: применяя это название к языку, можно говорить о слоях языка, выделение которых составляет одну из главных задач языковедения» [Бодуэн 1963, I:67]. Иными словами, любой язык в любом данном состоянии *гетерохронен*, т. е. представляет из себя не одну синхронию, а целую этажерку (систему) синхроний. (Ср. позицию Ю. С. Степанова: «Ось одновременности (синхрония) не противопоставлена оси времени (диахронии). Описание глубинной структуры отношений между наличными элементами системы языка является одновременно первым этапом реконструкции её прошлого состояния» [Степанов 2003:303])¹. Из осознания не-противопоставленности синхронии и диахронии Ю. С. Степановым сделан чрезвычайно важный для русской фонемологии вывод: «...**словоизменение** построено на новейших фонологических оппозициях, **словообразование** – с меньшим участием новейших оппозиций и бóльшим участием более старых, **регулярные отношения в лексике** – с ещё меньшим участием новейших оппозиций и ещё бóльшим участием старых оппозиций, **нерегулярные отношения в лексике** типа паронимии построены в очень малой степени на новейших оппозициях и главным образом на оппозициях старых и очень старых» [Степанов 1975:262–263].

Следовательно, **в языке существуют фонематические подсистемы окончаний, аффиксов и корней**, которые должны различаться и в описаниях языка, коль скоро те претендуют на адекватность описываемому объекту.

Относительно условия **P**: принципы диалектики требуют учёта как можно большего числа связей исследуемого объекта с его системой, подсистемами и надсистемами. Это требование сформулировано в афоризме *истина всегда конкретна* и имеет своим следствием по-

¹ Чуть ранее эту мысль афористично сформулировала В. Г. Чурганова: «...хорошее [синхронное] описание языка повторяет в снятом виде его диахронный анализ» [Чурганова 1973:12]. Эта идея является применением к языку диалектического принципа единства исторического и логического: логика объекта – это история становления данного объекта в её существенных и закономерных проявлениях. Единство логического и исторического достигается превращением исторических форм генезиса объекта в форму теоретического мышления о нём.

знавательный *метод восхождения от абстрактного к конкретному*. Применительно к звукам речи это означает, что в идеале должны быть учтены **все** связи элемента $[a]$, представленные в формуле фонетического закона символом P , т. е. **должны быть учтены все позиции**, а любое абстрагирование от каких-либо позиций ведёт к неполноте знаний об объекте, чреватой его ошибочной интерпретацией.

Ну, и наконец, из числителя Ф-закона следует очевидный, но ведущий к нетривиальным заключениям вывод: **если в языке L в период T звук $[a]$ в позиции P не переходит в $[b]$, значит, он представляет другую фонему.**

Наш язык обладает богатой системой живых позиционных чередований и потому даёт богатый материал для построения фонологической теории.
*Бернштейн С. И. Основные понятия фонологии*²

БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНОЛОГИЯ

Как дом стоит на фундаменте, так и научная теория опирается на какую-то систему представлений о мире.

Излагаемая в этой книге теория опирается на ДИАЛЕКТИКУ (см. работы Платона, Г. В. Ф. Гегеля, К. Маркса, В. В. Соловьёва, П. А. Флоренского, А. Ф. Лосева, Э. В. Ильенкова, Г. П. Мельникова).

Практическим применением диалектики к познанию конкретных частей окружающего мира является СИСТЕМОЛОГИЯ (см. труды И. Гёте, Д. И. Менделеева, С. И. Вавилова, В. Я. Проппа, Г. П. Мельникова).

Применением положений системологии к познанию человеческого языка является СИСТЕМНАЯ ЛИНГВИСТИКА (ср. взгляды В. фон Гумбольдта, И. И. Срезневского, Г. П. Павского, И. С. Аксакова, Н. П. Некрасова, А. А. Потемни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ю. С. Степанова, Г. П. Мельникова, Л. Г. Зубковой, А. А. Поликарпова, их последователей и учеников).

Теоретический фундамент этой книги – ДИАЛЕКТИКА, СИСТЕМОЛОГИЯ, СИСТЕМНАЯ ЛИНГВИСТИКА.

Одной из особенностей данной теории является её триадичность.

Так, триада «Материя – Форма – Содержание» применительно к звуковой стороне языка принимает вид «Фонетика – Фонология – Фономология»:

Фонетика – учение о звуках (материи) человеческой речи, её рождении, свойствах и восприятии.

Фонология – учение о фонах (форме) человеческой речи, выполняющих функцию различения морфов, представляющих в речи минимальные универсальные знаки языка – морфемы.

² См.: Вопросы языкознания. 1962. № 5. С. 64.

Фонемология – учение о фонемах – единицах плана выражения минимальных универсальных знаков языка – морфем (ср. употребление этого термина Н. Ф. Яковлевым [Яковлев 1983] и Ю. Я. Бурмистровичем [Бурмистрович 2001]).

Фон-этика изучает человеческую речь со стороны субстанциональной: физико-акустической (как колебания воздуха) и психико-физиологической – артикуляционной (как работу говорящего по превращению мыслей и чувств в колебания воздуха с помощью системы языка и органов речи) и аудитивной (как работу слушающего по превращению этих колебаний воздуха в собственные мысли и чувства с помощью органов слуха и той же системы языка).

Фоно-логия – учение о *фонах* (звуках человеческой речи, рассматриваемых с их функциональной, т. е. смыслоразличительной стороны).

Фонемо-логия – учение о *фонемах* (теоретических конструктах – обобщениях звуков человеческой речи в их отношении к минимальным универсальным знакам языка – морфемам).

Фонология опирается на *фонетику*, выявляя различительные признаки звуков в терминах акустических или (что естественнее) артикуляторных, а *фонемология* опирается на *фонологию*. Звуки речи обобщаются в фонемы, а фонемы – в фонемы.

Фонетика – *фонология* – *фонемология* образуют единство, которое можно обозначить термином ФОНИКА.

Идущему от Ф. де Соссюра дихотомическому различению *языка* и *речи*³ (у Н. Хомского ему соответствует различие *глубинных* и *поверхностных структур*) противостоит предложенное Л. В. Щербой троичное различие *языка*, *речевой деятельности* и *речи*, в соответствии с которым *речевую деятельность* можно интерпретировать как процесс (описываемый как последовательность правил) перехода от глубинных структур (*языка*) к поверхностным структурам (*речи*) – у говорящего и в обратном направлении – у слушающего.

Про *язык* следует сказать, что это одновременно и КОДИРОВЩИК, превращающий мысли и чувства **говорящего** в колебания воздуха (речь), и ДЕКОДЕР, превращающий эти колебания воздуха (речь) в мысли и чувства **слушающего**.

³ Строго говоря, у Соссюра тоже была триада: речевая деятельность (фр. *langage*), язык (фр. *langue*) и речь (фр. *parole*), но в традиции структурализма удержались только язык и речь.

В этой функциональной двойственности языка и заложено главное диалектическое противоречие, неизбежно вызывающее развитие языка в процессе его функционирования.

На двойственность термина *Sprache*⁴ ‘речь’ (*ergon-energeia*) обратил внимание ещё В. фон Гумбольдт: с одной стороны, это текущий процесс с линейного развёртывания во времени звуковой цепи (колебаний воздуха, порождаемых говорящим, – *energeia*), с другой стороны – это завершённый результат данного процесса, существующий во времени как *неизменная (в силу необратимости времени) целостность* – *ergon*. Договоримся для обозначения процесса пользоваться термином *речь*, а для обозначения результата этого процесса – термином *текст*, условившись, что *текст* может быть *не только письменным, но и устным* (например, аудиозапись или «запись» устного текста в памяти слушателя, всегда готовая к воспроизведению).

Поскольку фонетика и фонология в изложенном выше понимании описаны в научной и учебной литературе, мы сосредоточимся преимущественно на *фонемологии*, отослав желающих познакомиться с фонетикой и фонологией к учебникам С. В. Кодзасова и О. Ф. Кривновой [Кодзасов 2001], А. А. Реформатского [Реформатский 1970; 1999], М. В. Панова [Панов 1967; 1979], Л. Л. Касаткина [Касаткин 2003], а также к учебнику «Общая и прикладная фонетика» [Златоуста и др. 1997].

В основе любой науки лежат исходные (базовые) положения, принимаемые без доказательств и называемые *постулатами*.

Теоретическую основу излагаемой здесь версии фонемологии составляют 10 постулатов.

⁴ Субстантив от глагола *sprechen* ‘говорить’. Пара *Sprache* – *sprechen* подобна парам *молва* – *молвить*, *речь* – *речи* (в прош. времени *рек, рекла, рекли*), *говор* – *говорить*.

Постулат нулевой (пропедевтический)

НЕ ВОСПРИНИМАЕМОЕ – НЕ ЗНАЧИТ НЕСУЩЕСТВУЮЩЕЕ

Мы привыкли верить своим органам чувств – настолько, что существующим считаем воспринимаемое, а несуществующим – не воспринимаемое. На этом различии построена целая философская концепция – позитивизм, за которым стоит старый добрый здравый смысл. Между тем это низший (первый, поверхностный) уровень познания окружающего мира. Опирайтесь на него можно и нужно, а вот ограничиваться им не следует: **ПОЗИТИВИЗМ – ХОРОШИЙ ЗАВТРАК, НО ПЛОХОЙ УЖИН.**

Проведём маленький эксперимент: создадим текстовый файл и напомним «Не судите опрометчиво!» (рис. 1).

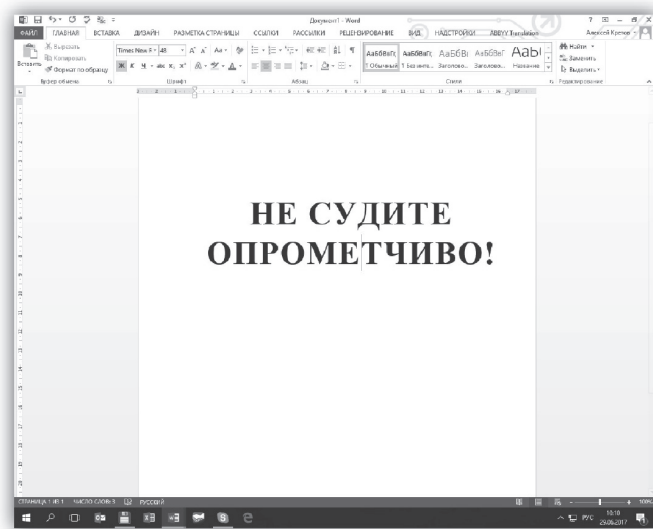

Рис. 1. К Постулату нулевому (пропедевтическому)

Постулат 0. Не воспринимаемое – не значит несуществующее

Теперь выделим написанное и переменим цвет текста на белый (рис. 2).

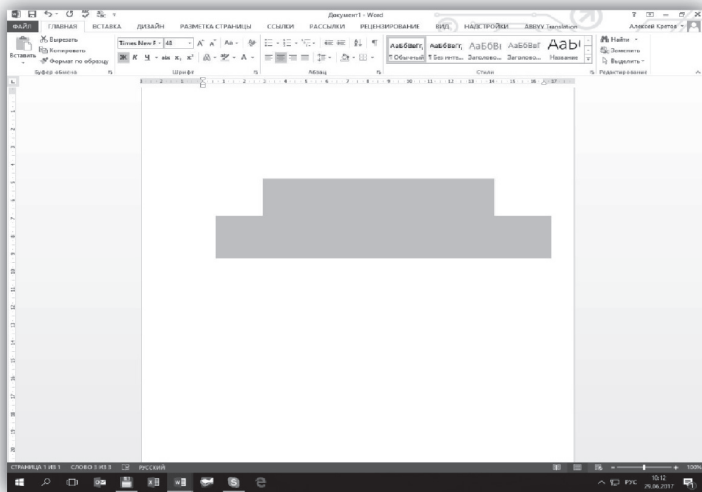

Рис. 2. К Постулату нулевому (пропедевтическому)

А теперь уберём выделение (рис. 3).

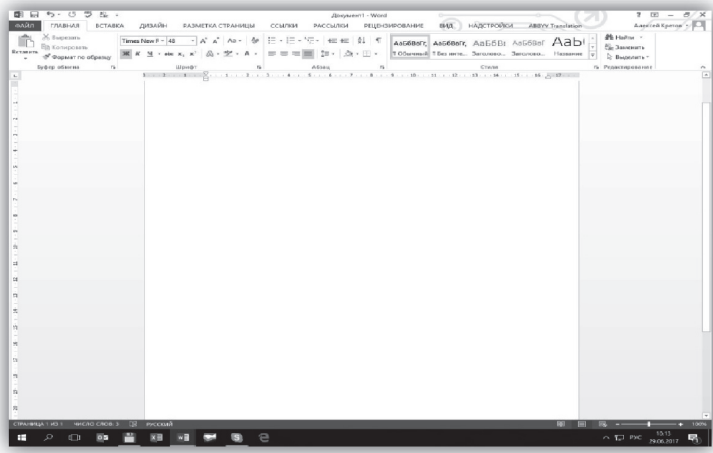

Рис. 3. К Постулату нулевому (пропедевтическому)

Допустим, я показываю первым рис. 3 и спрашиваю: «Написано ли что-нибудь на экране»? Самый естественный ответ будет: «Нет, конечно!».

– А почему вы так решили?

– Потому что на экране ничего не видно.

И всё же не будем спешить с ответом. Прежде проверим, не написано ли что-то на экране. Для этого выделим его содержимое и получим рис. 2. Форма выделенного говорит, что на экране есть две строки: первая – покороче, вторая – подлиннее. Наша уверенность в том, что на экране ничего не написано, уже поколеблена. А теперь изменим цвет надписи с белого на чёрный и получим рис. 1.

Да, на рис. 3 *ничего не видно*, но из этого вовсе не следует, что на нём *ничего не написано*. Этим пользовались революционеры. В. И. Ленин писал из тюрьмы письма белым молоком на белой бумаге. Надзирателям ничего не было видно, и они считали, что на бумаге ничего не написано. Но если подержать такой лист над лампой, буквы проступали, и письмо можно было прочесть.

Есть много вещей, которых мы не видим: время, ультрафиолетовое и инфракрасное излучения, радиация, гравитационные поля, вкусы, запахи и т. д., – а они, тем не менее, существуют.

Вообще-то мы видим очень мало: только то, что перед глазами, и то субъективно. НАШЕ ВОСПРИЯТИЕ (зрительное, слуховое и любое иное) – СУБЪЕКТИВНЫЙ ОБРАЗ ОБЪЕКТИВНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

В этом легко убедиться.

Кого вы видите на рис. 4? Молодую девушку или грустную старуху?

Кто это – на рис. 5? Американский индеец или эскимос?

Одни и те же чувственные образы могут по-разному обрабатываться сознанием, и как результат – человек видит разное в одном и том же. Этот вывод касается всех органов чувств, включая слух. Как показали многочисленные опыты, в одних и тех же звуках носители разных языков слышат разное, потому что сознание привыкло искать те признаки звуков, которые в их языке связаны с различением смыслов (значений). Для каждого языка эти признаки различны.

Различение звуков связано с различением того, чем они не являются, – с различением значений. Вот почему ни физика, ни физиология не помогут разобраться в сущности человеческой речи.

Рис. 4. К Постулату нулевому (пропедевтическому)

Рис. 5. К Постулату нулевому (пропедевтическому)

Почему аудиофайлы по размеру значительно больше текстовых файлов, содержащих то же самое произведение? К примеру, аудиофайл «Василия Тёркина» А. Т. Твардовского имеет размер 214.016 Кб, тогда как текстовый файл того же произведения – всего 614 Кб. Дело в том, что из всей акустической информации абсолютно необходимая, работающая – т. е. собственно лингвистическая – составляет менее 0,3 %.

Этот простой пример позволяет оценить всё величие такого изобретения человечества, каким является фонетическое письмо.

Однако у каждого явления есть как положительные, так и отрицательные стороны. Отношению письменности к звуковой форме реализации языка и посвящён следующий раздел.

Постулат первый

ПИСЬМЕННОСТЬ – ОДЕЖДА РЕЧИ

Древние римляне говорили: «Verba volant, scripta manent» («Слова улетают, надписи остаются»). В этой поговорке схвачено главное отличие устной речи от письменной.

Устная речь происходит в режиме **реального** времени – здесь и сейчас, в одном месте и в одно и то же время.

Письменная речь – в режиме **разделённого** времени.

Письменный текст предполагает разрыв во времени между автором текста и его читателем: «И как нашёл я друга **в покое**, || Читателя найду **в потомстве** я» (Е. А. Баратынский; выделено мной. – А. К.), – и допускает также их разрыв в пространстве: «**А почта** с пересадками летит **с материка** || **До** самой дальней гавани Союза, || Где я бросаю камушки с крутого бережка || **Далекого пролива Лаперуза**» (М. И. Танич; выделено мной. – А. К.).

Письмо порождает две дезориентирующие иллюзии: 1) иллюзию дискретности речи и 2) иллюзию тождества букв и звуков.

Реально же речевой поток членится (и то весьма условно) не на звуки, а на слоги. А тождество устного и письменного текстов не более тождества тела и одежды.

**СЧИТАТЬ, ЧТО БУКВЫ – ЭТО ЗВУКИ,
ВСЁ РАВНО, ЧТО СЧИТАТЬ, ЧТО РУКАВ – ЭТО РУКА.**

Великий польско-русский лингвист XIX–XX веков Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ писал:

«Кто имел несчастье пройти курс заурядной школьной грамматики, со всем ее безотрадным бессмыслием и путаницей, со собственными ей смешениями понятий, со смешением письма и языка, букв и звуков, <...> тот только с трудом отучится, а, может быть, и никогда не отучится смешивать человека с паспортом, национальность с алфавитом, ... происхождение человека с его гражданскими правами, различие пола с различием прав интеллектуальных, полити-

ческих, экономических, ... человеческое достоинство с чином или званием, нравственную ценность человека с получаемым им содержанием» [Бодуэн 1963, II:133–134].

Вот как небезобидны иллюзии, навязываемые письменностью!

Буквы пишут и читают, воспринимая **зрением**, а звуки произносятся и слышат, воспринимая **слухом**.

Слух и зрение – два разных канала связи человека с внешним миром.

Постулат второй

ФОНЕМА – РАЗЛИЧИТЕЛЬ МОРФЕМ

Как было сказано, научную основу нашей концепции составляет ДИАЛЕКТИКА – учение о всеобщей взаимосвязи. Диалектика же учит, что истина конкретна и восхождение к Истине – это восхождение от абстрактного к конкретному: ко всему (в идеале) многообразию связей изучаемого объекта.

Следовательно, постижение фонемы предполагает её рассмотрение на фоне всей системы языка во всём многообразии её связей.

Общепризнано, что язык является знаковой системой или *системой знаков* [Кибрик 1990:604; Уфимцева 1990:167; и др.].

Минимальным [Поливанова 1990:312] и **универсальным** [Маслов 1975:164] (т. е. присущим всем языкам мира) **знаком языка является морфема**⁵.

У неё есть *означающее* (план выражения, звучание: в речи морфема представлена своими морфемами) и *означаемое* (план содержания: значение), связь между которыми и обеспечивает взаимопонимание носителей языка.

Слово также является знаком языка, но *не минимальным* – состоит из морфем, и *не универсальным*: в инкорпорирующих (полисинтетических) языках, например, в некоторых кавказских, чукотско-камчатских и языках северо-американских индейцев предложение собирается непосредственно из морфем, и то, что мы оформляем предложением: *Человек убил оленя* в этих языках выглядит примерно как *человекооленеубийство*; а *Старик ловил неводом рыбу* – как *старико-неводо-рыбо-ловилось*. «...В инкорпорирующих языках глагол (он же название ситуации) как бы вбирает в себя, “внедряет” всех участников ситуации – и предложение превращается в одно слово-гла-

⁵ «...понятие морфемы <...> постепенно стало одним из центральных понятий в мировом языкознании. Теперь морфема рассматривается как универсальная языковая единица» [Маслов 1975:164].

гол... (выделено мной. – А. К.)» [Плунгян 1996:165]. Ср. реальные «формы» эскимосского глагола, равные предложению: **итхү-сқ-у-гүя-гумáкаңа** ‘он настойчиво просил его зайти’; **қауаг-ья-мақ** ‘он пошёл охотиться на уток’; **қимұхс-ū-гутақá** ‘он лишает нарты кого-л.’; **қимұхсиграға-қсĵ-каңа** ‘этой хорошей собачьей упряжки, принадлежавшей ему, кто-то лишил его’; **қимұхсиг-нақ-ата-нұхтуқагүк** ‘это есть стремящийся ехать на собачьей упряжке невзирая ни на какие препятствия’.

Ученик И. А. Бодуэна де Куртенэ и известный представитель Казанской лингвистической школы В. А. Богородицкий называл инкорпорирующие языки «воплощающими»: «Воплощающие языки <...> **целое предложение как бы воплощают в одном слове, а именно: принимая глагол за средоточие предложения, они вносят в него другие слова, но не в обычном их виде, а в виде корней** (выделено мной. – А. К.) <...> поэтому такой строй называют также полисинтетизмом (“многообъединённостью”))» [Богородицкий 1911:117–118].

В инкорпорирующих (полисинтетических) языках нет оппозиции «слово : предложение», а есть оппозиция «морфема : словопредложение».

В аналитических же языках, где, как в китайском, границы морфем и слов совпадают, по мнению Ю. С. Маслова, различение слов и морфем не имеет смысла. О таких языках можно сказать, что предложения в них состоят из словоморфем.

В аналитических языках нет оппозиции «слово : морфема», а есть оппозиция «словоморфема : предложение».

И только в синтетических и агглютинативных языках есть оппозиции «морфема : слово» и «слово : предложение». Вот почему *слово* нельзя считать универсальным знаком языка.

Слово считают единственным или «основным» знаком языка преимущественно носители и исследователи индоевропейских языков, в которых слово, действительно, является в каком-то смысле «центральной» единицей, состоящей из морфем и составляющей предложение. Понятно, что в русской лингвистической традиции такая точка зрения – не редкость.

Предложение также является знаком – *универсальным* (но не минимальным) **знаком ситуации**.

Для раскрытия сложности отношений морфемы и фонемы важен вопрос об *унилатеральности* (односторонности) или *билатеральности* (двусторонности) лингвистического знака.

Выше сказано, что морфема как знак имеет означающее и означаемое – так гласит теория *билатеральности* языкового знака.

По мнению унилатералистов, у знака одна сторона – означающее: лингвистический знак – это колебания воздуха. Например, в фильме «Семнадцать мгновений весны» цветок на подоконнике был знаком проваленной явки. Сам по себе цветок знаком не является. Его вторую сторону – означаемое – мы ему примысливаем, помещая его в знаковую ситуацию – придавая ему какое-то условное значение.

Означаемого у цветка не обнаружить никакими приборами, как и значения – у колебаний воздуха.

Кто же прав: *унитералисты* или *билатералисты*?

С позиций формальной логики – лишь кто-то один. С позиций диалектической – и те и другие, но каждый по-своему. Следует различать *языковой* знак, который *билатерален*, *речевой* знак, который *унилатерален*, и *лингвистический* знак – родовой термин для первых двух.

Акт языкового общения состоит из двух зеркально симметричных частей.

Первая – это **опредмечивание** мысли. Чтобы передать свои мысли другим, их надо вынести за пределы своего тела – опредметить. Опредмеченная мысль – это колебания воздуха, изучаемые акустикой. У них много параметров – и все физические. Это не язык, а *речь* – процесс, имеющий своим результатом *текст*. Поэтому *в речи (и тексте) знак унилатерален*.

Вторая часть акта общения начинается, когда колебания воздуха приходят к слушающему, **распредмечивающему** колебания воздуха, переходя от означающего (звучания) к означаемому (мысли).

Говорящий посылает систему акустических намеков, а слушающий, руководствуясь знанием языка и собственным жизненным опытом, соотносит эти акустические образы со значениями. Поэтому разумение – это отчасти и недоразумение (В. фон Гумбольдт). Ср. у Ф. И. Тютчева (выделено мной. – А. К.):

Как сердцу высказать себя?

Другому как понять тебя?

Поймет ли он, чем ты живешь?

Мысль изреченная есть ложь. (SILENTIUM! 1830).

Слушающий тоже задействует обе стороны языкового знака: у него на входе означающее, которое в его сознании так же жёстко свя-

зано с означаемым, как и в сознании говорящего, чем и обеспечивается (пусть частичное, но) взаимопонимание.

Итак, ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК БИЛАТЕРАЛЕН, А РЕЧЕВОЙ – УНИЛАТЕРАЛЕН.

В тексте (устном или письменном) означаемых нет. Они – в сознании автора или адресата текста. В речи мы имеем дело с односторонними единицами – фонами и морфами, в языке – с двусторонними – фонемами и морфемами.

Морфемы (языковые знаки) – двусторонни, а морфы (речевые знаки), представленные в тексте, односторонни.

В *тексте* следует различать *текст-форму*, создаваемый автором (говорящим или пишущим), и *текст-содержание*, существующий только как сумма проекций текста-формы на личность его читателей или слушателей (Н. А. Рубакин, Ю. А. Сорокин).

Итак, унилатеральные знаки речи – **морфы – состоят из фонев.**

Сторонники «чистой» фонологии настаивают на недопустимости «смещения» фонетического уровня языка с другими и гордятся тем, что в своих теоретических построениях не выходят за пределы фонетического уровня языка.

С точки зрения диалектики такое ограничение ведёт к абстрактному (т. е. оторванному от конкретности – отвлечённому, обеднённо-му) взгляду на объект изучения и уводит от истины.

С позиций диалектики фонетический уровень языка не только может, но и непременно должен рассматриваться в его отношении ко всем остальным языковым уровням и языку как целому.

Само понятие фонемы в собственно лингвистическом качестве появилось лишь тогда, когда звуки речи были соотнесены с тем, чем они не являются и что находится за пределами фонетики – со значениями и способностью звуков различать лингвистические знаки, а следовательно, их означаемые – значения.

Постулат третий

ПОЗИЦИОННО ОБУСЛОВЛЕННЫЙ ПРИЗНАК – НЕ СУЩЕСТВЕН

Основополагающим, базовым понятием фонологии (по крайней мере в МФШ) является **позиция**. Тем удивительнее фактическое отсутствие или бессодержательность этого термина в фонологической литературе.

Так, М. В. Панов пишет: «Позицией называются **условия** (выделено мной. – А. К.) произношения звуков» [Панов 1979:97]. Размещённая в Интернете «Энциклопедия русского языка» также определяет позицию через условия: «Позиция фонологическая – **условия** (выделено мной. – А. К.) употребления, реализации фонемы в речи»⁶. При этом слово *условия* означает ‘обязательные обстоятельства, предпосылки, определяющие, обуславливающие существование или осуществление чего-либо’.

Словарь лингвистических терминов О. С. Ахмановой намечает более продуктивный и содержательный подход к определению *позиции*, различая два значения термина: 1) фонетическое **окружение** фонемы, создающее для неё определённые произносительные условия и 2) **место**, занимаемое элементом (единицей и т. п.) в высказывании или его части [Ахманова 1966:333]. Эти дефиниции можно объединить в одну.

Фонетическая позиция – это место, занимаемое фонемой в морфеме, слове, фразе, характеризующееся окружением, создающим для репрезентанта фонемы произносительные условия, и тем самым определяющим выбор аллофона.

В той же «Энциклопедии русского языка» сказано, что «Теория П.(озиции) ф.(онологической) разработана Московской фонологической школой». Тем удивительнее, что при постоянном утверждении

⁶ URL: <http://russkiyazik.ru/671/> (дата обращения: 10.06.2015).

Постулат 3. Позиционно обусловленный признак – не существует

нии основателями МФШ связи фонемы с морфемой и теоретической производности первой от второй отсутствует указание на морфему в определении позиции у М. В. Панова.

Следует различать *два типа позиций*: **абсолютную** – позицию фона в морфе и **относительную** – позицию фона в словоформе и фразе: относительно других звуков, ударения, начала-конца-середины основы (префиксального, флективного или суффиксального стыка), другой морфемы, грамматического значения или другого уровня языка.

АБСОЛЮТНАЯ ПОЗИЦИЯ

Абсолютная позиция фонемы/фона в морфеме/морфе может задаваться порядковыми числительными: *первая, вторая, третья, четвёртая* и т. д. позиция. Например, в словоформе *строй* (сущ.) инициаль корня – /стр/: в 1-й позиции – /с/, 2-ю позицию занимает фон /т/, 3-ю – /р/, 4-ю – медиаль /о/, 5-ю – финаль⁷ /й/ (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Позиция:	1	2	3	4	5
Морф 1:	с	т	р	О	й
Морф 2:	с	т	р	а	й
Морф 3:	с	т	р	ь	й
Морф 4:	с	т	р	А	й

Для начала мы взяли простейший случай. Но на практике этим дело не ограничивается. Рассмотрим и более сложные случаи, потому что правильное определение позиций в морфеме необходимо для установления закономерных фонетических отношений и в славистике, и в индоевропеистике, и в компаративистике вообще.

Сравним формы *сон* и *сны*.

Т а б л и ц а 2

Позиция:	1	2	3
Морф 1:	с	О	н
Морф 2*:	с	*н	
Морф 2:	с	ѳ	н

⁷ Поскольку морфема (особенно архаичная) может не образовывать слога (например, =Т в *би=т_ый*, =Л в *би=л_и* или Т- в *т_о, т_а, т_е*) понятия *инициали, медиали* и *финали* к морфеме применимы не всегда.

Мы (см. табл. 2) не имеем права в «Морфе 2*» *сны* расписывать позиции чисто формально: *с*-1 *н*-2, *ы*-3. И не только потому, что /ы/ принадлежит окончанию, а не корню.

Для определения позиций в морфах существует принцип: морфы одной морфемы должны быть распределены так, чтобы получить максимальное количество совпадения фонем.

В строках «Морф 1» и Морф 2*» совпадение имеется только в позиции 1, а в строках «Морф 1» и «Морф 2» совпадение фонем наблюдается в позициях 1 и 3. Следовательно, предпочтение мы должны определить позиций в строке «Морф 2». Такое определение позиций позволяет обнаружить чередование /о/ с /ø/ в корне, что характерно для фонемы {Ъ}.

Из принципа нумерации позиций следует, что слоговые и неслоговые звуки (в простейшем случае – гласные и согласные) должны находиться в одной абсолютной позиции морфемы.

Рассмотрим более сложный случай: варьирование корневого морфа в словах *ОСТР-ый*, *ВОСТР-ый*, *на-ВАСТР-ивать*, *по-ОСТР-ить* - *по-ОЩР-ять*. Распределение фонем по абсолютным позициям представлено в табл. 3.

Таблица 3

№	Морф	Позиция:				
		1	2	3	4	5
1	<i>вАстр</i>	в	А	с	т	р
2	<i>вОстр</i>	в	О	с	т	р
3	<i>остр</i>	ø	о	с	т	р
4	*ощр	ø	о	щ ^{стн}		р
5	<i>ощр</i>	ø	о	щ ^{ст}		р ^{пн}

В этом корне есть факультативная часть – протеза /в/, которая не нарушает тождества морфемы и не меняет её значения в отличие, к примеру, от пары *ор-вор*. Вторая сложность в определении позиций в морфах этого корня состоит в чередовании *ст:щ*. При этом /щ/ является не бифоном, а трифоном. Ср. *по-ОСТР-И-ть* : *по-ОЩР-(И)-а-ть*. /Щ/ представляет не только /ст/ корня, но также фон /и/, представляющий глагольный суффикс. В соседстве со слоговым /а/ глайд {И} во

избежание и во устранение зияния реализуется в своём неслоговом варианте /й/. А последовательность /ctй/ на суффиксальном стыке всегда реализуется как /цй/, при этом (в южнославянской подсистеме современного русского языка) сонанты {Р}, {Л}, {Н} «прозрачны» для йотации: «вбирая» в себя /й/, они тем самым обретают способность к йотации предшествующих согласных, поэтому они не только не препятствуют йотации, а осуществляют её, способствуют ей (ср. *послать-пошлю, весна-вешний*). Это значит, что фон /р'/ в слове *пошрять* /п'шаш: 'р' Ат'/ является бифоном /р'/р^и, представляя не только фонему {Р}, но и фонему {Й} в её неслоговом варианте (перед /≠А/).

Полифоны типа /ш/ (бифоны, трифоны и т. д.) представляют главную сложность для позиционного анализа фонем в морфемах, составляя как практическую, так и теоретическую проблему.

Начнём немного издалека. Что такое *дифтонги*?

Дифтoнг (др.-греч. δι-φθογγος от др.-греч. δίς (дй-) 'дважды, двукратно' и φθόγγος – 'звук', буквально – 'двузвучие') «сложный гласный, состоящий из двух элементов». «Фонологическим свойством дифтонга является его... нечленимость на 2 фонемы» – «**невозможность** морфологической границы внутри дифтонга». «В <...> дифтонгах один элемент является вершиной слога, а второй (так называемый *глайд*, или *полугласный*) лишь сопутствует ему... В зависимости от положения вершины слога различают дифтонги... **нисходящие**, в которых слогообразующим является первый элемент (например, нем. [ae] *Leid*, англ. [aɪ] *tu*), и **восходящие**, в которых слогообразующий элемент – второй (например, франц. [ie] *pied*)». «Обычно дифтонги обладают большей длительностью, чем *монофтонги*» [Бондарко 1990а].

К этому следует добавить, что дифтонги не существуют вне соотнесённости с долгими гласными – монофтонгами. Эта соотнесённость может проявляться *диахронически* – в процессах **монофтонгизации** (превращения дифтонгов в монофтонги) и **дифтонгизации** (превращения монофтонгов в дифтонги) или *синхронически* – в виде **чередований** дифтонгов с монофтонгами.

И ещё одно важное для понимания сущности дифтонгов положение: дифтонг – асимметричная лингвистическая единица. Это асимметрия речевых **форм** (обозначим их русской буквой *ф*) – звуков и их языковых функций (обозначим их латинской буквой *f*) – **фонем**.

Формула дифтонга – 2*f* : 1*f*.

Теперь мы можем определить дифтонг как сложную вокалическую единицу, состоящую из слогообразующего элемента и сонанта, представляющих одну фонему и чередующихся с монофоном (долгим гласным).

Сравним формы *просунуть* /пра-сУ-ну-т'/ и *просовывать* /пра-сОв-ывъ-т'/. В одном случае корень представлен морфом -су-, а в другом – -сов-.

Рассмотрим проблему не только в теоретическом, но и в практическом аспекте (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

№ строки	Позиция:			
	Корень	1	2	3
1	сов-	с	о	в
2	су-	с	у	∅
3	су-	с	∅	у
4	су-	с	у	
5	сов-	с	ов	

Налицо чередование *у:ов*. Осталось решить, как его толковать: как результат монофтонгизации /ов/ или как результат дифтонгизации /у/. В первом случае /у/ окажется бифоном, представляющим фонемы {О} и {В}, т. е. /у/^{ов}, а во втором – /ов/ окажется дифтонгом, представляющим фонему {У}.

Оба наблюдаемых варианта, находящиеся в позиции 2, выводятся из сочетания фонем {О} и {У}: *о ц > у, *о ц > ов. Поэтому по теоретическим соображениям корень следует записать в этимологической транскрипции как {соу-}.

Практически же вопрос стоит так: выравнивать столбцы по *сов*- или по *су*-? Рассмотрим оба варианта. Начнём с *сов*- – позиций должно быть три. А у *су*- всего два фона. Следовательно, третья позиция должна быть нулевой. Этот вариант представлен в строке 2 таблицы 4. Такое решение соответствует алгоритму выравнивания по слогообразующим звукам и предполагает чередования /о:у/ и /в:∅/. Чередование /о:у/ в русских морфемах не известно. Утрата /в/ перед -ну – тоже (ср. *кинуть*, *зевнуть*, *дагнуть*, *ревнуть*). Таким образом, данный вариант следует отклонить как некорректный. Второй вариант согласования *сов*- и *су*- по числу позиций представлен в строках 1 и 3 таблицы 4. Он предполагает чередования *о:∅* и *в:у*. Сами по себе оба чередования в

Постулат 3. Позиционно обусловленный признак – не существует

русском языке представлены – сон:сн(а), завтра:зауфра. Беда в том, что корень сов- не имеет варианта *св-, а следовательно, |о| в нём не беглый, а стабильный, представляющий фонему {О}, никогда не чередующуюся с нулём звука. Следовательно, и второй вариант выравнивания корня по морфу сов- мы должны отклонить.

Остаётся выравнивание по морфу су-, представленное в строках 4 и 5 таблицы 4. Он также соответствует принципу выравнивания по слоговому элементу: и /y/ и /ов/ образуют слог. Преимущество в том, что чередование у:ов хорошо известно, как в современном русском языке, так и в исторической фонетике славянских и индоевропейских языков. Наличие этого чередования указывает на бифонемность /y/^{oy} и наличие в корне трёх фонем: {С}, {О} и {У}, из которых естественным и закономерным образом выводятся морфы /сов-/ и /су-/. Сделаем обобщение: 1) при определении позиций в корне следует допускать возможность чередования элементарных звуковых сегментов со сложными, осуществляя позиционное выравнивание по элементарным; 2) получаемые в результате выравнивания чередования не должны противоречить фактам текущего состояния языка и его истории.

Теперь мы можем вернуться к таблице 3 и переписать её «в свете открывшихся обстоятельств» (табл. 3а).

Т а б л и ц а 3а

№	Позиция:				
	Морф	1	2	3	4
1	вАстр	в	А	ст	р'
2	вОстр	в	О	ст	р
3	остр	ø	о	ст	р
4	ощр	ø	о	щ	р'

В результате получено новое чередование ст:щ, которое и подлечит осмыслению. Выше мы рассмотрели дифтонг – «сложную вокалическую единицу, состоящую из слогообразующего элемента и сонанта, представляющих одну фонему и чередующихся с монофоном».

А нет ли сложных консонантных единиц, чередующихся с монофоном и представляющих одну фонему? В русском языке это аффрикаты Ч=/ч'ш'/ и Ц=/ц'с/. Ср. аллофонную функцию Ч в исконной

подсистеме: *рук* – *руч-ек* – и *Ц* в церковно-славянской подсистеме: *Рука Всевышнего*, но *Все в руке Божией*.

Присмотримся к термину *аффриката*: (из лат. *ad-* ‘к, при’ и *frico* ‘тру’; лат. *affricata* – буквально ‘притёртая’) «смычно-щелевой согласный звук, разновидность смычных», у которых «фаза смычки заканчивается не взрывом, а плавным переходом к щелевой артикуляции» [Касаткина 1998:43].

Внутренняя форма термина показательна: она указывает на движение к фрикативному элементу аффрикаты и тем самым ставит его в центр аффрикаты как признак, отличающий её от остальных смычных консонантов.

Отметим, что типичной, универсальной, представленной во всех языках мира формой слога является *СГ*. При этом *Г* – всегда размыкатель рта, а *С* – как правило, смыкатель. Это логично: чтобы разомкнуть рот, его надо предварительно сомкнуть, и наоборот. Речь состоит из последовательных смыканий и размыканий рта. Поэтому язык избегает, прежде всего, стечения, скопления, соседства смыкателей рта⁸ (обозначим их вертикальной чертой «|») и в меньшей степени – соседства размыкателей рта (обозначим их горизонтальной чертой «_»). Так, например, с гласными сочетаются не только смычные согласные: *по* (предлог), *то* (местоимение), *ко* (предлог), – но и фрикативные: *фу* (междометие), *со* (предлог), *за* (предлог), *ша* (межд. и название буквы), *ца* (название буквы), *же* (частица и союз), *ха-ха* (межд.).

Если же гласному предшествуют два согласных, то их нормальная последовательность – *_|_* (размыкатель-смыкатель-размыкатель), например, */сто|/, /што|*. Аффриката представляет собой попытку не перепрыгнуть, а обойти этот столб-закон: *|_|* или */т’ш:’а/* – она «прикидывается» смычным, а свой фрикативный элемент «прячет», маскирует как «неудачный», «не совсем чистый» переход от смычного к размыкательно-гласному: *ца/тсá/-пля, ча/т’ш:’á/-ца*. Как мы помним, дифтонги бывают восходящими и нисходящими. На шкале, предложенной Г. А. Хабургаевым, «смычные согласные оказываются более звучными, чем фрикативные» [Хабургаев 1974:105–107]. Соответственно, звучность аффрикат можно представить последовательностью 21.

Если аффрикату с последовательностью 21 признать «нисходящей» от смычной к фрикативной составляющей, то логично

⁸ Ср. *лёгонкий*, но *лёгкий* /хк/ [РЛПиУ-1959:246], *веду*, но *вести* (вм. **ветти*).

предположить существование её зеркально симметричной пары типа 12, «восходящей» от фрикативной к смычной составляющей и чередующейся с монофоном. И такой сложный консонант существует: это /жд/ – в южнославянской подсистеме современного русского языка. Если последовательность 21, направленная к (ad-) фрикативной, называется *аффрикатой*, то консонантную последовательность 12, направленную от (de-) фрикативной, логично назвать *деффрикатой*.

Интересно, что русский /ш:’/, обозначаемый буквой *Щ* в церковно-славянском языке имеет соответствие *ШТ* (*сѣѡшѣта*), а первоначальное начертание *Щ* имело диакритику по центру, ибо представляло букву *Ш*, стоящую на букве *Т* (тем самым обозначался особый – целостный единый статус деффрикаты *ШТ*). Таким образом, обнаруживается зеркально симметричная пара из аффрикаты и деффрикаты: Т’Ш’(Ч) : Ш’Т’(Щ), парой деффрикаты *ЖД* является звонкий вариант аффрикаты *Ч – /Д’Ж’/*.

А вот парой к *Ц* (= /тс/) могла бы стать деффриката /ст/, чередующаяся с *Щ*. Поскольку /зд/ чередуется с /ж:’/, то её тоже можно было бы признать деффрикатой парной звонкому варианту /ц/ – /дз/. А если вспомнить о греческой аффрикате /кс/, обозначаемой специальной буквой кси «ξ», и о постоянных метатезах в последовательностях *ks ↔ *sk в самых разных индоевропейских языках на протяжении тысячелетий, то гипотеза о наличии в русском языке деффрикаты /ск/, чередующейся с /х/ < хх < кх < кс (по закону Педерсена) не покажется невероятной. (Ср. чередование в имени: *Алексей* : *Алѣха*.)

Сравним *овце-вод*, *вож-ак*, *вождь*. В корне этих слов наблюдаем чередование *д:ж:жд*. При этом ни *ж*, ни *жд* не являются аллофонами *д*: они являются бифонами, представляя фонемы {Д} и {Й}. Только бифон /ж/^{дн} имеет место в исконной подсистеме, а деффриката по форме и бифон по функции /жд/^{дн} принадлежит южнославянской (церковно-славянской) подсистеме. При этом важно учесть, что при определении позиций элемент /ж/ не соотносён с фонемой {Д}, а элемент /д/ – не соотносён с фонемой {Й}.

Корректное определение позиций в этих корнях возможно только в позициях 1 /в/ и 2 /о/. Последовательность /д/-/ж/-/жд/ не является последовательностью аллофонов и при определении фонем не должна учитываться. В более общем виде требование звучит так: при определении состава фонем данного языка следует учитывать только аллофоны (монофоны) и не при-

мать во внимание последовательности, содержащие полифоны (бифоны, трифоны и т.д.).

Корректное представление последовательности /д'/-/ж/-/жд/ на примере слов *проводить*, *провождать*, *сопровождать* см. в табл. 5.

Т а б л и ц а 5

№	Слова	Позиции:						
		1	2	3	1	2	3+1	1
1	<i>проводи(ть)</i>	п	р	о	в	о	д+и	-
2	<i>провожа(ть)</i>	п	р	о	в	о	ж ^{III}	А
3	<i>(со)провожда(ть)</i>	п	р	о	в	о	жд ^{III}	А

Как видим, буквенное представление фонемного состава морфем не позволяет корректно осуществить позиционный анализ фонем в морфеме и морфем в слове. Поэтому членение слов на морфемы в их орфографическом виде следовало бы запретить законом.

Несостоятельность морфемного членения единиц языка в орфографическом представлении была осознана и обоснована ещё И. А. Бодуэном де Куртенэ: «Подобного рода приёмы деления слов мы должны просто отвергнуть, объявив их вредными и, стало быть, недопустимыми» [Бодуэн 1963, Т. II:225]. Корректное представление фонемного состава морфем в слове обеспечивает *фонематическая* (она же – *этимологическая*) *транскрипция* [Кретов 2002], в которой слово *поощрять* имеет представление {по-остр=и=A=ti_#}. К сожалению, все морфемные и словообразовательные словари до сих пор делят слова «по буквам», что противоречит самой сути синтетических (фузионных) языков, одним из которых и является русский.

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ

Рассматривая относительные позиции, мы вновь сталкиваемся с проблемой сущности и явления, кажущегося и действительного.

Какого цвета хамелеон? «Окраска хамелеонов может быстро изменяться от светлой – беловатой и оранжевой – через жёлтую и зе-

Постулат 3. Позиционно обусловленный признак – не существует

лѐную до пурпурной, а затем полностью чёрной или тѐмно-коричневой. Данные изменения окраски могут происходить как на всѐм теле животного, так и на его отдельных участках, сопровождаясь появлением и исчезновением различного рода полос и пятен. <...> Данные изменения окраски тела хамелеонов происходят под действием как внешних раздражителей – температуры, света и влажности, так и в результате голода, жажды, испуга, раздражения и т. д. Доступные хамелеону цветовые вариации зависят от преимущественной среды обитания, характерной для вида»⁹.

А какого цвета камбала (рис. 6)?

*Рис. 6. Атлантическая длинная камбала на морском дне*¹⁰

Упрощая реальность, можно сказать, что при мимикрии животное имеет цвет окружающей среды. А это значит, что цвет животного позиционно обусловлен.

Относится ли это к человеку? Да, но только «позицией» оказывается не окружающая среда, а состояние человека.

Так, ещё в XIX веке человеческие расы выделяли по цвету: белая – европеоидная, желтая – монголоидная, чёрная – негроидная, красная – американская и коричневая – аборигенов Австралии. Это, так сказать, собственные признаки людей, принадлежащих указанным расам. Однако наличие собственных (абсолютных) признаков не ме-

⁹ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Хамелеоны>

¹⁰ URL: <https://www.alfotoru.com/Мимикриявприроде/>

шает, например, представителям белой расы *краснеть, чернеть, желтеть, зеленеть, синеть* и, как ни странно, *белеть*: “А у Грошевой как раз моя кисочка, || Как увидела меня – вся стала **белая!**” (А. Галич. Красный треугольник; выделено мной. – А. К.). Понятно, все эти цвета указывают на временное состояние человека, вызванное определенными обстоятельствами.

Ср. наблюдение Н. Н. Миклухо-Маклая: «*Несмотря на темный цвет кожи, я мог констатировать у папуасов **побледнение и покраснение** лица. Под влиянием гнева или страха цвет их лица становится заметно **светлее**; когда они заболели, я их видел также более **бледными**. Радость, пляска, быстрая ходьба, натуга, усилие при поднятии чего-либо тяжелого вызывали на некоторое время **потемнение** цвета лица*» [Миклухо-Маклай 1873] (выделено мной. – А. К.).

Открытие позиционной обусловленности (или относительности) цвета в последней трети XIX века совершили *импрессионисты*¹¹. «*Ни один цвет не существует сам по себе. То, что прежде называлось локальным тоном, – заблуждение: лист не зелёный, ствол дерева – не коричневый*» (Л. Н. Вольнский. Зелёное дерево жизни). «*Импрессионисты преобразовали восприятие живописи и природы. Вряд ли после них найдётся любитель искусства или художник, который решится утверждать, что небо – просто синее, снег – белый, а трава – зелёная*»¹².

На картине А. де Тулуз-Лотрека ярко выражена позиционная обусловленность (относительность) цвета, открытая импрессионистами (рис. 7).

¹¹ **Импрессионизм** (фр. *impressionnisme*, от *impression* – «впечатление») – направление в искусстве последней трети XIX – начала XX века, зародившееся во Франции и затем распространившееся по всему миру, представители которого стремились разрабатывать методы и приемы, которые позволяли наиболее естественно и живо запечатлеть реальный мир в его подвижности и изменчивости, передать свои мимолётные впечатления. Обычно под термином «импрессионизм» подразумевается направление в живописи, хотя его идеи также нашли своё воплощение в литературе и музыке.

¹² URL: <https://jauchitel.ru/impressionizm-v-zhivopisi-prezentaciya-po-mhk/>

Рис. 7. Анри де Тулуз-Лотрек. В Мулен-Руж. 1892¹³

Верхняя левая часть лица женщины (рис. 7), находящейся на переднем плане справа, зелёная, потому что на него падают рефлексы освещения сверху слева, а нижняя – жёлтая, потому что справа снизу его освещает настольная лампа. И только левая нижняя часть лица, недоступная зелёным и желтым рефлексам, белая. Красные от помады губы – ещё один островок абсолютного, а не относительного цвета.

Объективно открытия импрессионистов предвосхитили идеи теории относительности А. Эйнштейна, позиционную лингвистику Пражского лингвистического кружка, дистрибутивные идеи американского дескриптивизма, коммутационный тест датской глоссемати-

¹³ CHEF-D'ŒUVRE DE L'ART présente GRANDS PEINTRES. 21. Toulouse-Lautrec – P.I.C. – O.D.E..J, 1966. Paris : Hachette, «Le Moulin Rouge» (1892),ё P. VI–VII.

ки, ведущие к различению сильных (собственных) и слабых (несобственных) признаков единиц в лингвистике.

Вернёмся к словоформе *строй* (см. с. 21 настоящего издания, пункт «Абсолютная позиция»).

Относительная позиция корня *строй-* может меняться, например, в зависимости от позиции ударения или последующего суффикса, что вызывает варьирование гласного, находящегося в одной и той же (медиальной, 4-й абсолютной) позиции: *стр/О/й* (ударная позиция) – *стр/ай-А/ми* (1-я предударная позиция) – *вЫ-стр/ь/й!* (заударная позиция) – *вы-стр/Ай-ы/вать*.

Последовательность звуков, аналогичную представленной в абсолютной позиции 4 (см. табл. 1), И. А. Бодуэн де Куртенэ и называл *фонемой* – «подвижным компонентом морфемы и признаком известной морфологической категории» [Бодуэн 1963, I:122].

Относительная позиция фонемы/фона – это её/его окружение.

1. Сегментные позиции – относительно звуков в речевой цепи

Эти позиции обобщенно могут быть названы *сегментными*; внутри множества они различаются по двум основаниям: 1) контактная : дистантная и 2) предшествующая : последующая.

1. Контактные позиции – это сегментные позиции непосредственного контакта в речевой цепи фонов данной фонемы с фонами других фонем.

1.1. *Последующая контактная позиция* для фонем {З}, {В}¹⁴, {С}: *ве[З]-у*, но *ве[З']-и*, *[В']ез-ет*, но *[В]оз-ит*, *о[С]-а*, но *о[С']-е*. В позиции перед гласным непереднего ряда (в приведенных примерах – У, О, А) фонема реализуется в твердом (не-дизном) варианте, в позиции перед гласными переднего ряда (в примерах – И, Е) фонема реализуется в мягком (дизном) варианте.

В данном случае налицо дополнительное распределение твердых и мягких вариантов фонем, не нарушающее тождества морфемы, а следовательно, и фонемы.

¹⁴ В данном случае фон /в/ является неслоговым вариантом фонемы-сонанта {У/В} в позиции перед гласными Е/О.

Постулат 3. Позиционно обусловленный признак – не существует

1.2. Примеры *предшествующей контактной позиции*: *гибель*, *кипеть*, *хитрый*. При отсутствии слогов *гы*, *кы*, *хы*¹⁵ после заднеязычных согласных *Г*, *К*, *Х* фонема {Ы} реализуется в варианте [И]. Как следствие – фонемы {Г'}, {К'}, {Х'} реализуются в вариантах [Г'], [К'], [Х'].

Рассмотрим пример: **ве[Д]у – ве[Д']и – ве[С']ти – ве[Ø]ли**. Фон /д'/ встречается перед гласным переднего ряда, фон /д/ – перед гласным непереднего ряда, а в виде нуля звука фонема {Д} закономерно реализуется перед [Л/Л']. Если гласный переднего ряда обозначить 'V, гласный непереднего ряда – V, смычный глухой мягкий согласный как Т', а [Л/Л'] (ср. *вела – вели*) – Л. то распределение будет выглядеть следующим образом:

[д]	V
[д']	'V
[с']	Т'
[Ø]	Л

При этом тождество корня не нарушается: **ве/д/-, ве/д'/-, ве/с'/- и ве/Ø/-** представляют корень одного слова, являются алломорфами одной морфемы, следовательно, /д/, /д' /с'/ и /Ø/ являются аллофонами одной фонемы {Д}, а позиционно обусловленное варьирование конечного согласного корня не существенно.

2. Дистантные позиции – это сегментные позиции опосредованного (другими фонемами) контакта данной фонемы с фонемами других фонем в речевой цепи, влияющие на реализацию данной фонемы.

2.1. Примеры *предшествующей дистантной позиции* (прогрессивной дистантной диссимилиации): *февРаЛЬ* (< *февРаРь* < лат. *febRuaRius*) (диссимилиация плавных Р);

2.2. Примеры *последующей дистантной позиции* (регрессивной дистантной диссимилиации): *веРбЛюд*, < др.-рус. *веЛьбЛюдъ* (диссимилиация плавных Л); *сЛоБода*, < *сВоБода* (диссимилиация губных В, Б).

¹⁵ Слоги *ГЫ*, *КЫ*, *ХЫ* встречаются либо в подсистеме заимствованных слов (преимущественно тюркских, например, КОК-САГЫЗ, КЫЗЫЛБАШИ, ХЫЧИНЫ 'блюдо национальной кухни карачаевцев и балкарцев'), либо в подсистеме звукоподражаний, например, ГЫМКАТЬ «прост. То же, что *гмыкать*» [БАС-3, 4:479], КЫШ, ХЫ-ХЫ (URL: <https://twitter.com/vgikofficial/status/1056631907977490433>).

2. Акцентные позиции – относительно ударения

Ударение и место по отношению к нему влияют на характер реализации гласных фонем. Поведение гласных в зависимости от их позиции относительно ударения описываются так называемой «формулой Потебни»: «...слог третий от ударяемого слабее второго, предшествующего ударному, и равен слогу, следующему за ударным. Если тоническую силу ударяемого слога обозначить через 3, то отношение других слогов к ударяемому в четырехсложном слове можно будет изобразить так: 1, 2, 3, 1.» [Потебня 1866:66]. Например, *голод́овок* [гъ-ла-дО-вък], *заго́ловок* [зъ-га-лО-вък].

Таким образом, самой сильной акцентной позицией является *ударная* позиция. В исконно русских полнозначных словах звуки /а/ и /о/ различаются только под ударением (иначе – в иносистемных словах: иностранных – *поэт, поэма, поэзия*, или служебных – *но*). В *первой предударной* позиции, обозначаемой в формуле числом 2, фонемы {А} и {О} уже не различаются, сливаясь в /а/, зато отличаются от фонемы {Е}, реализующейся в фоне /и²/. В позициях, обозначаемых числом 1 (*не-первых предударных* и *всех заударных*), различительные возможности гласных минимальны: фонемы {А}, {О}, {Е} произносятся одинаково, совпадая в звуке /ь/ после твердых согласных или в звуке /ы/ – после мягких. Позиция абсолютного начала слова по силе равна первой предударной позиции (например, *отвори́ть* /атвар'Ит'/).

Позиция относительно ударения практически не влияет на реализацию слоговых звуков верхнего подъёма: слоговых вариантов глайдов /у/-/и/ и гласной фонемы {Ы}.

Рассмотрим ряд *вОдит – водИл – вЫводил* (табл. 6).

Т а б л и ц а 6

		1	2	3			Позиция
		в	О	д'	и	т	ударная
		в	а	д'	И	л	1-я предударная
в	Ы	в	ь	д'	и	л	заударная

Позиция 2-го корня (табл. 6) содержит разные гласные: [О], [А], [Ъ], но и это варьирование не нарушает тождества корня. Как же так? Звуки разные, грамматические значения – тоже: *вОдит* – настоящее время, *водИл* – прошедшее время и несовершенный вид (непредель-

ное действие), *вВводил* – форма совершенного вида, обозначающая предельное (завершённое) действие, – а корень один и тот же? Да, именно так: тождество корневой морфемы не нарушено, потому что тождество **корневой** морфемы определяется тождеством её **лексического**, а не грамматического значения.

3. Граничные (сандхиальные) позиции – относительно слова

3.1. Внешняя конечная позиция – флективный стык

В речевой цепи для удобства её правильного членения (а следовательно – понимания) представлены сигналы начала и конца слова.

В русском языке **флективный стык** маркирован несколькими явлениями:

1) оглушением звонких согласных перед фонемами {Ъ} и {Ь}: *гриб'ы – гри[П]*; *kozy – косы*, но /кос/, *коды – коты*, но /кот/, *трубы – трупы*, но /труп/, *лугом – луком*, но /лук/, *гривы – грифы*, но /гриф/, *ножа – ноша*, но /нош/. Оглушение звонких согласных в конце слова является сигналом конца слова;

2) отсутствием палатализации заднеязычных – палатальные только смягчаются: *Бога*, но *в Боге* (не **в Боже/Бозе*), *рука*, но *в руке* (не **в руче/руце*), *духа*, но *в духе* (не **в душе/дусе*);

3) беглостью *О* и *Е* – ср.:

рука/рукØ – ручØка/ручекØ – ручечØка/ручекечØ;

звонок/звонØка – звоночекØ/звоночØка;

дева/девØ – девØка/девокØ – девчØка/девчечекØ;

девчонØка/девчонокØ – девчоночØка/девчоночекØ;

замØк_/_ь/ – зам_ь/к_А, но замØчек_/_ь/ – замØч/Ø/к_а;

станØк_/_ь/ – стан_ь/к_А, но станØчек_/_ь/ – станØч/Ø/к_а.

Как только беглый гласный оказывается на суффиксальном стыке, т. е. внутри слова, он утрачивает свою беглость. Беглость гласных реализуется только на флективном стыке, т. е. на границе слов. Кроме того, нуль звука и гласный полного образования на флективном стыке находятся в отношении дополнительного распределения:

Ø	V
V	Ø

О том, что здесь мы имеем дело с морфологической позицией, обслуживающей интересы морфологии, которые в иерархии языка превыше интересов фонетики, свидетельствуют случаи появления беглости у исконно (этимологически) не редуцированных гласных. Например, *лев* /ь/ – *льв* _а («заимств. из д.-в.-н. lēwo, от лат. *leo*, греч. λέων» [Фасмер 2004, Т.2:471]), *лёд* /ь/ – *ль*/д_а («родственно лит. *ledùs* ‘лед’» [Фасмер 2004, Т.2:474]), *брелок* – *брелока*/б*релка*: *Секретная миссия простого брелка* (Дмитрий Лысак. Секретная миссия простого брелка¹⁶); *Выключи сирену, раздражает!* – *попросил Веня, улыбаясь, показывая при этом рукой, как надо выключить сигнализацию, нажав кнопку на брелке* (Захар Прилепин. Санька [НКРЯ]); «Вопрос № 287253. *На брелках или на брелоках?* Ответ справочной службы русского языка. Предпочтительно: *на брелоках*, но допустимо и *на брелках*»¹⁷.

В обоих случаях чередованию с нулём подвергается исконный этимологический гласный полного образования {Е}/{О}. Фонетически это совершенно невозможно, но морфологии необходимо маркировать конец слова – и возникает чередование этимологического гласного полного образования с нулём. Морфология постепенно берет своё, даже если для этого надо заимствованное слово с неподвижным ударением «русифицировать», перемещением ударения с основы на окончание (тем самым слову *брелок* присваивается статус русского производного слова, образованного посредством суффикса ={Ъ}к_ (ъ), как *мел*=/о/к_ъ – *мел*=/о/к_á). Новейший академический словарь [БАС-3, Т.2:184] уже даёт формы *брелока* и *брелка* как равноправные.

3.2. Внешняя начальная позиция – начало слова и приставочный стык

1. Беглость редуцированных наблюдается и на приставочном стыке: *во-б*/ь/*рать*, но *в*/ь/*-б*рать, *со-з*/ь/*вать*, но *с*/ь/*-з*ывать, *от*/ь/*-р*ывать, но *от*/о/*-р*вать, *в*/ь/з/*О*/*-б*/ь/*р*аться – *в*/ь/з/ь/*-б*раться, но *в*/о/з/ь/*-в*ести, *в*/о/с/ь/*-х*одить. Чередование /о/ с нулём звука на флективном и префиксальном стыке осуществляется в соответствии с законом В. Гавлика. Это даёт (собственно языковое!) основание **счи-**

¹⁶ См.: Stuff. 2003. 3 июня.

¹⁷ URL: <http://www.gramota.tv/spravka/buro/search-answer?s=%D0%B1%D1%80%D0-%B5%D0%BB%D0%BE%D0%BA>

тать префиксальный стык в русском языке границей слов: служебного (префикса) и полнозначного. Ср. мнение Н. С. Трубецкого: «Русские предлоги обладают в точности такими же фонологическими признаками, что и префиксы» [Трубецкой 1987:76]. А граница между предлогом и словом единодушно считается межсловной границей. Не оттого ли, что предлоги пишутся раздельно, а приставки слитно? Но это уже показания людей (пишущих и нормирующих правописание), а не языка.

2. **Словесная начальная позиция** в русском языке маркируется ещё и возможностью зияния, запрещённого внутри слова. В исконной лексике русского литературного языка зияние допускается только на границах слов и... приставочном стыке. Например, *на-учить, пообедать, во-одушевить, со-общество, за-играться, у-однообразить* и даже *па-ук*: «Из **paokъ* с приставкой *pa-* от **okъ*, которое (ввиду наличия у паука кривых ног) родственно греч. *ὄγκος* м. “крючок”, лат. *uncus* “кривой”, м. “крюк”, *ancus* “криворукий”, др.-инд. *aṅkás* м. “изгиб, крюк”, *aṅkas* ср. р. (то же)» [Фасмер 2004, т. 3:218–219].

Это ещё одно – собственно языковое – подтверждение того, что **приставки в современном русском литературном языке так ещё и не стали частью слова**, а продолжают интерпретироваться самим языком (!) как проклитики.

Итак, позиции начала (префиксальный стык) и конца слова (флексивный стык) являются **внешними словесными (граничными) позициями** и относятся к **внешнему сандхи**.

3.3. **Внутренняя позиция – суффиксальный стык**

Внутреннее сандхи в русском языке представлено на **суффиксальном стыке** – границе суффикса с корнем или предшествующим суффиксом.

Отличительная черта: **НА СУФФИКСАЛЬНОМ СТЫКЕ НИКОГДА НЕ ПЕРЕСТАВАЛИ ДЕЙСТВОВАТЬ ЗАКОНЫ ВОСХОДЯЩЕЙ ЗВУЧНОСТИ СЛОГА И СЛОГОВОГО СИНГАРМОНИЗМА.**

Самым ярким явлением суффиксального стыка является первая палатализация заднеязычных: чередования *г||ж, к||ч, х||ш* перед гласными переднего ряда (‘*V*). Ср. *на ноге*, но *у ножек*, *в руке*, но *у ручек*, *в ухе*, но *у ушек*. *Е-беглый* (на суффиксальном стыке) чередуется с [’*Ø*] – нулём-палатализирующим: *нож*[’*Ø*]ка, *руч*[’*Ø*]ка, *уш*[’*Ø*]ко.

Итак, чередования, происходящие в позиции суффиксально стыка, относятся к *внутреннему сэндхи*. Суффиксальный стык является своего рода фонетическим заповедником: **в этой позиции** продолжают действовать, не переставая, те фонетические процессы, которые начали своё действие примерно в V веке н. э. Это процессы, вызванные *законом возрастающей звучности* в слоге (сокращённо – ЗВЗ)¹⁸ и *законом слогового* (или группофонемного – по В. К. Журавлёву [Журавлёв 2005; 2006; 2007]) *сингармонизма* (сокращённо – ЗСС).

Традиционно эти процессы, трактуемые как наследие далекого прошлого, описываются в курсе «Старославянского языка» (см., например: [Селищев 1951; Хабургаев 1974]) или в «Исторических комментариях» к современному русскому языку [Кретова 1987], тогда как на суффиксальном стыке эти явления продолжают быть живой реальностью современного русского языка.

1. Звуковые процессы, связанные с действием ЗВЗ:

– появление открытого слога вследствие утраты конечных неслоговых – согласных и сонантов;

– развитие протетических согласных (*выдра, вотчина, гусеница*);

– монофтонгизация дифтонгов с глайдами i-ц (**slōuti* ⇒ ст.-сл. *слоути* «слыть, иметь известность»; **gei=tei* ⇒ ст.-сл. *жи=ти* – ‘жить’, ср. *изгой* – ‘(букв.) тот, кого выжили откуда-л.’);

– упрощение дифтонгических сочетаний с носовыми и плавными сонантами (*zvōŋ-os* ⇒ *zvo-nus* ⇒ *zvo-nъ* ⇒ ст.-сл. *звонъ*; *zvōŋ-kos* ⇒ *zvōŋ-kus* ⇒ *zvō-kъ* ⇒ ст.-сл. *звѣкъ*);

– упрощение групп шумных согласных звуков;

– йотация согласных и преобразование **bv* > *b*.

¹⁸ Нам уже доводилось комментировать распространённую в учебной литературе терминологию: «Интересно, что о восходящей звучности пишут как о “тенденции” или как о “принципе”»: “**в результате** действия ПРИНЦИПА возрастающей (или восходящей) звучности каждый слог в старославянском языке оканчивался гласным или слоговым сонорным согласным (если в слог не было гласного). Это явление принято называть “ЗАКОНОМ ОТКРЫТОГО СЛОГА” [Хабургаев 1974:107]. Налицо курьёзная ситуация: **результат** действия ТЕНДЕНЦИИ или ПРИНЦИПА “принято называть” ЗАКОНОМ. <...> “открытый слог” – лишь **одно из следствий** действия **закона восходящей звучности**. Поскольку объяснительная сила последнего велика, предпочтительней отказаться от термина “закон открытого слога” как от частного случая, поглощаемого более общим – “законом восходящей звучности” (далее – ЗВЗ)» [Кретов 1999:118].

2. Звуковые процессы, связанные с действием ЗСС:

– 1-я палатализация заднеязычных согласных и их сочетаний с фрикативными *С/З* (*кри-къ* – *кри-чи-тъ*);

– 2-я палатализация заднеязычных согласных (*крикъ* – *крича-ти*); (ср. соотношение звуковых процессов с ЗВЗ и ЗСС в пособии Н. В. Усанковой [Усанкова 2003:5–6]).

4. Морфемные позиции – относительно других морфем

Материальная реализация фонемы может зависеть от позиции относительно какой-либо морфемы слова. Морфемные позиции связаны со свойствами двух суффиксов: $=(\text{в})\acute{а}^{19}$ и $=\text{ыва}$.

Во-первых, суффикс $=\text{ыва}$ относится к левоударным и содержит «левоударную» маркировку \leftarrow [Зализняк 1985:423], указывающую, что «ударение падает левее данной морфемы» [там же:36, 423]. Точнее – «ударение падает на ближайшую гласную слева» [там же:38]. Суффикс $=(\text{в})\acute{а}$ имеет маркировку \downarrow D [там же:423], являясь «самоударным» – «ударение падает на самую данную морфему», «на самую соответствующую гласную» [там же: 36, 38].

Во-вторых, суффиксы $=(\text{в})\acute{а}^{20}$ и $=\text{ыва}$ «удлиняют» предшествующий им гласный: /о/ > /а/, {Ъ} (т. е. *О-беглый*) > Ы, {Ь} (т. е. *Е-беглый*) > И. Например, *на-зов*=у/на-з $\acute{о}\text{в}(\acute{а})$ = \emptyset =л – на-зЫ в =А=л, на-бер=у/на-б $\acute{о}\text{р}(\acute{а})$ = \emptyset =л – на-бИ р =А=л, *зарабОт*=а=л – *зарабАт*=ыва=л; *рас-кОп* / *рас-кОп(а)*= \emptyset =нн_ый, но *рас-кАп*=ыва=ть.

Сравним: *бр'осить* – *в'ыбросить* – *выбр'асывать*. Почему в *выбрасывать* ударение смещается с приставки *вЫ-* на корень? Почему

¹⁹ (в) является эпентезой, устраняющей зияние, если корень оканчивается на гласный. Ср. мнение А. А. Зализняка: «после корня на гласную... в... уместно интерпретировать просто как консонизатор корня» [Зализняк 1985:67].

²⁰ Утрата (по Ю. В. Шевелеву – в начале IX – начале X века [Shevelov 1964:633–634]) гласными различий количественных привела к превращению долготы-краткости из различительного признака в классификационный. При этом краткими оказались гласные среднего подъёма (/e/-/o/), а долгими – гласные нижнего (/а/) и верхнего (/и/-/ы/-/у/) подъёмов. Параллельно сформировалась система морфемных позиционных вариантов {О}/-а/ (из *о/а* : \acute{o}/\acute{a}), {Ь}/-ы/ (из *и* : \acute{i}), {Ъ}/-и/ (из *і* : \acute{i}) в морфемной позиции. Таким образом, различие гласных по долготе продолжает быть актуальным, оно не утратилось, а изменило способ и сузило сферу своей реализации.

в корне под ударением (!) произносится не [О], как в *брОсить*, а [А]? Всё дело в суффиксе *-ыва*, который требует (1) переноса ударения на предшествующий ему слог и (2) реализации ударного фона фонемы {О} в виде ударного фона /а/. Опять у нас две ударные позиции: *брОсить* и *выбрАсывать*, но сильная представлена только в *брОсить*, а в *выбрАсывать* реализация гласной фонемы корня является позиционно обусловленной и слабой: в этой морфемно обусловленной (морфонологической) позиции фонемы {О} и {А} различаются.

Морфемную обусловленность реализации гласной фонемы корня наблюдаем также в словоформах *назывáть* и *набирáть*.

Ударный суффикс =а́=, придающий основе значение многократности действия, требует удлинения гласного в предшествующем слоге. При этом, если в паре *выбросить* – *выбрасывать* фонема {О} реализовывалась в удлинённом варианте /а/, то в /ы/ «удлиняется» фонема {Ъ}, реализующаяся в современном русском языке в виде *О*-беглого (т. е. /о/, чередующегося с нулём звука /ø/). А в /и/ «удлиняется» фонема {Ь}, реализующаяся в современном русском языке в виде *Е*-беглого (т. е. /е/, чередующегося с нулём звука /ø/). Получается, что суффикс =а= и суффикс =ыва= реализуют один и тот же принцип: суффиксу, обозначающему длительность/многократность действия, должен предшествовать долгий гласный. Фактически, формальное удлинение гласного в корне предсказывает появление суффикса, «удлиняющего» действие, совершаемое глаголом. Это своего рода формально-семантический параллелизм – подсказка для слушающего: «Внимание, сейчас появится суффикс, удлиняющий действие глагола!».

О каком удлинении идёт речь? Ведь в русском языке долгота-краткость гласного не является смыслоразличительным признаком. Дело в том, что *А* происходит из *А*-долгого и *О*-долгого, а *О* – из *А*-краткого и *О*-краткого поэтому *О* удлиняется в *А*. *Ы* происходит из *У*-долгого, а *Ь* – их *У*-краткого, поэтому *Ь* удлиняется в *Ы*. Соответственно, *И* происходит из *І*-долгого, а *Ь* – из *І*-краткого. Поэтому *Ь* удлиняется в *Ы*, а *Ь* – в *И*. Как видим, у русского языка долгая память. Можно описать это явление и иначе: чередование возникло тогда, когда существовала оппозиция **долгих** и **кратких** гласных и продолжает существовать (с закономерными фонетическими поправками) до сих пор.

Таким образом, **деление гласных на долгие и краткие в современном русском языке продолжает сохранять свою объяснительную силу, помогая не только различать, но и отождествлять звуки речи.**

Осталось лишь объяснить, откуда берется чередование с нулём в формах *назов'у – назв́ать, набер'у – набр́ать*. Расхожее объяснение такое: перед нами *грамматическая позиция*: в формах *назов'у, назовёшь, назовёт, назовём, назовёте, назов'ут* и формах повелительного наклонения (императива) *назови!, назовите!* Фонема {О}, реализуемая в первой предударной позиции фоном /а/, маркирует так называемые «основы настоящего времени», Ø-звука в формах *звал, звала, звало, звали, звать* маркирует так называемые «основы прошедшего времени». При этом как-то не принято обращать внимание на принципиальное различие грамматических значений настоящего времени изъявительного наклонения (индикатива) и повелительного значения (императива). По умолчанию почему-то принято считать, что это одно и то же, хотя все прекрасно знают, какая пропасть разделяет семантику индикатива и императива. Соответственно, семантика прошедшего времени изъявительного наклонения имеет мало общего с семантикой инфинитива.

Таким образом, освящённое длительной традицией объяснение чередования *О||Ø* как грамматического попросту не работает: основы, маркируемые чередованием *О||Ø*, семантически неоднородны.

Что же можно предложить взамен? Мы уже видели, что в современном русском языке формы с Ø гласного встречаются на флективном стыке – в последнем слоге основы и не встречаются на суффиксальном стыке.

В формах с гласным полного образования за корнем следует суффикс: *зов=е_шь, зов=ё_ть, зов=ё_мь, зов=ё_те, зов=и_Ø, зов=и_те*.

Подтверждением, что здесь именно суффиксальный стык, а не флективный, как учат в средней и высшей школах, является наличие первой палатализации в этой позиции, которой, как мы уже знаем, на флективном стыке не происходит (там – только смягчение): *пахать – пахешь, пашет, пашем, пашаете; лягу, лягут – ляжешь, ляжет, ляжем, ляжете; толку, толкут – толчешь, толчет, толчем, толчёте; искать – ищешь, ищет, ищем, ищите*.

В этих формах так называемый «тематический гласный» [Е] выполняет функцию суффикса не прошедшего времени.

Второе принципиальное обстоятельство состоит в том, что ударный /а/ в формах *звать-брать, звал-брал* является не суффиксом, а вставным звуком – *эпентезой*. Следовательно, корень оказывается последним слогом основы. Если бы /а/ относился к основе, он бы встречался во всех формах, а он встречается только в формах прошедшего

времени и инфинитива (в формах настоящего времени и императива его нет). Если бы /a/ был суффиксом, то он бы (1) имел значение длительности/многократности и (2) удлинял бы гласный корня. Ни то и ни другое эпентетическому [A] не свойственно: ср. *созвать* (1 раз) – *созывать* (долго или многократно), *набрать* (1 раз) – *набирать* (долго или многократно).

Таким образом, беглый гласный в корне объясняется не особым грамматическим значением, которых несколько, а внешним сандхи – позицией на флективном стыке – в последнем слоге основы. Парадокс состоит в том, что эпентетический ударный гласный /a/ не относится ни к основе, ни к окончанию, и поэтому должен просто игнорироваться, что и делает язык. Это не суффикс и не часть корня, это вокалическая эпентеза – анаптіксис, нужная для удобства произношения: ср. формы без него: **набрть*, **созвь*. Слоги такой структуры в исконных русских словах невозможны.

А удлинение беглого гласного в корне объясняется особой морфемной позицией: перед суффиксом =á=, маркирующим 4-ю (длительно-многократную) степень глагольного действия [Мельников 2001].

Мораль этого примера состоит в том, что ударная позиция гласного /a/ является слабой позицией: в *звать/брать* ударный гласный звук /a/ вообще не представляет фонемы, не будучи ни морфемой, ни частью морфемы. Это одно из следствий постулата «Фонема – различитель морфем». Как видим, одна и та же форма может иметь совершенно разные функции, а сходные внешне явления могут представлять различные сущности.

5. Грамматические позиции – относительно грамматических форм и значений

В этих позициях чередования звуков морфологизированы и являются одним из *грамматических способов* (т. е. способов передачи грамматических – прежде всего морфологических – значений). В литературе эти позиции называют также *морфонологическими*, потому что в них *морфологические* значения различаются *фонетическими* чередованиями.

Сравним фразы: **Выведу** войска из Ирака, – обещал кандидат в президенты США и **Выводу** войск из Ирака предшествует сверхдли-

Постулат 3. Позиционно обусловленный признак – не существует

тельная подготовка; **Отведу** войска от линии соприкосновения, – *обещал Президент Украины* и **Отводу** войск от линии соприкосновения *всё время что-то мешает*. Лексически обе пары фраз тождественны. Различаются они лишь частеречной принадлежностью (глагол-имя) слов: *выведу-вывод, отведу-отвод* и значениями: ПРЕДМЕТНОСТИ – у имени, и ПРОЦЕССА – у глагола.

Если сравнить пары *выведу – выводу, отведу – отводу*, то различие корней сведётся к чередованию /e||o/. Это древнее чередование, и корень древний: оба относятся к индоевропейскому наследию в русском языке. Уже в праиндоевропейском языке чередование /e||o/ в корне использовалось для различения грамматических значений. В приведённых выше парах это чередование используется для различения значений *процессуальности* (у глагола) и *предметности* (у имени существительного). А в паре *ведú – водú* это чередование (обусловленными акцентной позицией фонемами /i⁹/ и /a/) различает грамматические значения однонаправленного движения (*вед'ú*) и разнонаправленного (*вод'ú*). При этом грамматическое чередование /e||o/ вызывает комбинаторное (сегментное) чередование /v'v/, которое является позиционно обусловленным, а следовательно – не существенным. Перед нами типичное дополнительное распределение:

[B]	V
[v']	'V

Впрочем, пара *водил – вёл [vad']Ил – [v'Оo]л* вроде бы свидетельствует о том, что дело не в гласном (который в обоих случаях – переднего ряда: [A] или [O]), а в согласном (который то твёрдый – [v] *одил*, то мягкий – [v']*ёл*).

В данном случае тождество /o/ в *отвОд* и *отвЁл* – мнимое: ударный /o/ чередуется с /a/ (в 1-й предударной позиции – *отв/a/дИ*) и с /ъ/ (в заударной позиции – *вIв[ъ]д*) и не чередуется с [И^е] (1-я предударная) и [Ь] (заударная). Кроме того, *О* никогда не смягчает предшествующий согласный, а в *вёл* перед нами *О*-смягчающий. Это позиционно обусловленный вариант реализации фонемы {E}.

Перед мягким согласным под ударением произносится /e/: *пень*, но *пёнышек* (перед твёрдым согласным).

Существует распространённое заблуждение, будто положение под ударением всегда является сильной позицией для гласных. Сильной позицией является смысловоразличительная позиция, по-научному

– позиция релевантности. И в *пЕнь* гласный корня под ударением, и в *пЁньшешк* – под ударением, а сильной позицией для гласного является безударная позиция в формах косвенных падежей: *пня*, *пней* и т. п., – по которым мы узнаём, что имеем дело не с фонемой {Е}, а с фонемой {Б} («ерь», проявляющейся как *Е*-беглый). Напротив, в *пЁньшешк* мы имеем позицию нейтрализации фонем {Е} и {Б}, а в слове *пЕНь* – позицию нейтрализации фонем {Е}, {Б} и {Ђ}. В обоих случаях под ударением мы имеем слабую позицию.

Возвращаясь к паре *отвЁл* – *отвОд*, делаем вывод: в *отвЁл* реализована фонема {Е}, а мягкость /в'/ позиционно обусловлена, т. е. несущественна.

И последнее: вряд ли кто-то станет утверждать, что *отвЁл* – такая же именная форма, как *отвОд*, раз там и там под ударением слышится /о/. *ОтвЁл* – такая же глагольная форма, как *отв[и^е]дИ* и *вЫв[ь]ди*; и во всех трёх акцентных позициях реализована одна и та же фонема {Е}, маркирующая значение процессуальности, свойственное глаголу.

Другой пример: *У-мер=∅=л_и* || *у-мор=И=л_и*, но *у-мър=∅=И_те* || *у-мор=и=И_те*. Беглость корневого *Е* указывает на фонему {Б}, т. е. на нулевой гласный корня в *ПИЕ*, а не-беглость *О* – на ещё *ПИЕ* {О}. Оппозиция {Б} : {О} связана с грамматическими значениями инхоатива : каузатива (совершить действие самостоятельно : заставить кого-л. совершить какое-л. действие).

Например, *пЕй=∅=и_те* (сами), но *пёте* || *пой=И=и_те* (кого-л.). Оппозиция {Б} : {О} и здесь маркирует значения инхоативности : каузативности.

Другой пример. *Ты уныл*. Ты *каков* или ты *что сделал*? Это краткая форма прилагательного *унылый* в составе составного именного сказуемого (ср. *Ты был уныл*. *Ты будешь уныл*) или простое глагольное сказуемое (ср. *Ты уноешь*)?

Только во множественном числе формы не совпадают: *Вы унылы* (прилагательное), но *Вы уныли* (глагол). Ср. *бел* – *бела* – *бело* – *белЫ*, но *был* – *была* – *было* – *былИ*. /ы/ маркирует краткое прилагательное, /и/ маркирует форму множественного числа прошедшего времени. Таким образом, оппозиция /ы/ : /и/ используется для манифестации оппозиции Имя : Глагол в морфологической позиции множественного числа.

Другой пример: *умниКа* – *умниЦа*. Фонетически позиции тождественные и по третьей палатализации в обеих позициях должно быть /ц/.

Постулат 3. Позиционно обусловленный признак – не существует

Но /к-к'/ и /ц/ распределены не фонетически, а морфологически: /к-к'/ указывает на мужской пол (и, соответственно, род), а /ц/ – на женский.

Последний пример: *в óке – в óчи*, но *óком – óчáми*. Фонетически (по первой палатализации) перед гласным переднего ряда фонема {К} должна бы реализовываться в виде /ч/, а перед гласными непереднего ряда – в виде /к/.

Но посмотрим на парадигму этого слова:

	Ед.ч.	Мн.ч.
И.п.	ОКО	ОЧИ
Р.п.	ОКА	ОЧЕЙ
Д.п.	ОКУ	ОЧАМ
В.п.	ОКО	ОЧИ
Т.п.	ОКОМ	ОЧАМИ
П.п.	ОКЕ	ОЧАХ

Перед нами типичная **морфонологическая** позиция: формы единственного числа маркируются /к/ после гласных непереднего ряда /о/, /а/, /у/ и /к'/ после гласного переднего ряда /е/, а формы множественного – /ч/ после любых гласных: передних /и/, /е/ и непередних /а/. Таким образом, оппозиция звуков /к-к'/ : /ч/ представляет в речи морфонологическую оппозицию ед. ч. : мн. ч.

Ещё один важный принцип, демонстрируемый данным примером, состоит в приоритете морфонологической позиции перед фонетической: в случае противоречия между фонетическими и морфонологическими позициями учитываются «вышестоящие» – морфонологические, а фонетические игнорируются (см. ниже о взаимодействии и иерархии уровней языка – позиции 6 и 7).

Здесь не ставится задача описать все грамматические (морфонологические) позиции и морфологизированные чередования. Довольно полный их перечень представлен в книге И. Б. Иткина [Иткин 2007] (см. Приложение 2).

6. Лексфонеменная позиция – позиция конфликта лексического и фонетического уровней языка

Лексфонеменная позиция имеет место в тех случаях, когда закономерности фонетики противостоят интересам вышестоящего – лексико-семантического – уровня языка.

При этом фонетика оказывается «служанкой» не только морфологии, но (вместе с ней) и лексики.

Рассмотрим примеры и проиллюстрируем интересы лексики, препятствующие соблюдению интересов фонетики.

Часто, доказывая возможность смягчения (а не палатализации) заднеязычных в основе глагола, приводят в качестве примера глагол *ткать, тку, ткёт* [БАС-1, Т.15:190].

Обратимся к анализу этого явления, осуществлённому Л. В. Щербой:

«Допустим, что иностранный исследователь общерусского языка запишет такие формы 3 л. ед. ч., как *несёт, везёт, плетёт, ждёт, мнёт, ткёт, жгёт, жжот*. Что он из этого умозаключит, сидя у себя в кабинете? Он решит, очевидно, что форма 3 л. ед. ч. определённого типа глаголов образуется путем смягчения последнего согласного основы и прибавления окончания *-ёт* (точнее, *-от*) и что форма *жжот* является пережитком или диалектизмом. Только дальнейшая проверка на фактах (эксперимент) поможет ему ввести в правило ограничение, состоящее в том, что *к, г* основы не смягчаются, а меняются на *ч, ж*. Тогда *жжот* станет у него нормальной формой, а *ткёт, жгёт* – диалектизмами. Вполне ли, однако, это будет верно? Если начать образовывать формы (эксперимент) *печёт* и *пекёт, течёт* и *текёт, сечёт* и *секёт* и т. д., то окажется, что, хотя первые формы и будут безусловно правильными, однако и вторые не будут абсолютно невозможными, какими были бы, например, формы *пекот, текот, секот* (эксперимент). Далее окажется, что форма *ткёт* предпочтительнее, чем *тчёт* (эксперимент); если же попробовать образовывать форму 3 л. от малоупотребительного (в городе) глагола *ску* (эксперимент), то скажем, пожалуй, *скёт* и едва ли *щёт = счёт*. И вся картина становится совершенно ясной: формы *пекёт, секёт, жгёт* и т. д. – это формы будущего языка» [Щерба 2004:38].

В этом рассуждении Л. В. Щерба мимоходом сделал открытие, на которое ни он сам, ни последующие исследователи особого внимания не обратили. Равенство «едва ли щёт = счёт» из приведённой выше цитаты и является открытием *лексфонологической* позиции и причины предпочтения фонетически «неправильного» варианта *скёт* фонетически «правильному» *щёт*.

Этот же принцип применим и к объяснению пары *ткёт / тчёт = чёт* (ср. антоним *нечёт* и формы 2 л. ед. *чѣшь, 1 л. мн. *чѣм = о

Постулат 3. Позиционно обусловленный признак – не существует

чём?, 2 л. мн. *чёте). Тут интересы лексики, состоящие в нежелательности умножения омоформ, приходят в противоречие с законами морфонологии, требующими альтернации заднеязычных с шипящими на суффиксальном стыке в позиции перед гласными переднего ряда («смягчающими» гласными).

Побеждают интересы вышестоящего уровня – лексического.

7. Лексморфемная позиция – позиция конфликта лексического и морфемного уровней языка

Аналогично – краткий гласный /o/, предшествующий суффиксу =ыва, должен быть ударным и реализовываться в виде долгого гласного /a/: *зарабОтать* > *зарабАтывать*, *подбрОсить* > *подбрАсывать*, *устрОить* > *устрАивать*, *вздрОгнуть* > *вздрАгивать* и др.

Но возможность нежелательной для лексики омоформии, возникающей в результате такой трансформации, способна блокировать этот процесс: *просрОчить* – *просрОчивать*, *распогОдиться* > *распогОживаться*, *подытОжить* – *подытОживать*, *пришпОрить* > *пришпОривать*, *обезвОдить* > *обезвОживать*, *растревОжить* – *растревОживать*, *стренОжить* > *стренОживать*, *почмОкать* > *почмОкивать*, *скОмкать* – *скОмкивать*, *обездОлить* > *обездОливать*, *разлимОнить* > *разлимОнивать*, *проОхат* > *проОхивать*, *обестОчить* > *обестОчивать*, *урезОнить* > *урезОнивать*, *замусОлить* > *замусОливать*, *рассупОнить* > *рассупОнивать*, *объегОрить* > *объегОривать*, *проворОнить* > *проворОнивать*, *откупОрить* > *откупОривать*, *упрОчить* > *упрОчивать*, *облапОшить* > *облапОшивать* и т. п.

Эту позицию можно назвать *лексморфемной*.

Постулат четвёртый

БЕЗ ТОЖДЕСТВА ПОЗИЦИИ НЕТ ОППОЗИЦИИ

Перцептивно и сигнификативно сильные и слабые позиции

Утяжеляющей надбавкой к различению сильных и слабых фонологических позиций представляется предложение А. А. Реформатского различать *перцептивные* и *сигнификативные* позиции.

Московская фонологическая школа (МФШ), как и Ленинградская, **сильной позицией гласных считает позицию под ударением**. Вопрос о том, какая позиция является сильной, а какая слабой, очень важен: представители МФШ утверждают, что в каждом языке столько фонем, сколько их различается в сильной позиции.

И тут москвичи начинают противоречить сами себе. МФШ отказывается принимать субстанциалистскую позицию ленинградцев, ориентирующихся на звуки (фонны), для которых в словоформе *прут* реализована фонема [Т]²¹, а соотносится она с *пруты* или *пруды* – не важно.

Москвичи считают, что нельзя рассматривать слабую позицию (в конце слова) изолированно: её обязательно нужно соотносить с сильной позицией. А соотнеся слабую и сильную позиции, можно сказать, что в словоформе *прут*, если она соотносится с *пруты*, звук /т/, является реализацией фонемы [Т]. А если она соотносится с *пруды*, тот же звук является реализацией фонемы [Д].

Получается, что, когда речь идет о слабых позициях, москвичи требуют соотносить позиции и не ограничиваться одной слабой, и фонема у них выступает как ряд фонов в разных позициях. Но как только речь доходит до сильной позиции, они рассуждают точно так же, как ленинградцы: в языке столько фонем, сколько их в сильной позиции. И тут уже слабые позиции не важны и не нужны, учитывать слабые

²¹ В фигурных скобках {} даются фонемы КФШ, в квадратных [] – ЛФШ и МФШ, в наклонных чертах //– фонны.

(т. е. безударные) позиции для определения количества и качества гласных в языке не нужно, ведь то, что находится в сильной позиции, и есть, по мнению москвичей, фонема.

Решающим оказывается вопрос – какая же позиция является сильной? Тут москвичи и ленинградцы оказываются единодушны: для гласных сильной является позиция под ударением. В результате у москвичей и ленинградцев получается практически один и тот же набор гласных фонем. Есть расхождение лишь по вопросу о фонемах {Б}-{И}, связанное с позиционностью МФШ и субстанциональностью ЛФШ, и правы в нём ленинградцы, правда, совсем не потому, что /ы/ и /и/ звучат по-разному (но об этом – отдельно – см. Приложение 1).

Рассмотрим для примера слово *посól*. В данном слове гласный /ó/ находится под ударением. С точки зрения А. А. Реформатского, ударная позиция является сильной. Если мы определили фонему как различитель морфем, то какая же фонема будет реализована под ударением в слове *посól*? Ответ прост – фонема {О}. А каков родит. пад. данного слова? *Посла* или *посола*? Соответственно, *посол* – именит. пад. формы *посола* или *посла*? Получается, что и в форме *посола*, и в форме *посла* между /с/ и /л/ у нас одна и та же фонема?

Итак, в форме *посóла* между /с/ и /л/ звук /ó/, а в форме *посла* между /с/ и /л/ – ноль звука. При этом в именит. пад. в этой позиции корня один и тот же гласный – /ó/. Могут ли с учетом их значения формы *послá* и *посóла* иметь общий корень? *Послá* связано с *посылáть*, *пос'ыл*, *сёлáть*, а *посóла* – с *сóль*, *сóлит*, *засóл*, *засáливать*. В словах *посól*, *послáть*, *пос'ылка* реализована фонема {Б}. А в словах *сóль*, *посол'ить*, *посáливать*, – {О}. Эти фонемы различают корневые морфемы и образуют два ряда чередований: 1) ó||ø||'ы и 2) ó||^||á. При этом ударная позиция в *посól* является слабой (позицией неразличения) – различие корней нейтрализуется, а безударная позиция в *послá* является сильной (позицией различения). В то же время ударные позиции форм *сóль*, *сóлим* оказываются сильными. Фактически орфографическая форма *посол* представляет две омоформы: *пос{О}л* и *пос{Б}л*, – и новейший академический словарь [БАС-3, т. 19:113–114] совершенно справедливо трактует их как два омонима: это слова с разными корневыми морфемами²².

Вывод: сильная позиция гласных не привязана к ударению.

²² И эту омонимию можно было бы устранить с помощью имеющихся в нашем распоряжении букв: *посОл* (*пряный*) и *посЪл* (*полномочный*).

В одном случае у нас во второй абсолютной позиции чередуются *Ы, О* и ноль звука, а в другом случае – *О, А*, ноль звука. Здесь также может быть и другой звук. В слове *высолить* в заударном слоге фонема {О} будет представлена другим звуком: /v'ысъл'ит'/.

Возникает вопрос: а может ли одна и та же фонема в одних и тех же позициях иметь разные варианты? Не может! Если одна и та же фонема в одних и тех же позициях ведет себя по-разному, значит, это – две разные фонемы.

А как по ударной позиции узнать, *сóли* или *пос'ылу* родственно слово *посól*? Тут-то представителей МФШ и «выручает» понятие *перцептивной* позиции А. А. Реформатского: хотя *сигнификативно* это слабая позиция, но *перцептивно* всё равно сильная, так как находится под ударением. (Наверное, А. А. Реформатский обиделся бы, если б ему сказали, что вводя понятие «*перцептивно*» сильных фонем, он фактически переходит на позиции ЛФШ и, по его собственному выражению, «переносит МФШ в Бологое».) Если МФШ утверждает, что фонема является различителем морфем, то как можно утверждать, что позиция под ударением – всегда сильная? Это противоречие было устранено учеником А. А. Реформатского В. А. Виноградовым, черным по белому написавшим: «Принцип отождествления фонем будет сформулирован так: тождеству морфы соответствует тождество фонемы, но не наоборот. <...> Разные морфемы могут иметь одинаковое фонемное выражение, чего не бывает с разными морфемами одной морфемы» [Виноградов 2003:13].

А. А. Реформатский приводит пример: *Самá* поймала *сомá*. Здесь в словах *сом* и *сам* позиция под ударением действительно является сильной. *Сом* и *сам* различаются, а позиция нейтрализации – *самá* – слабая.

В примере: *посóл* – *послá* и *посóл* – *посóла*, где безударная позиция корневого гласного в *послá* является позицией различения (релевантности), мы можем различить корни. Корень *-сл_* безударный, гласного нет, а мы можем определить значение. Следовательно, понятие *перцептивно* сильной позиции только сбивает с толку и приводит к заблуждению, будто позиция под ударением всегда является позицией различения. Единственное назначение новшества А. А. Реформатского – оправдать справедливость тезиса МФШ о том, что ударная позиция гласных **всегда** сильная: если и не *сигнификативно*, так хотя бы *перцептивно*. Объективно это попытка

примирить теорию МФШ с дофонологической фонетикой А. А. Потебни [Потебня 1866:66].

Не все создатели МФШ приняли нововведение А. А. Реформатского. В. Н. Сидоров «не принимал её для своей фонологической теории, так как, по его мнению, лишь различение сигнификативных позиций (слабой и сильной) важно для фонологии, перцептивные же позиции фонологически не важны» [Барина 2004:132].

А если так, то и уточнение *сигнификативно* избыточно, так как оно ничему не противопоставлено. В результате остаются лишь *сильные* позиции (позиции различения, контраста) и *слабые* позиции (позиции неразличения, нейтрализации).

Таким образом, деление позиций на *сигнификативные* и *перцептивные* избыточно, а значит, должно быть устранено.

Более того, нет оснований утверждать, что сильные позиции гласных – это всегда позиции под ударением.

Можно предположить, что представление об ударной позиции, как самой сильной связано с так называемой «формулой Потебни»: 1231, в которой 3 соответствует ударная позиция гласного, 2 – первая предударная позиция гласного, а 1 – остальные (детали и тонкости мы тут опускаем) [Потебня 1866:66].

Для второй половины XIX века это открытие профессора Харьковского университета Александра Афанасьевича Потебни было большим шагом вперёд, оно доказало свою продуктивность при исследовании вокализма в диалектологии, но ведь вторая половина XIX века – это еще дофонологическая эпоха. Когда же представители Московской фонологической школы говорят, что **фонема – это различитель морфем**, не определяемый субстанцией звука, – они уже не имеют права вслед за представителями ЛФШ утверждать, будто сильной позицией для гласной является позиция под ударением.

Ясно, что позиция под ударением может быть и сильной, и слабой, причём даже по отношению к одному и тому же корню. Следовательно, связывать сильную позицию с ударением нет никакого резона. *Сильная* позиция гласных, как и всех остальных фонем и фонетических единиц, – это позиция различения (релевантности), независимо от ударности-безударности. В то время как *слабая* позиция – это позиция неразличения (нейтрализации), также независимо от ударности-безударности.

Сила и слабость позиции связаны не с ударением, а со смыслоразличением. Если есть смыслоразличение – это сильная позиция, а если нет – слабая. (Ср. позицию В. Н. Сидорова в

передаче Бариновой: «по его [В. Н. Сидорова] мнению, лишь различие сигнификативных позиций (слабой и сильной) важно для фонологии, перцептивные же позиции фонологически не важны» [Баринова 2004:132].)

А если так, как же тогда объяснить, что одно и то же /o/ (*посо́л* – *посо́ла/посо́ла*) ведет себя по-разному, одно и то же /a/ (*заса́ливать* – *са́ло/со́ль*; *закáпывать* – *ка́пля/око́п*) ведет себя по-разному (то как /a/, то как /o/)?

Ответ на этот вопрос достаточно прост, если мы стоим на позиции, что фонема – различитель морфем и что одна и та же фонема в одной и той же (абсолютной и относительной) позиции не может реализовываться в разных звуках. **Если одна и та же фонема в одной и той же позиции реализуется по-разному, значит, это две разные фонемы.**

Сравним слова *годо́к* и *ходо́к*. Гласный /ó/ в данном случае находится под ударением. Следовательно, по МФШ и ЛФШ, в этих словах реализована одна и та же фонема – {O}.

Склоняем: *ходо́ка* и *годо́ка*. Абсолютные и относительные позиции фонем одинаковы, но результаты в первом предударном слоге различны: /хѐд_д_ка́/, но /г_л_т_о_ка́/. Вывод: в словах *годо́к* и *ходо́к*. между /д/ и /к/ – две разные фонемы: O-стабильное – {ход=Ок_ь} и O-беглое – {год=Ък_ь}.

Характеристики фонемы {Ъ}: под ударением – /ѐ/, в безударной позиции на конце основы – /ѐ/, а в позиции перед суффиксом *-á* – /ы/. Например: *з/ѐ/в*, *з/л/в'ут*, *в'ыз/ь/в*, *з/ѐ/в(á)л* (ноль звука), *наз/ы/ва́ют* и *наз/ы/ва́л*. Иными словами, фонема {Ъ} реализуется рядом фонем /ѐ/-/л/-/ь/-/ѐ/-/ы/: в сильной позиции реализуются /ѐ/-/ы/, а в слабой (совпадающей с позициями фонемы {O}) – /ѐ/-/л/-/ь/. Кроме того, фонемы /л/-/ь/ реализуются в позиции нейтрализации с фонемой {А}.

Фонема {O} никогда не реализуется в виде /ы/: *превозм/ѐ/гут*, но *превозм/л/га́ют*, *нам/ѐ/кнут*, но *нам/л/ка́ют*.

Таким образом, фонема – это не отдельный фон.

Ф о н е м а – это различитель морфем, реализующийся в речи уникальным рядом позиционно чередующихся аллофонов, находящихся в отношениях дополнительного распределения или свободного варьирования, либо частью этого ряда.

Что же мешает «москвичам» принять эту точку зрения? Две догмы.

Догма первая: фонема определяется исключительно по сильной позиции.

Догма вторая: сильная позиция гласной – это позиция под ударением.

Отказ от этих догм даёт совсем другую систему фонем русского языка. Выясняется, что в русском языке по меньшей мере два разных /o/ и три /e/.

Рассмотрим примеры: *след* и *лёд*, *снег* и *слёг*, *день* и *тень*. Почему мы имеем *лежать*, но *слёг* и *слежаться*, но *слёживаться*, при *снег*, а не **снёг*? *E* чередуется с *O*-смягчающим перед твёрдым согласным. Мы имеем два разных *E*: один под ударением перед твёрдой согласной изменяется в *O*, а другой – не изменяется. Не изменяется в *O* тот *E*, который происходит из «ятя» {Ъ}. Представители же МФШ считают, что в словах *слёг*, *нёс*, *вёз* и т. д. *Ě* находится в сильной позиции и реализуется через /o/. Полагаем, что здесь фонема {E} реализуется в позиционно обусловленном варианте /'o/.

Теперь просклоняем: *день* – *дн'ями*, *тень* – *тен'ями*. В первом случае гласный корня пропадает. Во втором – произносится как /i'/. Внутренние и внешние позиции те же самые. В данном случае тоже две разные фонемы: *E*-беглое {Ъ} и *E*-небеглое {E}. Примеры с беглыми гласными иллюстрируют понятие «редуцированного гласного».

Всё вышеперечисленное касается искомых слов и не касается заимствованных. Заимствованные слова имеют свои законы и ведут себя по-своему. Например, в заимствованных словах гласный /э/ не смягчает предшествующий согласный (в словах *детектив*, *компьютер* и т. д.)

Наша орфография ориентируется на неразличение заимствованных и исконных слов, с чем трудно согласиться: стоило ли вводить в алфавит букву Э, чтобы потом ею не пользоваться?! Впрочем, столь же бесхозяйственно мы обходимся и с буквой Ě.

Итак, деление позиций на сигнификативные и перцептивные единицы избыточно, и фонему нельзя определять по одной, пусть даже ударной, позиции. В каждой отдельной позиции реализуется фон, а не фонема. И, если мы говорим, что в языке столько фонем, сколько их различается под ударением, то вместо того, чтобы говорить о фонах, мы начинаем говорить о фонах. Для Ленинградской фонологической школы это нормально, но для Московской – по меньшей мере – непоследовательно.

Второе: **фонема – это не фон в (пусть даже абсолютно) сильной позиции, а весь уникальный ряд позиционно чередующихся фонем.**

И, наконец, позиция под ударением для гласных может быть, как сильной, так и слабой: **сильная позиция гласных не привязана к ударению.**

Позиция под ударением может быть позицией нейтрализации (как в словах *посо́л, заса́ливать, зака́пывать* и т. д.), а безударная позиция может быть позицией различения, как в формах *посо́лать – посылáть*.

Мы познакомились с новым взглядом на фонему, указали на два заблуждения МФШ, отказ от которых позволил сделать вывод, что в русском языке (если говорить о фонемном составе исконной лексики) фон /о/ представляет две фонемы: {О} и {Ъ}, а фон /е/ – не одну фонему, а три: {Е}, {Ѣ} и {Ь}.

МФШ утверждает, что её фонология ориентирована на теорию письма и принцип единообразного написания морфем. Исходя из вышесказанного следует, что москвичи отходят от своих же принципов. В соответствии с принципами МФШ в современной орфографии следовало бы употреблять буквы *Ъ* и *Ь* для обозначения *О* и *Е* беглых, сохранить *Ѣ* «ять» для обозначения ударного /é/ в исконно русских словах, всегда писать букву *Ѣ* и употреблять *Э* после твёрдых согласных в иностранных и заимствованных словах, а не описывать в орфоэпических словарях, подобно англичанам, произношение отдельно для каждого слова.

Путь к фонеме

Профессором В. Г. Руделёвым сформулирован принцип: «**Без тождества позиции нет оппозиции**». В данном случае *имеется в виду тождество абсолютной и относительной позиций*, в которых находятся фонемы. По умолчанию термин *позиция* и будет обозначать такое тождество.

Рассмотрим, что такое фонема.

Фонема – это различитель означющих морфем, а тем самым – и морфем в их тотальности.

Это утверждение имеет очень серьезное следствие: *если есть различение морфем, значит, различию звуков соответствует различие фонем, если различения морфем не происходит, значит, нет различия фонем, а есть варианты её реализации.* Если фонема – различитель морфем (это функциональное определение), то по факту наличия

или отсутствия различения морфем можно определить, имеем ли мы дело с разными фонемами или с вариантами одной и той же фонемы.

Например: *коды* – *годы*. Здесь противопоставлены *К* и *Г*, и эти звуки (/к/ и /г/) различают две разные морфемы, два разных слова, два разных значения. Следовательно, *К* – представитель одной фонемы, *Г* – представитель другой фонемы. Здесь звуки /к/ и /г/ представляют две разные фонемы. Еще одно важное положение следует иметь в виду: произнести можно лишь единицу речи (этическую), но не языка (эмическую). *Фон-ему* произнести нельзя, *морф-ему* произнести нельзя; если мы признаем *слово* единицей языка, то это будет означать, что и *слово* произнести нельзя. Произнести и услышать можно только *фон*, *морф* или *словоформу* – единицу речи.

В каких отношениях находятся *фонема* и *фон*? В отношениях репрезентации (представительства): фон, не будучи фонемой, представляет её.

Роль фона похожа на роль Чрезвычайного и полномочного посла России: не будучи Россией, он представляет её (её интересы) в другой стране. Послы России – разные по возрасту и внешности люди, не похожие друг на друга ещё и потому, что занимают разные географические позиции (страны). Но все они выполняют одну функцию: представляют одно государство – Россию, проводя и отстаивая её интересы по всему миру.

Так и фонемы: не являясь фонемой, они представляют её в определенных позициях текста, а полный набор всех фонем, представляющих фонему во всех позициях, и позволяет нам идентифицировать фонему и отличить её от других фонем.

В фонемологии важна только сигнификативная (смыслоразличительная) функция фонем: различают они морфемы или не различают.

Одна и та же фонема в одной и той же позиции реализуется в одном и том же варианте. В противном случае мы имеем дело с вариантами разных фонем.

Исторически буквами *Ъ* и *Ь* обозначали особые гласные фонемы – *редуцированные*. Сейчас на месте этих фонем (в последнем слоге основы) мы наблюдаем беглость: в позиции перед нулём гласного, нулевым окончанием они реализуются как *О* или *Е*, а в позиции перед ненулевым окончанием (неважно каким) – в виде нуля.

Но ведь фонема (по крайней мере, в теории МФШ) может в определённых позициях реализовываться в виде нуля звука.

Перед нами именно такая ситуация: (в последнем слоге основы, т. е. на флективном стыке) /o/ в позиции перед нулём звука и ноль в позиции перед каким-то гласным. Это отношения дополнительного распределения. Следовательно, ноль является одним из аллофонов фонемы «ер» (О-беглого). Ноль является также одним из аллофонов фонемы «ерь» (Е-беглого). Но это два разных нуля: *ноль не смягчающий* и *ноль смягчающий*.

Сравним: *нога – ножка/ножск, рука – ручка/ручек, ухо – ушко/ушек*. В этих словах мы наблюдаем чередование: $z||ж$ (*нога – ножка*), $k||ч$ (*рука – ручка*), $x||ш$ (*ухо – ушко*). Заднеязычные и шипящие в этих формах – представители разных фонем или одной? Все учебники утверждают, что разных. Но не будем спешить им поверить и проверим: различают ли чередования ($k||ч$, $z||ж$, $x||ш$) корневые морфемы и их значения? Нет. А если мы определили фонему как *различитель морфем*, то выступают ли эти звуки в функции различителей морфем? Нет. Как же тогда объяснить, что разные «фонемы» не выполняют своей смыслоразличительной функции, которая им приписана по определению?

Позиция «тождеству морфы соответствует тождество фонемы» [Виноградов 2003:13] имеет следующие недостатки. Во-первых, нарушается последовательность различения эмических и этических единиц: фонемы (единицы *эмические*, принадлежащие уровню теоретических конструктов – языку) представляют морфы (единицы *этические*, принадлежащие уровню непосредственного наблюдения – речи). Во-вторых, исчезает различие между МФШ и ЛФШ, поскольку для ЛФШ фонемы – различители словоформ, а словоформы состоят из морфов. Тем самым налицо отход от позиции Бодуэна и отцов-основателей МФШ, всегда (кроме позднего Р. И. Аванесова) настаивавших на морфематизме фонемы.

Если же вслед за Бодуэном, создателями МФШ и С. И. Бернштейном считать фонемы различителями морфем, то как в этом случае признать $z||ж$, $x||ш$, $k||ч$ разными фонемами, когда смыслоразличения нет? Тут говорят: «Это историческое чередование. В древнерусском языке оно было позиционным: перед гласными переднего ряда всегда были *Ж, Ш, Ч*, перед гласными непереднего ряда всегда были *Г, Х, К*. Но так было до падения редуцированных, а редуцированные-то пали! Поэтому в *ручка* перед *К* нет никаких условий для того, чтобы *К* изменился в *Ч*, в *ножка* – перед *К* нет никаких условий для того, чтобы *Г* изменился в *Ж*, точно так же с *ушком*. А раз условий нет, раз это чере-

дование позиционно не обусловлено, значит, мы не можем говорить о том, что это аллофоны одной фонемы». И всё бы так, но... не всё, что не воспринимается органами чувств, не существует и отсутствует (см. Постулат нулевой).

Фонема подобна предмету, который сам по себе может быть и не виден, но отбрасывает видимую тень. Например, *ножек, ручек, ушек*. Здесь перед гласным переднего ряда /e/ «превращение» шипящих в заднеязычные позиционно обусловлено и в этих формах *Ж, Ч, Ш* должны быть признаны аллофонами *Г, К, Х*. А вот в остальных формах /e/ нет, а /г-к-х/ всё равно чередуются с /ж-ч-ш/: *ноГа-ноЖка, руКа-руЧка, уХо-уШко*. В остальных формах (одного и того же слова!) говорят о том, что *Ж-Ч-Ш* и *Г-К-Х* – разные фонемы. Не странно ли? (Не говорим уже о том, что существующая и доминирующая научная концепция не очень озабочена объяснением появления [Е] в *ножек-ручек-ушек*, высказывающего, как черт из табакерки.)

Позитивистский идеал науки признаёт существующим только то, что воспринимается чувствами или приборами, и воспитанные в этом идеале лингвисты говорят: «Смотрите, никакого /e/ в *ножка-ручка-ушко* нет, а чередование имеется. Оно возникло ещё до того, как пали редуцированные (в данном случае – редуцированный {Б}, да так и остались в языке (по традиции)». Эта интерпретация укоренилась настолько, что мешает видеть очевидное: {Б} продолжает работать и сейчас. Например, слова *брюки* (первая лексикографическая фиксация – в 1789 году) и *блок* (первая лексикографическая фиксация – в 1934 году) заимствованы в русский язык заведомо после «падения редуцированных», датируемого ≈ XII веком. Однако в производных от них *брючек-брючки, блокоч-блокочка* наблюдается то же самое чередование заднеязычных по первой палатализации, которая, как утверждают историки языка, перестала действовать уже к VIII веку н. э. Нам объясняют: «Заимствованные слова изменяются по аналогии с исконными словами, которые пережили первую палатализацию».

Но как же объяснить тот факт, что звука нет, а чередование налично, как если бы здесь был гласный переднего ряда? Видя тень, можно ли сомневаться в существовании отбрасывающего её предмета?

Следует со всей определённостью сказать: «*Слухи о падении редуцированных сильно преувеличены*», – и сам факт наличия чередования при нуле гласного указывает на существование в современном русском языке особой гласной фонемы переднего ряда. На флективном стыке (да и в абсолютном конце слова) редуцированные не утра-

тились, а лишь изменили форму своей реализации. Если неслышимый объект вызывает перемены, то как можно утверждать, что его не существует? Это всё равно, что отрицать радиацию лишь потому, что мы её не видим.

Вряд ли данное явление можно назвать *значимым отсутствием*, скорее это зеркально симметричное ему *скрытое присутствие*. Значимое отсутствие фонемы имеет место в позиции окончания (флексии): на фоне окончаний *ног_а, ног_и, ног_у* отсутствие окончания у формы *ног_Ø* воспринимается как особый (нулевой) знак.

Итак, мы приходим к выводу, что чередования в словах *ручка, ножка, ушко* – тоже чередования регулярные, позиционные. Значит, пары звуков *г//ж, к//ч, х//ш* в рассмотренных примерах являются аллофонами – позиционно обусловленными вариантами фонем {Г}, {К}, {Х}.

Возражают: «Это явление не фонетическое, а морфонологическое, поскольку позиция суффиксального стыка – позиция морфонологическая, а не фонетическая». Но ведь само разграничение фонологии и морфонологии – следствие научного договора, а затем – научной традиции. Эти границы устанавливаются людьми на основании каких-то соображений и соглашений. Главное требование к научному договору – чтобы он способствовал познанию объекта, а не препятствовал ему. Если мы считаем морфему знаком языка, если для нас важны принципы и методы установления её целостности, то этому и должно быть подчинено всё, в том числе – соображения, определяющие научные соглашения. Тождество аффикса важно в морфологии, словообразовании, а корневой морфемы – в лексикологии, этимологии. Вынесение за скобки внутреннего и внешнего сандхи в лингвистике осуществляется уже более 2500 лет – со времён «Восьмикнижия» Панини. Анлаут и ауслаут в фонетике различают уже более 200 лет, хотя это отнюдь не фонетические позиции. Никаких серьёзных научных оснований для противопоставления фонетических и нефонетических позиций не существует. Почему фундаментальный принцип лингвистики «всё позиционно обусловленное не существенно» должен распространяться на позиции, называемые фонетическими, и не должен распространяться на позиции, называемые морфонологическими, – не понятно.

Присмотримся к паре *калоши – галоши*. Эти формы различаются теми же /к/, /г/, что в паре *кора – гора*. Являются ли эти звуки (фоны) представителями разных фонем, как в словах *коды – годы*? Нет, в паре

калоши – *галоши* это варианты одного инварианта. Смыслоразличения мена /к/ > /г/ в паре *калоши* – *галоши* не вызывает, а *фонема* – это различитель морфем. Если звуки не различают морфемы, не различают значения, как же они могут быть представителями разных фонем? Есть смысловое различие – есть разные фонемы. Нет смысловое различие – нет и фонем. В паре *кора* – *гора* звук /к/ представляет фонему {К}, а звук /г/ – фонему {Г}, так как они различают морфемы *кор-/гор-*, имеющие разные значения. В паре *ро/з/а* – *ро/к/* звук /к/ представляет фонему {Г}, потому что морфологической (это позиция конца слова!) позиции нейтрализации соответствует сильная позиция с той же корневой морфемой: *роОг_ом* – *роОк_ом*. При тождестве морфемы звуки /к/ и /г/ (*ро/к/* – *рога*) являются вариантами одной фонемы-инварианта {Г}, а при различии морфем (*роком* – *рогом*) звуки /к/ и /г/ являются вариантами разных фонем-инвариантов: {К} и {Г}.

Какой же инвариант реализован в паре *калоши* – *галоши*? {К} или {Г}? Сложность ответа вызвана тем, что отношения свободного варьирования звуки имеют в так называемой «перцептивно сильной позиции» – перед гласным, которая с точки зрения смысловое различения является позицией нейтрализации, т. е. сигнификативно слабой позицией. Когда нам всё равно, какой из двух звуков употребить, эти звуки находятся в отношениях *свободного варьирования*, указывающих на наличие вариантов одного инварианта. В данном случае остаётся признать, что здесь реализована *гиперфонема* {К/Г}. Она может реализовываться в двух равноценных и равнозначных вариантах морфемы.

Другой пример: *ноль* – *нуль*. Сравним: *роль* – *руль* и *ноль* – *нуль*. В словах *роль* – *руль* /о/ и /у/ различают корни, являются представителями разных фонем. В *ноль-нуль* – не являются, ибо находятся в отношениях свободного варьирования. Значит, в случае *роль-руль* /о/ и /у/ являются фонами, представляющими разные фонемы, а в *ноль-нуль*, *тоннель-туннель* звуки /о/ и /у/ – варианты гиперфонемы {О/У}, и у этой гиперфонемы нет какого-то одного-единственного, главного, исходного, предпочтительного варианта. В паре *везу* – *воз* можно говорить о реализации в корне гиперфонемы {Е/О = æ}.

Но вернёмся к паре *калоши* – *галоши*. Если мы определили фонему как ряд звуков, находящихся в отношении дополнительного распределения, то мы можем указать на фонему, которая реализуется рядом /г/ – /г'/ – /к/: это фонема {Г} – ср. *но/з/а* – *но/з'/е* – *но/к/*, *ро/з/а* – *ро/з'/е* – *ро/к/*, *лу/з/а* – *лу/з'/е* – *лу/к/*. А если вариантными являются как отношения дополнительного распределения, так и отношения свобод-

ного варьирования, то на каком основании мы включаем в определение фонемы дополнительное распределение и не включаем свободное варьирование? Логика вариантно-инвариантных отношений требует, чтобы оба распределения признавались на равных основаниях.

Если фонема, по В. Н. Сидорову, – знак (этот термин лучше сохранить за морфемой, а фонему вслед за Луи Ельмслевом именовать *фигурой плана выражения*), т. е. атом, целостность, то места для различительных признаков вроде бы не остаётся.

Различительными признаками (меризмами) обладают не теоретические конструкты – фонемы, а реально произносимые звуки – фоны (ср. Постулат седьмой).

Выделение различительных признаков уместно лишь в тех случаях, когда фоны, представляющие фонемы, «работают»: находятся в сильной позиции, составляя минимальную различительную пару (*минимальной различительной парой* является такая пара словоформ, в которых не совпадает только одна пара звуков, находящихся в одинаковых позициях – внутренних и внешних), например, *Кóрка-Гóрка* или *лúКа-лúГа*, но не *лу/К/=лук/луг* (конец слова – позиция нейтрализации, связанная с отношениями дополнительного распределения фонов /к/-/г/ в паре *лу/к/-лúга*) и не *Калоши-Галоши* (позиция нерелевантности, связанная с отношениями свободного варьирования фонов /к/-/г/).

С. А. Крылов [Крылов 2004:347] принимает определение фонемы, предложенное в 1948 году А. И. Зарецким: «Две фонемы различны, если хоть одна альтернанта одной не совпадает ни с какой альтернантой другой. Фонему определяем, следовательно, не по одному из её звучаний, а по совокупности звучаний, так как эта совокупность и есть фонема. Поэтому у слов *дом* и *стол* – одна и та же главная фонема [Ó||А||Ъ], но у слова *урок* – уже другая фонема [Ó], а у слова *корова* первый гласный – опять другая фонема [А||Ъ]» [Зарецкий 1948:25–26]. Интересно, что сам А. И. Зарецкий принимает другое решение: «считать две фонемы тождественными, если при чередовании у них нет членов, не совпадающих в какой-либо позиции» [Панов 1967:233]. Есть ли резон видеть разные фонемы в словах *дОм*, *урОк* и *кОрова*? Мы не можем привести соображение, по которому количество фонем в языке следует умножать таким образом. Следовательно, в одну фонему мы, по А. И. Зарецкому и М. В. Панову, объединяем ряды аллофонов, организованные отношением включения, при котором один ряд является частью другого – более обширного ряда. Тогда

[О] в *к/а/рова* и *ур/О/к* будут отождествлены с /о/ в словах *дом*, *стол*, так как и /а:ъ/, и [ó] входят в ряд /ó:а:ъ/, и, как следствие – между собой, хотя в их рядах нет ни одного общего члена.

Таким образом, **фонема** – это различитель морфем, реализующийся в речи уникальным рядом позиционно чередующихся аллофонов, находящихся в отношениях дополнительного распределения или свободного варьирования, **либо** – частью этого ряда.

Выше мы сделали вид, что поверили А. И. Зарецкому, будто первый гласный в слове *кóрова* реализуется рядом /а||ъ/, а единственный гласный в слове *урóк* – рядом /ó/. На самом деле это утверждение можно принять, разве что считая фонему различителем словоформ, но в таком случае А. И. Зарецкого уже нельзя будет считать представителем МФШ. Основатели МФШ всегда считали фонему различителем морфем. Поэтому в данном случае надо вести речь о корнях *коров-* и *рок-* (*у-рок*), а анализировать морфемы следует даже не в пределах словообразовательного гнезда, а на фоне всей системы общенародного языка (не ограничиваясь при этом условными рамками языка литературного).

По поводу *кóровы* решение предложено В. Г. Чургановой. Да, первый гласный этого корня не бывает под ударением, но ведь есть ещё и *кóрóbка*, *кóрóткий*, *вóрóна* и многие другие слова с *-ОРО-*, в которых первый слог проверяем: *кóроб*, *кóротко*, *вóрон* и т. д. И когда первый слог таких слов проверяем, под ударением всегда оказывается /о/. Следовательно, в слове *корова* первый гласный представляет фонему {О} [Чурганова 1973:46], [Крылов 2004:327–330]. По этим же самым системным соображениям фонемный состав слова *кóрова* – {кóрв_а}, а слов *кóроб*, *кóротко*, *вóрон* – {кóрб_ъ}, {кóрт=ък_о}, {вóрн_ъ}. Что касается сочетания /ор/ во всех указанных словах, то в нём, как и в словах *гОРдый* {г^вРд_ый}, *гОРб* {г^вРб_ъ} следует видеть дифтонгическую реализацию слогового варианта фонемы {Р}. (Это решение требует отдельного разговора, связанного с количеством и качеством фонем в русском языке, о чем см. Приложения 2 и 3.)

Обратимся к слову *урок*. Даже если мы сделаем вид, что нам не известно слово *урокодатель* «(разг. неодобр.) Учитель, который видит свою обязанность только в обучении, но не в воспитании учащихся» [Ожегов 1991:836], в котором {О} в корне *рок-* реализуется в варианте /ъ/, останется множество способов доказать, что гласная фонема в корне *рок-* реализуется не только в ударном варианте: в нашем распоряжении окажутся и другие безударные реализации того же самого

корня в словах *óтрок, роковой, náрочный, нарочítый, бессрочноот-пускной*. Кроме слова *урок* с приставкой *у-* и *óт-рок* с приставкой *от-*, есть ещё и *об-рóк, с-рок, за-рóк, по-рóк, про-рóк, (не)на-рóк(ом)*. Если же мы сравним фразы *Он не раз заРЕКался (делать что-либо)* и *Он не раз давал (такой) заРОК*, то обнаружим, что в корне {РОК}- реализована отнюдь не фонема {О}, а гиперфонема {Е/О}; следовательно, корректное фонематическое представление корня будет {РЭК=}, а медиаль его варианта {РОК} – тот же самый ряд фонов /ó||а||ъ/, что и в словах *стол, дом: у-р/ó/к, на-р/а/ч-ítый, р/ь/ковой, óт-р/ь/к*.

На это могут возразить: «Позвольте, но так выделять морфемы нельзя! Вы допускаете грубейшую теоретическую ошибку, смешивая синхронию с диахронией!». А мы ответим: «Напротив, принцип историзма строго соблюдается – нет презумпции, будто бы все анализируемые слова возникли здесь и сейчас, они **берутся такими, какими они были на момент своего возникновения** (а разве не в этом состоит историзм?)». Кроме того, мы анализируем их строго системно: т. е. на фоне всей системы языка, а не ограничивая себя одним словом или одним словообразовательным гнездом. А главное – мы не считаем, что у каждого отдельного слова (у каждого отдельного элемента системы) может быть своя собственная, отдельная от прочих слов – элементов словаря, синхрония-диахрония. **Изменяться слова могут только вместе со всей системой, элементами которой они являются.**

Этот постулат кажется избыточным, когда речь идёт об абсолютной позиции. Вряд ли кому придёт в голову сопоставлять формы *МАК-гаМАК-аргаМАК*. Но когда речь идёт об относительной позиции, этот постулат далёк от избыточности и тривиальности.

Например, Е. С. Кубрякова пишет: «Наличие чередований типа “глухой” – “глуше”, “крепкий” – “крепче” при существовании форм типа “в ухе”, “о кепке” свидетельствует о том, что появление этих чередований не обусловлено фонологич. окружением и связано с функциональным различием окончаний в вышеприведённых примерах: в первых двух примерах окончание служит для образования сравнит. степени наречия, во втором и третьем (sic! Видимо, следует читать «в третье и четвертом». – А. К.) – предложного падежа» [Кубрякова 2013].

Во-первых, не будем придирается: хотя *глухой* и *крепкий* прилагательные, а не наречия (*глухо* и *крепко*), формы сравнительной степени у них одинаковы – *глуше* и *крепче*.

Во-вторых, то, что /ш/ и /ч/ не фонемы, представляющие фонему (как, например, в *уХо* – *уШек*, *руКа* – *руЧек*), а бифонемы {ХЙ} и {КЙ}, видно из пары *проСТОй* – *проЩе*: Щ в данном случае – трифон, представляющий сразу три фонемы – {С}, {Т}, {Й}. Перед нами результат йотации, происходящей на суффиксальном стыке *СТ=Й* → *Щ*: {прост_Ой → прОст=йе_#}. Для того чтобы сделать такой вывод, не надо даже выходить за пределы современного русского языка: ср. *хвост* – в *хвосте*. Формально и здесь *СТ* перед *Е*, однако вместо ожидаемого /щ/ тут /с'т'/. Почему же такая разница? Потому что мы имеем дело с разными стыковыми позициями: суффиксальным стыком (у форм сравнительной степени) и флективным стыком (у форм предлож. пад.). И морфологические значения тут ни при чем. **Если каждому чередованию приписывать морфологическое значение, возникнет такая неоднозначность, что нормальное функционирование языка станет невозможным.**

Относительные позиции различаются не грамматическими значениями, а как **внутреннее** (у сравнительной степени) : **внешнее** (у предлож. пад.) **сáндхи**.

Суффиксальный стык – царство словообразования, а флективный стык – царство морфологии. И в обоих царствах фонетические позиции значимы ровно настолько, насколько позволяет «царь».

На флективном стыке дизным гласным разрешается смягчать предшествующий согласный (один или несколько, если они построены по схеме *ST*).

Нетождественность относительных позиций приводит к нетождественности функционального наполнения наблюдаемых чередований.

Понятие минимальной пары

Как отметил Л. Р. Зиндер [Зиндер 2007:422], идея минимальной пары как приём обнаружения смысловозначительных особенностей звуков была известна уже М.В. Ломоносову: «...протяжение <...> некоторую разницу причиняет между речениями одного выговора, например: у немцев *Stall* краткое значит конюшню, а *Stahl* долгое – сталь» [Ломоносов 1952:404].

Современный фонолог сказал бы, что перед нами типичная *минимальная пара* – «противопоставленная по смыслу пара слов, которые различаются значениями одного и того же фонетического признака.

Так, русская пара *пыл* – *был* противопоставлена глухостью/звонкостью согласных» [Кодзасов 2001:326].

Минимальная пара выявляет противопоставленность звуков – фон. В этом смысле различие **фонологических пар** типа *бить* : *пить*, *гаркать* : *каркать*, *допить* : *топить* и **фонетических пар** типа *дрова* : *трава*, *долг* : *толк*, *абонент* : *оппонент*, предложенное В. А. Виноградовым [Виноградов 2003:353], представляется избыточным: все минимальные пары – «фонетические» в том смысле, что все они произносятся и могут быть услышаны. А совпадение набора не противопоставленных фонем в словоформе с набором фонем – это счастливая случайность, вовсе не обязательная для минимальной пары.

С точки зрения системной лингвистики при характеристике минимальных пар значительно важнее другое условие: минимальные пары должны состоять из исконных словоформ. Это требование следует из *принципа гомогенности*. Заимствованные, т. е. порождённые иной системой и не освоенные системой данного языка, слова и их формы не могут составить минимальную пару данного языка. Несоблюдение этого требования чревато искажением представления о фонемном составе данного языка. Например, пары «англ. *мэр* : *мер*», «англ. *сэр* : *сер*»²³ могут быть основанием для включения в число русских фонем такой гласной фонемы, как «Э-не смягчающее», тогда как это явление встречается в словах, заимствованных преимущественно из германских и романских языков. А пара «*люк* : *люк* (<нем.)» может рассматриваться как доказательство существования в русском языке фонемы [Л'], пара «*кум* (<лат.) – *чум* (<коми)» может рассматриваться как доказательство существования в русском языке фонемы [Ч], а пара «*храм* (<ст.-слав) – *шрам* (<ср.-в.-н.)» может использоваться (и используется [Бурлак 2005:189–190]) для доказательства существования фонем [Ч], [Ш].

Здесь уместно вспомнить мнение М. В. Ломоносова: «Ежели для иностранных выговоров вымышлять новые буквы, то будет наша азбука с китайскую» [Ломоносов 1952:422]. Аналогично: если для выявления русских фонем брать минимальные пары с иностранным словом, то будет наша система фонем с китайскую азбуку.

Минимальная пара – самый прямой путь к выявлению различительных признаков фонем (меризмов) данного языка. Суть его – ком-

²³ Традиционно эти пары трактуются как различающиеся фонемами [М] : [М'] и [С] : [С']. Мы же считаем мягкость согласного позиционно обусловленным и, следовательно, не фонологичным признаком.

мутационный тест, с помощью которого устанавливается существенность (при семантическом различии) или несущественность (при неизменности семантики) того или иного звукового различия [Виноградов 2008]. Но ЛФШ, с её звуковым фетишизмом и понятием «звукотипа», апелляция к смыслоразличению как бы и не очень нужна. В связи с этим Л. Р. Зиндер предпринял попытку дискредитировать минимальную пару с помощью следующих аргументов: «Фонема, являющаяся языковой единицей плана выражения, не может определяться через план содержания» [Зиндер 2007:425]. Однако сами по себе звуки никому не интересны, они важны лишь постольку, поскольку за ними стоит то, чем они не являются, – содержание. По Л. Р. Зиндеру, «функция фонемы заключается не в том, чтобы различать слова или словоформы, ... а в том, чтобы опознавать эти языковые единицы» [там же]. При этом Л. Р. Зиндер ссылается на фрагмент другой своей работы: «Значение слова, разумеется, не зависит от его фонемного состава; об этом свидетельствуют и факты омонимии, и многозначность слова. Следовательно, фонема служит не для *дифференциации* (зд. и далее выделено мной. – А. К.) значений, а только для *различения* слов, поскольку образует их звуковой облик» [там же:53]. Если последнюю фразу понять как «фонемы различают не означаемые, а означающие слов», с ней не поспоришь. Но ведь слова и словоформы обязательно имеют значение, иначе они не слова и не словоформы. Следовательно, различая означающие слов и словоформ, фонемы (в понимании Л. Р. Зиндера), различают и их значения. Разве не звуковые различия помогают нам «опознать» слова: *так, мак, рак, гак* – заодно с их значениями? А разве можно вообще *опознать* что-либо, не «дифференцировав» его от похожего и близкого, но иного? Ср.: определения глаголов: *опознать* – «узнать по каким-н. признакам, приметам»; *отличить* – «распознать, установить разницу между кем-чем-нибудь»; *распознать* – «определить, узнать по каким-н. признакам, данным»; *узнать* – «обнаружить в ком-чем-нибудь знакомого, знакомое»; *определить* – «с точностью выяснить, привести в известность», а также «дать научную, логическую характеристику, формулировку какого-н. понятия, раскрыть его содержание (науч.)» [Ожегов 1991].

Таким образом, замена слов *различить-дифференцировать* словом *опознать* ничего не меняет по существу и научным аргументом не является. А то, что звуки не всегда справляются с различением значений и тогда им помогают другие уровни языка – лексический и син-

таксический, никак не может служить аргументом в пользу того, что фонемы не являются различителями знаков речи и языка.

По-человечески Л. Р. Зиндера можно понять и даже посочувствовать: с одной стороны, он не может отказаться от различительной роли звуков, тогда нет ни различительных признаков, ни самой фонемы, а с другой – он стремится принизить роль смыслоразличения (ради которого и существует язык), чтобы выдвинуть на передний план звуковую субстанцию. В итоге фонемология ЛФШ оказывается фонемологией бессмыслицы (проверки канала связи – апофеоз свободы от смысло-различения) или – в лучшем случае – фонемологией заимствованных и других периферийных слов.

Постулат пятый

НОРМА НЕ МАРКИРУЕТСЯ

В своём классическом труде «Основы фонологии» [Трубецкой 2000] Н. С. Трубецкой предложил множество классификаций оппозиций: по отношению к системе оппозиций (многомерные и одномерные, изолированные и пропорциональные), по объёму их смысловозначительной силы (постоянные и нейтрализуемые). Однако, как показала история, важнейшим в учении Н. С. Трубецкого (и всех школ структурализма вообще) оказалось деление оппозиций по отношению между членами оппозиций, а именно – на **привативные, ступенчатые (градуальные) и равнозначные (эквивалентные)**.

Привативная оппозиция

Главным, и, как мы увидим, единственным типом оппозиции является привативная оппозиция, построенная по принципу $0 : 1$.

Наглядным примером такой оппозиции служит противопоставление форм повелительного наклонения *читай* : *читайТЕ*. Общая часть *читай* выносится за скобки и получается \emptyset : $TE = 0 : 1$.

Есть такое выражение: «*Чёрт-те что и сбоку бантик*». Если его принять за маркированный член оппозиции, то немаркированным (беспризнаковым= 0) будет «*чёрт-те что*». В таком случае маркирующим признаком будет *бантик*= 1 .

Но не всё так просто. Если одетый человек войдёт в парилку, где люди парятся (естественно, без одежды), то признаком, отличающим его от остальных, будет *одежда*= 1 . Так возникнет оппозиция *обнажённый* : *одетый* с маркированным членом «*одетый*».

Но если представить себе противоположную ситуацию, когда в зал, полный одетых людей, входит человек без одежды, то формально маркированными следовало бы признать *одетых* людей: на них есть ещё и одежда. Между тем понятно, что выделяться и отличаться от всех в этой ситуации будет *нагой* человек. Именно он будет признако-

вым членом оппозиции. И этим признаком, отсутствующим у остальных, будет «обнажённость». Так возникает оппозиция *одетый* : *обнажённый* с маркированным членом «*обнажённый*», и признаком=1 – «обнажённость».

Если в паре *нагой* : *одетый* маркированным может быть как первый, так и второй член оппозиции, то маркированность-немаркированность члена привативной оппозиции зависит не от материального наличия чего-то дополнительного, а от чего-то ещё.

В рассмотренном выше примере «обнажённость» выступает как идеальный, мыслимый, отвлекаемый от ситуации признак.

Попробуем рассмотреть наш пример в другом ракурсе. Что является нормой в парной? *Обнажённость*. Что является аномалией в парной? «*Одетость*».

Что является нормой в зале театра? *Одетость*. Что является аномалией? *Обнажённость*.

Следовательно, немаркированный член привативной оппозиции связан с нормой, а маркированный (признаковый) – с аномалией. Нормальный член оппозиции называют также *доминантным*, а аномальный – *рецессивным*. С точки зрения теории информации немаркированный член оппозиции содержит минимум информации, а маркированный – более информативен.

Тут следует отметить, что вся социальная жизнь построена на противопоставлении нормы аномалии. А в обществе, культуре и языке всегда маркируется аномалия.

Так, в Уголовном кодексе написано, что члену общества не следует делать и почему. В языке слова, обозначающие «плохое», т. е. неправильное, аномальное поведение, многочисленны, а слова, обозначающие «хорошее», правильное, нормальное поведение, практически отсутствуют.

Как же определить, какой член привативной оппозиции признаковый, маркированный, а какой беспризнаковый?

Есть три способа: **семиотический, феноменологический и типологический.**

Семиотический способ ответа таков: звук, в котором оппозиция нейтрализуется, и есть немаркированный член оппозиции.

Ср. *Трубы* : *труПы*, но /*труП*/, *банДа* : *банТа*, но /*банТ*/, *гаДить* : *гатТить*, но /*гаТ*/, *луГом* : *луКом*, но /*луК*/, *коЗы* : *коСы*, но /*коС*/.

Как видим, в русском языке оппозиция «глухой : звонкий» нейтрализуется в глухом варианте. Следовательно, семиотически маркированы звонкие согласные.

Например, как определить, какой член является маркированным в парах *Бить : Пить, Дело : Тело, Гора : Кора, Зад : Сад?* Б-П, Д-Т, Г-К и З-С противопоставлены как звонкий глухому. Что же является «признаком»? =1: «звонкость» или «глухость»? Чисто логически возможны оба варианта.

Феноменологический способ ответа на этот вопрос будет такой: подсчитать, каких звуков больше в русской речи – звонких или глухих. Поскольку норма встречается часто (почти всегда), а аномалия – редко (в виде исключения), то те звуки, которые встретятся чаще, будут беспризнаковыми, а те, которые встретятся реже, – признаковыми. Ср. у Н. С. Трубецкого: «из двух членов привативной оппозиции немаркированный член в связной речи встречается чаще, чем маркированный» [Трубецкой 2000:278]. Далее Н. С. Трубецкой предупреждает: «В общем и целом такую формулировку можно было бы считать соответствующей действительности. Однако её ни в коем случае не следует рассматривать как правило, не терпящее исключений <...> Например, в русской речи звонкая фонема встречается примерно в три раза реже, чем глухая, но /Ж/ встречается чаще, чем /Ш/, а /В/ – в четыре раза чаще, чем /Ф/» [там же:278–279].

Тут мы осмелимся возразить самому Н. С. Трубецкому: за обнаруженным им нарушением феноменологической закономерности (в этом и любом другом случае) скрывается научная проблема, требующая своего разрешения.

В пресуппозиции – младограмматический принцип безысключительности фонетических законов, распространённый на количественные закономерности функционирования фонем.

Проверим результаты Н. С. Трубецкого данными 1958–1965 гг. Для этого возьмём книгу Н. Д. Андреева, а именно таблицу «Русский язык, печатные тексты, четыре подъязыка» [Андреев 1967:226–227], и два подъязыка: смешанные тексты (по данным Д. С. Лебедева и В. А. Гармаша, 1958 г. – ДЛ и ВГ в табл. 7 ниже) и деловые тексты (по данным Г. Г. Белоногова и Г. Д. Фролова, 1961 г. – ГБ и ГФ в табл. 7 ниже). Для сравнения возьмём также таблицу из материала А. В. Баклушина (АБ в табл. 7 ниже) «Русский язык, фонемно записанные тексты (Б1)» [Баклушин 1965]. Свод этих данных представлен ниже, в табл. 7.

Проведённая проверка показала: 1) Н. С. Трубецкой считал фонемы, а не буквы: даже несмотря на фрагментарность нашего корреляционного ряда по глухости-звонкости, среднее отношение глухих маркем к звонким оказалось близким к указанному Н. С. Трубецким для букв и равным ему для фонем; 2) звонкие фонемы в русском языке маркированы различительным признаком «звонкость». Феноменологический способ, основанный на данных из четырёх независимых источников, это подтвердил.

Т а б л и ц а 7

Относительные частоты русских букв и фонем в тексте

Буква/ Фонема	Источник			Отно- шение 1 Гл : Зв	Отно- шение 2 Гл : Зв	Отно- шение 3 Гл : Зв
	ДЛ и ВГ 1958	ГБ и ГФ 1961	АБ 1965			
п	0,023	0,0320	0,019	2	2	2
б	0,014	0,0150	0,011			
т	0,053	0,0545	0,039	2	2	2
д	0,025	0,0335	0,016			
к	0,028	0,0230	0,020	2	2	3
г	0,013	0,0096	0,008			
с	0,045	0,0405	0,045	3	3	4
з	0,016	0,0150	0,011			
Среднее				2	2	3

Типологический способ ответа таков: из двух членов привативной оппозиции в языках мира может отсутствовать маркированный член оппозиции.

«Из согласных общее распространение имеют к, р, т, с, h, m, n, l, г, v, j. Фонологическая **оппозиция согласных по звонкости/глухости** (зд. и далее выделено мной. – А. К.) в большинстве [прибалтийско-финских. – А. К.] языков слабо развита, а в **некоторых диалектах совсем отсутствует** [Лаанест 1993:33]. «Меньше всего согласных в финском языке, в котором наряду с тремя ротовыми глухими смычными и с их гоморганными звонкими назальными соответствиями (т. е. р, т, к – m, n, η) употребляются два ликвидных (следует читать «плавных». – А. К.) (l, r), один сибилант (s) и еще три смычных (sic! Следует читать «фрикативных». – А. К. Ср.: [Елисеев 1993:92]) (v, j, h). Хотя

звонкий *d* уже функционирует как в литературном, так и общеразговорном языке, ему на диалектном уровне соответствуют *r*, *l*, *ð*. Таким образом, в финском отсутствуют корреляции по звонкости (выделено мной. – А. К.) и палатализации» [Хайду 1993:10].

Языки с отсутствием корреляции шумных по глухости-звонкости не уникальны. «В качестве немаркированных смычных в этом случае выступают глухие непродыхательные» [Кодзасов 2001:441]. К таким языкам относятся также языки австралийских аборигенов, некоторые полинезийские языки (включая гавайский – язык с минимальным числом фонем), а также языки чукотско-камчатской группы [там же:441–442].

Как видим, языки без звонких согласных (при наличии глухих) существуют. Из этого следует, что и типологически немаркированным членом оппозиции «глухой : звонкий» является глухой, а различительным (дифференциальным) признаком маркированного члена этой оппозиции является «звонкость».

В данном случае все три способа определения немаркированного члена привативной оппозиции дали одинаковый результат. Но так бывает не всегда. Способы могут противоречить друг другу. В связи с этим надо иметь в виду, что их доказательность не одинакова. Для данного конкретного языка на первом месте должен стоять **семиотический** способ, на втором – **феноменологический** и на последнем – **типологический**.

Равнозначная (эквивалентная) оппозиция

Познакомимся с открытием доктора филологических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации **Владимира Георгиевича Руделёва** (8.07.1932 – 19.11.2018)²⁴.

По свидетельству В. Г. Руделёва, «универсальная оппозитивная структура описанного типа была открыта в 1978 году при изучении трёхчленных структур, построенных по признаку <пола>: [мужчина→человек←женщина], [гусак→гусь←гусыня]» [Руделёв 2013:144–145].

Итак, эквивалентная оппозиция, выделенная Н. С. Трубецким, – это результат наложения и опущения (про-

²⁴ Более подробную информацию о В. Г. Руделёве см.: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Руделёв,_Владимир_Георгиевич

пуска, не упоминания) тождественных друг другу немаркированных членов двух привативных оппозиций: $1' : (0=0) : 1''$.

В качестве примера эквиполентной оппозиции в русском языке можно привести «З : Ш» (в минимальной паре ||ЗОЛ:ШОЛ||). Эта эквиполентная оппозиция состоит из двух привативных: «З : С», в которой член «З» маркирован звонкостью, и «С : Ш», в которой член «Ш» маркирован двуфокусностью («шипящостью»), а общим нейтральным членом обеих оппозиций является *С* (не-звонкий и не-шипящий), представленный в слове *хлебо-СОЛ* (ср. *хлебо-нёк*, *хлебо-дар*, *хлебо-воз*, *хлебо-рез*, *хлебо-роб*, *хлебо-род*, *хлебо-стой*).

Ступенчатая (градуальная) оппозиция

В. Г. Руделёв написал, что «все иные виды оппозиций... оказываются сцеплениями привативных оппозиций» [Руделёв 2016:590], но в явном виде устройство градуальной оппозиции не раскрыл. Оно и понятно: «Градуальные оппозиции сравнительно редки и не столь важны, как привативные» [Трубецкой 2000:80].

Подсказка к сущности градуальной оппозиции содержится уже у Н. С. Трубецкого: 1) члены градуальной оппозиции обладают «различной степенью или градацией одного и того же признака» [там же], 2) «...привативным будет и отношение между *и* [=рус. *у* – *А. К.*] и *о*, если рассматривать эти два гласных как самые крайние степени раствора или сужения, а одну из этих степеней определять как “нулевую”: тогда либо *и* будет “неоткрытым”, а *о* – “открытым”, либо, наоборот, *и* будет “закрытым”, а *о* – “незакрытым” гласным заднего (лабиализованного) ряда. Но то же отношение превращается в градуальное, если только в системе гласных данного языка есть еще один гласный, более открытый, нежели *о*: тогда *и* окажется крайним, а *о* – средним членом градуальной оппозиции» [там же:81].

Поскольку в системе русских звуков такой гласный есть, выстраивается ряд *а : о : и*, представляющий собой градуальную оппозицию как результат совпадения (взаимоналожения) маркированного и немаркированного членов привативных оппозиций $0 : (1=0) : 1$. При этом маркером (различительным признаком) оказывается огубленность (лабиальность) или (если следовать за Н. С. Трубецким) – «степень сужения».

Если (в иллюстративных целях – чисто условно) принять кириллицу и латиницу за единый алфавит, в нём обнаружится градуальная оппозиция (Г : (F) : E), в которой *F* принадлежит сразу двум привативным оппозициям: первой – как маркированный член, второй – как нулевой. Если считать различительные признаки, то эта последовательность образует часть натурального ряда: 0 : 1 : 2. Действительно, вторую оппозицию можно представить как 1 (0 : 1), вынеся 1 за скобки.

Таким образом, от трёх оппозиций, выделенных Н. С. Трубецким, остаётся одна – привативная, про которую было сказано: «Этот тип оппозиций исключительно важен для фонологии» [там же:80].

Почему это так, полно и убедительно раскрыто В. Г. Руделёвым:

1) «*привативная* оппозиция типа [a¹ ← a²] является по сути **единственным** (!) видом подлинной (выделено мной. – А. К.) оппозиции»;

2) «все иные виды оппозиций, напрмер, эквиполентная – типа [a ↔ b], оказываются сцеплениями привативных оппозиций – вроде [a → ~~ø~~ ← b] и под. И это – свидетельство наличия фигур, более сложных, чем оппозиция, способных расширяться и свертываться – в зависимости от информационных задач. Внесенная **нами поправка** в теорию Н. С. Трубецкого об оппозициях оказывается очень важным моментом... особенно при переходе от описания фрагментов системы к ее **целостному** (выделено мной. – А. К.) видению» [Руделёв 2016:590].

Из первого положения следует, что оппозиции делятся на *подлинные* – привативные и *неподлинные* – все остальные.

Из второго – что целостность описания системы обеспечивается учётом привативных оппозиций.

И тут самое время обратиться к следующему постулату.

Постулат шестой

БЕЗ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ НЕТ ОППОЗИЦИИ

Нейтрализация как средство связи фонем в систему

Рассмотрим рис. 8, на котором условно изображён ствол небольшого дерева.

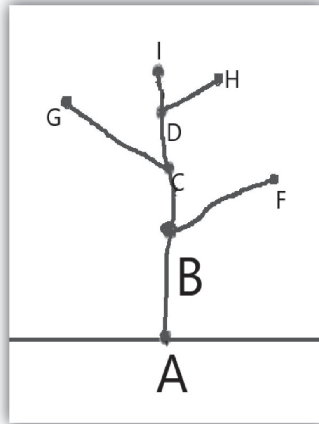

Рис. 8. Дерево как система

Дерево – это целостность, единство. Но у него есть и явно выделяемые минимальные части: AB , BF , BC , CG , CD , DI , DH . Рассмотрим, в каких отношениях находятся эти отрезки. Начнём с отношения отрезков AB и BF . Они отличаются друг от друга, они противопоставлены друг другу. Можно сказать, что они находятся в оппозиции друг к другу. Но в точке B эта оппозиция нейтрализуется, поскольку

эта точка одновременно принадлежит как отрезку AB , так и отрезку BF . В точке B происходит нейтрализация оппозиции $AB : BF$. В точке B происходит также нейтрализация и ещё одной оппозиции – $BF : BC$, потому что точка B принадлежит и этим двум отрезкам. Если двигаться от точки A к точке B , то точка B окажется точкой бифуркации (раздвоения). Получается, что точка B одновременно принадлежит трём отрезкам: AB , BF и BC и в этой точке происходит НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ их противопоставленности друг другу – оппозиции.

А теперь проведём мысленный эксперимент: удалим точку B и посмотрим, что произойдёт с деревом как с системой. (Места наиболее близкие к ней на получившихся отрезках назовём точками B^a , B^b и B^c .)

С удалением точки B дерево как целостная система перестало существовать, превратившись в три фрагмента: AB^a , B^bF и B^cI .

Если удалить остальные две точки бифуркации-нейтрализации C и D , то вся система дерева превратится во множество из семи фрагментов: AB^a , B^bF , B^cC^b , C^dG , C^dD^c , D^bH и D^cI .

Так, мы наглядно убедились, что нейтрализуемые оппозиции (а ими могут быть только привативные оппозиции), действительно, принципиально отличаются от не нейтрализуемых оппозиций, например, таких как $BF : DH$. Нейтрализация обеспечивает целостность системы, она объединяет фрагменты в целое. Отличать существенное от несущественного очень важно. Вот почему нейтрализуемые оппозиции – это **подлинные** (существенные, «исключительно важные») оппозиции, несущие конструкции системы, а все остальные (а их много больше) – «деревья», за которыми так легко не увидеть лес. Вот почему и термина *оппозиция* они не заслуживают, и наш 4-й постулат в своей пресуппозиции фактически отказывает им в статусе оппозиции.

В. Г. Руделёв справедливо считал нейтрализацию главным понятием фонологии Н. С. Трубецкого. Один из сборников научных статей под редакцией В. Г. Руделёва так и называется – «Теория нейтрализации». Воспользуемся теперь его идеей для доказательства единства и целостности фонематической системы русского языка.

Для начала отметим противоречие: в теории (на словах) никто вроде бы не спорит с тем, что существует единая целостная система фонем любого языка; а на практике (на самом деле) преобладает описание фонемного состава языков мира с помощью двух не связанных между собою таблиц: «Гласные» и «Согласные» [Языки мира 1999:375].

Ещё А. А. Шахматов указывал на необходимость преодолеть это противоречие как не соответствующее реальности языка: «Часть первая, содержащая Фонетику, распадается на три отдела: Вокализм, Консонантизм, Количество и ударение. Распределение звукового материала по этим трём отделам представляет несомненные трудности; взаимодействие гласных и согласных может отступить при таком распределении на задний план» [Шахматов 1962:110]. Об этом же писал и В. К. Журавлёв [Журавлёв 2007:18].

Попытки выполнить эту задачу предпринимались Р. О. Якобсоном (с соавторами), Т. Я. Елизаренковой с В. Н. Топоровым, Вяч. Вс. Ивановым, З. Д. Поповой, В. Г. Руделёвым, А. Л. Шарандиным, но практика описания фонетических систем мира эти попытки как бы не замечает.

Нейтрализация оппозиции «гласные»: «согласные»

«Противопоставление гласности – негласности и несогласности – согласности практически совпадает для 29 фонем: *a, e, o* являются гласными и несогласными; *k, kh, g, gh, c, ch, j, jh, ñ, t, th, d, d/l, dh/ lh, n, t, th, d, dh, n, p, ph, b, bh, m, s, h* являются негласными и согласными. Однако отношения гласности – негласности и несогласности – согласности не могут быть признаны подобными. Целесообразность введения этих двух пар становится понятной при анализе *i/y, u/v, r, l*. С помощью указанных двух пар дифференциальных признаков можно идентифицировать “глайды” *i/y* и *u/v* как обладающие негласностью и несогласностью, а сонорные *r, l* как обладающие гласностью и согласностью одновременно» [Елизаренкова 2003: 41–42].

С нашей точки зрения, глайды и плавные в приведенном выше высказывании стоило бы поменять местами, потому что именно слоговые варианты глайдов традиционно описывают как гласные /и/, /у/, а их неслоговые варианты /й/, /в/ – как согласные.

Соответственно, /р/ и /л/ описывают как негласные, но согласными их назвать нельзя, поскольку они способны образовывать слог и перед ними не происходит озвончения глухих консонантов.

В русском языке такими же характеристиками обладают и носовые сонанты /н/ и /м/.

Попробуем доказать единство фонематической системы русского языка, опираясь на постулат В. Г. Руделёва.

Доказательством существования оппозиции «гласные : согласные» может быть только нейтрализация этой оппозиции, что в традиционной системе представления русских фонем просто невозможно. Этому мешают сложившееся понимание гласных и согласных и их различия: «Гласные – класс звуков речи (выделено мной. – А. К.) выделяемый на основании их артикуляторных, акустических и функциональных свойств» [Бондарко 1990:105].

Во-первых, мы говорим не о звуках, а о фонемах.

Во-вторых, фонемы – единицы языка, а не речи, поэтому их следует рассматривать собственно лингвистически, т. е. функционально, а не физиологически – артикуляторно или физически – акустически.

В-третьих, функциональным свойством гласных Л. В. Бондарко справедливо называет их способность образовывать слог, являться его вершиной: «Функция гласных – организация звуковой целостности слога, слова, синтагмы» [там же:106].

В-четвёртых, это справедливое замечание фактически дезавуируется следующим утверждением: «Слогообразующим элементом может быть не только гласный, но и согласный» [там же]. Таким образом, функциональное различие гласных и согласных так и остаётся не раскрытым.

Для характеристики фонем мы предлагаем следующие трактовки.

Фонемы, которые во всех своих аллофонах образуют слог, называются *гласными*.

Фонемы, которые ни в одном из своих аллофонов не образуют слога, называются *согласными*.

Фонемы, которые в зависимости от позиции в одних своих аллофонах образуют слог, а в других – не образуют слога, называются *сонантами*.

Проще говоря, **гласные** – это слогообразующие фонемы (всегда образуют слог), **согласные** – неслогообразующие фонемы (никогда не образуют слога), а **сонанты** – в этом отношении никакие, безразличные к слогообразованию (могут как образовывать слог, так и не образовывать). При этом следует отметить, что слогообразующие и неслогообразующие аллофоны **глайдов** встречаются в разных позициях, находясь в отношении дополнительного распределения, тогда как слогообразующие и неслогообразующие варианты

плавных и носовых могут реализовываться в одной и той же позиции, находясь в отношениях свободного варьирования.

Пример свободного варьирования аллофонов фонемы {Н}:

Ханыги хлещут водочку	_ / _ / _ / _ _
И Бахусу лишь молятся.	_ / _ _ _ / _ _ _
А мне б кататься в лодочке	_ / _ / _ / _ _
По голубому озерцу.	_ _ _ / _ / _ _
Кругом гольё чумазое	_ / _ / _ / _ _
Да войско сизоносое.	_ / _ _ _ / _ _ _
Ох, <i>жизнь</i> моя заразная!	_ / _ / _ / _ _
Ох, <i>жи знь</i> моя босая!	_ / _ _ _ / _ _ _

(Тимур Шаов. Ханыжная симфония)

Легко заметить, что все строки состоят из 8 слогов. И автор сознательно использует слогаобразовательное безразличие сонанта: в предпоследней строке /н/ не образует слога – и она содержит 8 слогов, в последней строке /^н/ образует слог, выделяя перед собой вокаловидный пазвук, подобный аллофону фонемы {Е} в заударной позиции (например, в слове *ж'итель*: /жЫт'ьл'ь/). Используй он в предпоследней строке слоговой аллофон фонемы {Н}, слогов стало бы 9 и размер был бы нарушен; соответственно, используй он в последней строке неслоговой аллофон фонемы {Н}, слогов было бы 7, и размер опять же был бы нарушен.

Пример на слоговость {Л}:

Есть фантастические игры,
И жизнь, и смерть у них внутри.
Насквозь прокалывают иглы –
Слова «замри» и «отомри».
Чего ты ждешь, угрюмый *идол*
С упрямой складкою у рта?
Каких еще прикажешь *игл*,
А *игр* каких в мои лета?
(Вероника Долина. *Есть фантастические игры*)

Следует отметить, что слоговые варианты носовых и плавных сонантов маркированы не только фонологически, но и стилистически: зачастую они принадлежат не литературной норме, а просторечию.

Об этом свидетельствует следующий пример:

РУ́БЕЛЬ. 1. *Прост.* или *шутл.* То же, что *рубль*: «Правда, я помню, как ей самой однажды, к Седьмому ноября, позвонили ее дальние родственники, и она, смущённая телефонной игрушкой, говорила трубке: “Мне прибавили к пенсии **рубель** семьдесят пять”» (М. А. Палей. Евгеша и Аннушка, 1990²⁵).

Ещё пример на то же фонетическое явление:

*Приезжает к нам французский президент с государственным визитом. Прошли переговоры. Подписаны документы. Президент изъявил желание посетить Третьяковскую галерею. Л. И. Брежнев и говорит: «Никаких гидов не нужно – я сам буду давать пояснения». Идут по залу Третьяковки. Л. И. Брежнев говорит: «Это картина “Корабельная роца”, художник Шишкин. Большая картина, хорошая. Лес крепкий, строевой». Идут дальше. Л. И. Брежнев поясняет: «А вот картина называется “Демон”, художник ... мэ... мэ...». Ему подсказывают: «Врубель, Леонид Ильич». – «Хорошая картина, недо-рогая, **в рубель**»²⁶.*

Ср. также: «**БОБЁР**. 2. *Прост.* То же, что *бобр*» [МАС-2:100]. Здесь звуковая последовательность *ЁР* представляет тот же слоговой аллофон фонемы {Р}, только не безударный, как в варианте *р’убель*, а ударный, как в словоформе *хитёр* и *мудёр*:

*Допрежь того, вот что я тебе скажу, матушка: барин у нас **мудёр** был. Такой **мудрый** барин, такой **мудрый**... Тот, бывало, не станет тебя Иваном аль Петром звать, а как пришли кстины, так и велит попу либо Аполошкой, либо Валеркой кстить... (А. И. Эртель. Записки Степняка, 1883. Выделено мной. – А. К.).*

Фонема {М} также имеет как неслоговой, так и слоговой варианты, находящиеся в отношении свободного варьирования:

Если жизнь
 Вандервельдичью
 посмотришь **близ**,
 то думаешь:
 на чёрта
 ему
 социа|лизм?
 Развлекается ананасом
 да рябчиком-дичью.
 (В. Маяковский, Вандервельде)

²⁵ Цит. по: Национальный корпус русского языка. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/рубель>

²⁶ URL: <http://www.vysokovskiy.ru/story/vrubel/>

Что случилось
с вами,
милый?
Расцвели вы
и взя|лись
с разутроенною силой
строить
нам
социа|лизм.
(В. Маяковский. Что такое?)

Шел я верхом,
шел я *низом*,
строил
мост в социа|лизм,
недостроил
и устал
и уселся
у моста.
*(В. Маяковский. Письмо к любимой
Молчанова, брошенной им)*

День – этап
растрат и лести,
день,
когда
простор под|лизам, –
это
для него
и есть
самый
рассоциа|лизм.
(В. Маяковский. Служака)

Таким образом, **оппозиция гласных согласным в русском языке действительно существует, потому что она нейтрализуется в сонантах.**

Сонанты – очень важный класс фонем, связывающих в единое целое вокализм и консонантизм русского языка.

Нейтрализация оппозиции «взрывные : щелевые»

Доказать наличие оппозиции «взрывные : щелевые» можно, интерпретировав взрывные как *смыкатели рта*, а щелевые – как *размыкатели рта*. В таком случае аффрикаты $Ц = /тс/$ и $Ч = /тч/$ будут одновременно смыкателями (T) и размыкателями ($C/Щ$) – взрывными и щелевыми.

Анализ оппозиции «взрывные : щелевые» как привативной показывает, что разные способы определения маркированного члена оппозиции могут давать разные показания.

Феноменологический способ (с привлечением данных [Ляшевская 2009]) даёт следующие результаты (табл. 8).

Т а б л и ц а 8

Смыч- ный	Частота	Ранг	С,%	Щелевой	Частота	Ранг	Щел., %	См. : Щел., %
т	31620970	6	6,26	с	27627040	7	5,47	1,14
к	17653469	11	3,49	х	4904176	24	0,97	3,60
д	15052118	13	2,98	з	8329904	20	1,65	1,81
п	14201572	14	2,81	ф	1335747	31	0,26	10,63
Σ%/Ср.			16	Σ			8	4,3

Примечание. Пару $г : \gamma$ мы не взяли, потому что в русском алфавите (в отличие от украинского) нет специальной буквы для $Г$ -фрикативного. А пару $б : в$ не взяли потому, что $В$ – не согласный, а сонант в его неслоговом варианте. Можно оспорить и пару $п : ф$, потому что $/ф/$ в исконных словах выступает в качестве глухого аллофона неслогового варианта $/в/$ сонанта $\{У\}$.

Если мы разделим суммарную долю смычных (16 %) на суммарную долю щелевых (8 %), то получим отношение 2 : 1. Если же мы вычислим среднее арифметическое отношений смычных к щелевым, то получим ещё более яркое свидетельство немаркированности смычных и маркированности щелевых; 4 : 1 (4,3 – в нижней строке крайнего столбца табл. 8).

Типологический способ даёт тот же результат: «полное отсутствие сибилантных фонем... характерно для ряда полинезийских языков» [Кодзасов 2001:435–436]. Как видим, есть языки без щелевых, но нет языков без смычных. Следовательно, по типологическим данным маркированными являются щелевые (и их наиболее распространённые и наименее маркированные представители – сибиланты).

Семиотический способ определения немаркированного члена привативной оппозиции для пары «смычные : фрикативные» даёт противоположный результат.

Сравним пары: даДите : даШь
даДут : даСт

Это часть спряжения глагола *дать* в непрошедшем времени.

Корень глагола *дать* образован удвоением корня – *да+да* с утратой конечного гласного *да.да* → *да.д* (точка обозначает удвоение – редупликацию).

В позиции перед гласным смычный *Д* находится в сильной позиции и реализуется в варианте /д'/ перед /и/, и в варианте /д/ перед /у/.

В позиции перед глухим *Т* (в форме *даст*) *Д* сначала претерпевает ассимилятивное оглушение: **даДТ* → **даТТ*, а затем гемината *ТТ* (по закону возрастающей звучности в слове) претерпевает диссимиляцию по способу образования: **даТТ* → *даСТ*. В результате фонема {Д} в позиции перед глухим смычным реализуется в аллофоне /с/.

В паре *дадите : дашь* к описанным процессам добавляется ещё процесс полной регрессивной ассимиляции щелевых: **даДШь* → **даТШь* → **даСШь* → **даШШь* → *даШь*.

Ср. также *мету : мести* (< **метти*), *плету : плести* (< **плетти*), *веду : вести* (< **ветти* < **ведти*), *кладу : класть* (< **клатт* < **кладть*); *мягok : мя/х/кий* (< **мяККий* < **мяГКий*), *лёгok : лё/х/кий* (< **лёККий* < **лёГКий*).

Очевидна непоследовательность русской орфографии: при написании переднеязычных согласных действует *фонетический* принцип, а при написании заднеязычных – *фонематический* принцип (его также называют *морфологическим* и *морфонологическим*).

Как видим, оппозиция «смычные : щелевые» нейтрализуется в щелевом варианте смычного. А это означает, что в паре «смычный: щелевой» немаркированным членом оппозиции является щелевой (сибилянт), а маркированным – смычный.

Нейтрализация оппозиции «глухие : звонкие»

Принято считать, что глухость-звонкость составляет различительные признаки фонем. Это и так, и не так.

Это так, если мы рассматриваем простейшие случаи типа *пыль : былъ, там : дам, кол : гол, сад : зад, шар : жар* и т. п.

Это не так, если мы берём слоги с инициальной, состоящей из нескольких согласных, противопоставленных в рассмотренных выше случаях по глухости-звонкости. В инициали русского слога никогда не бывает звуков, различающихся по глухости-звонкости: глухие перед звонкими озвончаются: /с/орвать, /с/резать, но /з/бить, а звонкие перед глухими оглушаются: ра/з/орвать, ра/з/резать, но ра/с/пилить. Из этого следует, что звонкость-глухость является характеристикой не отдельных фонем, а (более общий случай) – инициали русского слога.

В позиции конца слова оппозиции согласных по глухости-звонкости вообще не существует: **глухость согласных маркирует конец слова.**

В обоих случаях имеет место нейтрализация оппозиции «глухость : звонкость», но в конце слова нейтрализация осуществляется только в глухих слогасных, а на флективном стыке и в начале слова – как в глухих, так и в звонких. При этом согласный предлога или приставки как бы подсказывает слушающему, с какого согласного – глухого или звонкого – начинается корень слова.

Нейтрализация оппозиции «фон : меризм»

В своей книге «Русская фонетика» М. В. Панов пишет: «В группе “согласный+гласный” можно рассматривать либо гласный звук в качестве обусловленного “выбранного” согласным и установить закономерности этого выбора, или же, наоборот, рассматривать согласный как избираемый по определённым законам следующим гласным» [Панов 1967:107].

Проанализировав примеры в двух направлениях, М. В. Панов приходит к выводу: «Синтагматические отношения между звуковыми сегментами ненаправленны. Правый и левый сегменты равноправны. В принципе безразлично, какое описание избрать, надо избрать наиболее удобное» [там же:110]. (Примем пока это утверждение на веру, хотя не ясно, как оно согласуется с общеизвестной направленностью фонетических процессов, преобладающих в русском языке: регрессивной ассимиляцией согласных и прогрессивной аккомодацией гласных.)

И тут же М. В. Панов заявляет: «Наиболее удобным для русского языка является комбинированное описание. ... а) сочетания *ta#*, *#at*,

tat (*t* – любой согласный, *a* – любой гласный, # – потенциальная пауза) рассматриваются от согласных к гласному, т. е. позицию создают согласные, позиционно обусловлен гласный (эта рекомендация относится, собственно, к сочетанию твёрдых-мягких согласных со следующим гласным. Если же анализировать сочетания огубленных-неогубленных гласных с огубленными-неогубленными согласными, то выгодней идти от гласных к согласным); б) сочетания *tt* рассматриваются «справа налево»; в) сочетания *aa* рассматриваются от ударного к безударному. Если последовательно придерживаться этого принципа, то получим непротиворечивое описание, совершенно равноправное с описанием, проведённым последовательно «справа налево» или последовательно «слева направо». Однако оно экономнее, и этим лучше. Оно позволяет ограничиться минимальным количеством синтагмо-фонем» [там же: 110–111].

Обратим внимание на то, что описание Панова, во-первых, подчёркнуто прагматично (то «слева направо», то «справа налево» – лишь бы «экономнее») и, во-вторых, гносеологично (расщепление фонем на синтагмо- и парадигмо-фонемы и принятие для тех и других разных «правил игры» диктуется не характеристиками объекта описания, а «удобством» для описывающего). При этом не приходится удивляться тому, что фонематическая «бухгалтерия» М. В. Панова не сходится: количество и качество синтагмо- и парадигмо-фонем не совпадают.

Таким образом, М. В. Панов при выделении фонем русского языка выступает сторонником иллюзионистского (*hocus-pocus linguistics*), а не истинностного (*God's truth linguistics*) подхода к описанию языка.

Главным аргументом М. В. Панова в пользу описания «слева направо» являются примеры типа *борт – бортъ, порт – портъ* (императив от *портить*). Поскольку первые члены этих пар являются взаимодействиями и в силу этого относятся к интернациональной подсистеме русской фонетики, сравнивать их с представителями исконной восточнославянской подсистемы фонетики (*бортъ, портъ*) некорректно: разные системы и их элементы могут взаимодействовать в рамках надсистемы, но не должны представляться и интерпретироваться как элементы одной системы. Поэтому нам остаётся взять не очень строгий его пример: *скóръбь – зóръб* [(ск)óръп'] – [(г)óръп].

Если в паре *нос – нёс* мы можем объяснить твёрдость-мягкость /н-н'/ различием последующих гласных: *О*-не-смягчающий в форме *нос* и *О*-смягчающий (на самом деле – позиционно обусловленный

вариант фонемы {Е} в форме *нёс* и на этом основании отождествить твёрдый и мягкий варианты согласного, то в паре *скóрбь* – *гóрб* |(ск) óрп'| – |(г)óрп|, по мнению М. В. Панова, «мы всё же не можем это отождествление осуществить в позициях, где согласные не предшествуют гласным» [там же:111]. «Мягкость /п'/ в слове *скорбь*, – продолжает М. В. Панов, – нельзя считать вызванной соседством с гласным [·а], или [·а:], или другими: нет рядом г л а с н о г о» [там же].

Мужской род: «гласного», а не «гласной» указывает на то, что М. В. Панов говорит о звуке, а не о фонеме. Хотя до сих пор речь, вроде бы, велась им о синтагмо-фонемах. Впрочем, для М. В. Панова фонема и есть звук – в абсолютно сильной позиции.

Для нас же фонема – не звук, а образ жизни: не /ó/, а весь ряд /ó – ʌ – ʏ/ позиционных вариантов фонемы (звуков), характеризующихся тождеством позиции в морфеме (-ВОД=) и находящихся в отношениях дополнительного распределения (или свободного варьирования) относительно внешних позиций морфемы: /вóды/ – /вдá/ – /вдʌвóс/. В нашем понимании фонема может реализовываться и нулём звука, если этот нулевой вариант позиционно обусловлен. Следовательно, из того, что в конце слова *скорбь* нет гласного звука (что тоже далеко не бесспорно), вовсе не следует, что в конце этого слова нет гласной фонемы. Вспомним, что менее века назад в конце слова *горбь* писалась буква Ъ – в память о гласном, который, по мнению многих лингвистов, «пал» не позднее XII века н.э. и с тех пор более не произносится и не существует как гласный. Букву Ъ в конце слова *скорбь* тоже принято считать памятником безвозвратно «павшей» гласной фонеме, вызывавшей смягчение (или палатализацию) предшествующей согласной.

Так называемые «редуцированные» фонемы, хоть и «пали», да не пропали: они просто изменили своё поведение – правила своей реализации в речи. Фонемы {Ь} и {ь} превратились в беглые *О-Е*. Морфология сохранила их в этом качестве на флективном стыке (в последнем слоге основы), превратив тем самым в пограничный сигнал (внешнее сандхи).

Ещё в 1960-е–1970-е годы к такому выводу пришел В. Г. Руделёв [Руделёв 2002:15–16, 39], но затем был вынужден отказаться от этого под давлением следующего аргумента. Если наличие гласных фонем {Ь} и {ь} позволяет объяснить варьирование конечных согласных по твёрдости-мягкости, то оно опровергается тем, что в конце слова звонкие согласные оглушаются, чего перед гласными никогда не про-

исходит. Следовательно, в конце слова гласных нет, – вынужден был признать В. Г. Руделёв [там же:59–60].

Однако такое решение предполагает признание конца слова фонетической позицией, между тем как это морфологическая позиция, в которой закономерности и «интересы» фонетики игнорируются и подчинены интересам морфологии. И действительно, внешнее сандхи – это уже царство морфологии, а не фонетики. Следовательно, конец слова – позиция морфологическая (или, что то же, – морфонологическая), а не фонетическая. С учетом этого обстоятельства все рассуждения В. Г. Руделёва остаются в силе, и мы не должны отказывать гласным фонемам {Ъ} и {Ь} в конце слов «на согласный» в статусе существования. Тем более что все приборы фиксируют эти «павшие» гласные, и пламя свечи при произнесении перед ним слов *скорбь*, *горб* колеблется не один раз, а дважды²⁷.

Позиция конца слова для фонем {Ъ} и {Ь} слабая. В ней они закономерно реализуются в виде нуля звука. Мягкость же /п'/ в конце слова *скорбь* – лучший аргумент в пользу того, что, и реализуясь в нулевом варианте, фонема {Ь} не исчезает, а продолжает исправно выполнять свои функции (по крайней мере, в конце слова). В данном случае речь идет о функции смягчения предшествующего согласного на флективном стыке.

Представьте себе ситуацию: вы видите, как из-за угла дома падает тень человека, но самого человека вы не видите. Станете ли вы на этом основании утверждать, что никакого человека нет, а тень – характеристика земли, на которую она падает? Если тень неподвижна, в это ещё (при сильном желании) можно поверить, но как быть, если тень действует: поворачивается, качает головой, машет руками?

Наша фонема {Ь}, реализуясь в виде нуля, тем не менее, работает: во-первых, влияет на предшествующую согласную фонему, обеспечивая её реализацию в смягчённом (диззном) позиционно обусловленном варианте, а во-вторых, обеспечивая её сохранение в конце слова.

Однако так действует не только фонема {Ь}. Фонема {Ъ} также обеспечивает сохранение согласного на конце слова. В этом отношении русская буква Ъ, представляющая фонему {Ъ}, очень похожа на французскую *e-muet* – с той разницей, что мы букву Ъ в конце слова перестали писать, а французы *e-muet* пишут до сих пор.

²⁷ Последний аргумент – исключительно для сторонников позитивизма. С фонематической точки зрения он ничего не доказывает.

Сравним формы *время* {вЕрт=мен_ø} и *времён* {вЕрт=мен_ъ}. Почему в первом случае суффикс реализуется в варианте =мя, а во втором =мен? Сравним с другими формами: *времен(и)*, *времен(ем)*, *времен(а)*, *времен(ам)*, *времен(ами)*, *времен(ах)*. Мы видим, что вариант =мен реализуется перед гласным. Следовательно, в словоформе *времен* за =мен тоже следует гласный – {Ъ}, пусть даже не слышимый, но работающий – сохраняющий конечный согласный, обеспечивая ему позицию перед гласным, а в словоформе *время* за суффиксом гласного не следует, чем и объясняются несохранение конечного согласного и закономерная (по закону восходящей звучности в слог) трансформация =мен_ø > =мѣ > =мя.

А почему так меняется основа у слов *мать* и *дочь* в косвенных падежах и множественном числе: *матери*, *дочери*?

Формы именит. пад. ед. ч. имеют основу *матер*, *дочер* – без вокалического ангела-хранителя *ь*. «Отпадение конечного согласного *-r* в именит. пад. характерно для бытования этой лексемы ... в славянских и балтийских языках... С течением времени слав. **m'ātē*- > **mātē* (ср. ст.-чеш. *matě* 'мать'...) далее это *ě* с циркумфлексной интонацией дало *i*. В формах типа русск. *мать*... можно усматривать сокращение конца слова, подобное истории суффикса инфинитива *-ti*) [ЭССЯ, вып. 17:257]. Отчего в церковнославянизмах *матерь* и *дщерь* конечный *-r* не отпадает? Ответ очевиден: их защищает конечный вокал *ь*, и смягчающий конечный *-r* и охраняющий его от утраты – даже в «нулевом» (т. е. как бы не произносимом и не слышимом) варианте.

Иногда фонема {Ъ} не справляется сразу с двумя работами – конечный согласный может отвердевать; но вторую свою работу она всё равно выполняет: обеспечивает сохранность конечного согласного и тем свидетельствует о своём присутствии в слове.

Например, почему словоформа *несу* {нес=ø=ō_м} оканчивается на *-у*, а *несём* {нес= ø=ē_мь} – на *-м*? Потому что в *несём* за *-м* следует {Ъ}, а в *несу* – не следует. Ещё одно доказательство работы конечного {Ъ} – страдательное причастие настоящего времени *несомый*, его краткие формы – *несом*, *несом(а)*, *несом(о)*, *несом(ы)*. Как видим, суффикс причастия =ом сохраняется перед гласными. У нас есть выбор: верить своим чувствам и людям или верить языку. Если мы выбираем первое, то гласного на конце словоформы *несом* не видно и не слышно. Тогда выходит, что согласный в абсолютном конце слова то сохраняется, то не сохраняется, и мы не можем объяснить,

когда и почему это происходит. Если же мы верим языку, то сам факт сохранения конечного согласного является для нас несомненным свидетельством присутствия, пусть и «беглого», но тем не менее «работающего», сохраняющего конечный согласный (а вдобавок ещё и передающего грамматическое значение мужского рода и единственного числа) гласного – {Ъ}. Всё-таки зря мы перестали писать Ъ в конце слова – насколько бы проще было и нам, и компьютеру!

На каком же основании мы считаем, что конечный -у в *несу* имеет что-то общее с -м? На это в русском языке указывают формы 1 л. ед. ч. так называемых «атематических» глаголов *дам*, *ем* (близкую интерпретацию этих форм см. у И. Б. Иткина [Иткин 2007:75, 131]). У этих глаголов категориальный суффикс непрошедшего времени выражен нулём – значимым (на фоне присутствия суффикса прошедшего времени { $dad=\emptyset=l_u$ }, { $ed=\emptyset=l_u$ } или суффикса повелительного наклонения: { $da=\emptyset=i_te$ }, { $ed=\emptyset=i_te$ } > **ежьте* > *ешьте*) (табл. 9).

Т а б л и ц а 9

Лицо	Единственное число				Множественное число			
	корень	степен. суф.	категор. суф.	оконч.	корень	степен. суф.	категор. суф.	оконч.
1	ед	∅	∅	мь	ед	и	е	мь
1	нес	∅	ъ	м	нес	∅	е	мь

Первоначально было *дамь*, *емь*, но затем произошло отверждение конечных согласных, вероятно, под влиянием форм множественного числа. Однако своей «гласной» работы – сохранения конечного неслогового -м – фонема {Ъ} выполнять не перестала. Если бы конечного гласного в этой форме не было, мы бы говорили **я*, а не *ем*, как мы говорим *несу*, а не **несам* ($\bar{o} > a$). Таким образом, различие *несу* – *несём* объясняется отсутствием беглого гласного {Ъ} в конце первой словоформы и наличием его в конце второй.

Относительно -у в форме *несу* надо сказать, что этот звук выполняет две функции: суффикса непрошедшего времени {=Ō} и окончания 1 л. ед. ч. непрошедшего времени изъявительного наклонения глагола {_M}. Таким образом, звук /y/ представляет сразу две фонемы. Так бывает и в дипломатии: если у какой-то страны нет посольства в другой стране, то оно доверяет право послу третьей страны представлять её интересы. Такой посол выполняет две функции: представителя своей страны и представителя страны-доверителя. Так и звук

/y/ представляет сразу две фонемы: {O} и {M}. Фон, представляющий две фонемы, мы называем *бифоном*. Звук /y/ в *несу* как раз и является таким бифоном /y/^{ом}.

Таким образом, фонемы {Б}, {Ь} присутствуют на конце слов, оканчивающихся неслоговыми звуками, на что указывает сам факт сохранения неслоговых звуков в конце слова.

Более того – в *Е-беглом*, т. е. в {Б} происходит нейтрализация между сегментом-фоном и различительным признаком – мягкостью предшествующего согласного. Ср. *мал-мала-мало-малы* – конечный согласный корня *мал-* твёрд. *Малец* ||мал'Ец|| – конечный согласный корня *мал-* мягк в позиции перед гласным переднего ряда на суффиксальном стыке. *Мальца* ||мал'ца|| – мягкость корневого Л сохраняется, хотя, как принято считать, он находится перед твёрдым Ц, и, следовательно, нет никаких условий для его мягкости. Так называемое «чередование фонем» [Л||Л'] оказывается необъяснимым.

Если же признать способность редуцированного оставаться гласным и выполнять свои функции и в «нулевом» варианте, то всё очень просто: в последнем слове основы под ударением (в сильной позиции) фонема {Б} реализуется в варианте /e/, а в безударной (слабой) позиции – в виде нуля звука, но и в этом варианте продолжает «исполнять свои обязанности» нуля-смягчающего, смягчая предшествующий неслоговой вариант сонанта.

Тем самым /л'/ оказывается не фонемой, как принято считать, а бифоном – бифонемным фоном, представляющим сразу две фонемы: {Л} и {Б} – в виде различительного признака диезности («мягкости»).

Таким образом, одна и та же фонема в разных аллофонах реализуется то как вокалический сегмент (фон /e/ – в *мале́ц*), то как супrasegmentный различительный признак – мягкость предшествующего неслогового (в *мальца́* /мал'ца́/ при условии, что он является парным по «твёрдости-мягкости» – диезности).

Так, оказывается, что **между фонами и меризмами нет непроходимой пропасти**, и они также связаны между собой в единой системе, а наличие оппозиции «сегменты : РП» доказывается её нейтрализацией в фонеме {Б} (*Е-беглой*).

Если из постулируемого отсутствия гласного в конце слова М. В. Панов делал вывод, что «введение фонем /·a/, /·o/ и т. д. не освобождает от необходимости числить в системе фонем класс мягких согласных и класс твердых» [Панов 1967:112], – то из наличия беглой гласной фонемы в конце слов следует прямо противоположный

вывод: «твёрдость-мягкость» является позиционно обусловленной характеристикой согласных и, следовательно, столь же мало характеризует саму фонему, как какой-либо конкретный цвет характеризует хамелеона.

В связи с этим и утверждение о неэкономности описания «справа налево», т. е. от гласных, выступающих в качестве позиции, должно быть пересмотрено: все парные по твёрдости-мягкости звуки отождествляются в одну фонему.

Посчитаем. М. В. Панов выделяет 73 синтагмо-фонемы в русском языке и 37 сильных согласных синтагмо-фонем. С парадигмо-фонемами обстоит несколько лучше – их 42: 5 гласных <а-о-э-у-и> и 37 согласных <п-п' – б-б' – ф-ф' – в-в' – м-м' – т-т' – д-д' – с-с' – з-з' – ц – н-н' – л-л' – ш – ш' – ж – ж' – ч' – р-р' – ј – к-к' – г-г' – х-х'>. Предложенное решение позволяет сократить число фонем на 15 отождествлением в одну фонему пар: <п-п' – б-б' – ф-ф' – в-в' – м-м' – т-т' – д-д' – с-с' – з-з' – н-н' – л-л' – р-р' – к-к' – г-г' – х-х'>. Правда, за эту экономию придётся заплатить увеличением числа гласных, к которым прибавляются фонемы {Ы Ъ Ь Ё}. И всё равно мы получаем существенное сокращение числа фонем: $4 - 15 = -11$. Их становится на 11 меньше только за счет снятия оппозиции по твёрдости-мягкости (другие резервы минимизации числа фонем – в Приложениях 2 и 3).

Теперь мы можем иначе оценить вывод М. В. Панова, писавшего:

*Предложенное выше (М. В. Пановым. – А. К.) «минимальное» простейшее описание ... удобнее всех других описаний, хотя нельзя считать, что оно истиннее их. Старые филологи, считавшие, что в таких словах, как **пять**, **вёл**, **лютый** и пр., согласные сочетаются с «мягкими гласными», не столько ошибались, сколько следовали невыигрышному варианту описания [Панов 1967:112].*

Предложенное М. В. Пановым описание НЕ ТОЛЬКО НЕ истиннее, но и НЕ экономнее, а «старые филологи», считавшие, что в таких словах, как **пять**, **вёл**, **лютый** и пр., согласные сочетаются со **смягчающими** (дизными, но не «мягкими») гласными, НЕ ТОЛЬКО НЕ ошибались, но и следовали БОЛЕЕ экономному и выигрышному варианту описания.

Вопреки общераспространённому мнению, **оппозиция по твёрдости-мягкости в исконных русских нарицательных словах является не смыслоразличительной, а позиционно обусловленной.**

Нейтрализация оппозиции «фон : сегмент»

Условимся термином *сегмент* называть последовательность из двух и более звуков, а термином *фон* – один звук. Рассмотрев основные типы нейтрализаций в системе фонем и подсистеме консонантизма, обратимся к вокалической подсистеме русского языка.

Начнём с общих вопросов теории языка.

Игорь Павлович Распопов часто говорил: «Фонему произнести нельзя». И действительно: если мы последовательно различаем речь и язык, то мы должны столь же последовательно различать единицы речи – фонны и единицы языка – фонемы. Язык не дан нам в непосредственном наблюдении. Речь же наблюдаема: *фонны* можно произнести и улышаться, *фонемы* – нельзя.

Каково же соотношение фоннов и фонемы?

Фонема – это уникальный ряд позиционно чередующихся аллофонов, находящихся в отношении дополнительного распределения или свободного варьирования (или часть такого ряда).

Вопреки М. В. Панову, приписывающему приоритет такого понимания фонемы В. Н. Сидорову [Панов 1979:106], оно принадлежит С. И. Бернштейну [Бернштейн 1962].

Каждый фон представляет фонему, но не равен ей, как член ряда не может быть равен всему ряду.

Это значит, что фонема реализует себя не в каком-то одном аллофоне, а во всём уникальном ряде аллофонов.

Принадлежность фона одной морфеме обеспечивается двумя условиями: 1) тождеством *абсолютной позиции* (фоннов в морфеме), 2) дополнительным распределением *относительных позиций* фоннов, занимающих тождественную внутреннюю позицию.

Фонема – различитель морфем. В речи представлены только морфы и фонны, поэтому фонема различает морфемы опосредованно – через различение морфов фоннами.

Определить фонему можно только через морфему.

Фонемы вообще интересуют человечество лишь потому, что они являются строительным материалом минимальных универсальных знаков языка – морфем.

Ни фонетика, ни фонология не составляют отдельного царства и не представляют самостоятельного интереса. Звуковые различия интересуют нас только в их отношении к системе языка как целому и прочим уровням языка.

Москвичи считают, что в современном русском языке 5 гласных фонем [Кодзасов-Кривнова 2001:363], питерцы – что 6 [Бондарко-Вербицкая-Гордина 2004:13]. Различие лишь в трактовке *Ы*: для питерцев это фонема, для москвичей – позиционный вариант фонемы [И].

М. В. Панов вообще предложил этот вопрос закрыть как давно решённый (разумеется, в пользу МФШ). С. В. Кодзасов поясняет: «Различие между московской и петербургской школами состоит в том, какой критерий фонемного отождествления имеет большее значение: формальный (дополнительное распределение звуков и их чередование внутри одной морфемы) или фонетико-интуитивный (ощущаются ли звуки как одна и та же произносительная единица)» [Кодзасов-Кривнова 2001:364].

Однако это различие не является центральным. Проблема статуса *Ы* представляет собой лишь частный случай и решается сама собой при решении общих вопросов фонологии.

Важнее, что МФШ и ЛФШ солидарны в другом: (1) в языке столько фонем, сколько различается под ударением, потому что – в этом обе школы тоже сходятся – (2) абсолютной сильной фонематической позицией гласного является позиция под ударением.

Начнём с простого.

Все учебники уверяют, что в русском языке одна фонема [О].

Выходит, в паре *Лоб-ЖЛоб* под ударением одна и та же фонема [О].

Начинаем склонять: |лѡбА-жлАбА| – /о/ в слове *Лоб* чередуется с нулём звука /ѡ/, тогда как в слове *ЖЛоб* – с /а/.

Одна и та же фонема в одной и той же позиции не может вести себя по-разному. Следовательно, в русском языке как минимум две разные фонемы {О}: *О*-беглое и *О*-небеглое. Фактически это означает, что фонема {Ъ} никуда не делась из русского языка: она просто изменила форму своей реализации: в последнем слоге основы она чередуется с нулём звука, а перед имперфектирующим суффиксом =А=, обозначающим длительность действия – ещё и с /ы/: *ЗОВ-ЗАВу-(на) ЗѢВаТЬ-(на)ЗЫВаТЬ*.

Тут наготове возражение: редуцированные «пали» ещё в XII веке, и видеть их в современном русском языке – значит совершать грубейшую и элементарнейшую ошибку: смешивать синхронию и диахронию. На это можно возразить следующее: а чередование *О||Ѡ* (*лоб-лба*) совершается в XII веке или в современном русском языке? Нам скажут: в современном, но не по закону Гавлика, а только в последнем

слоге основы, следовательно, это чередование непозиционное, а раз непозиционное, то и нефонологическое.

Но ведь позиционные и непозиционные чередования различаются безысключительностью или наличием исключений, а в последнем слого основы (на флективном стыке) редуцированные перед слогом с гласным полного образования чередуются с нулём без исключений. Более того: признаком живого фонетического процесса является то, что он распространяется и на новые явления. Чередование с нулём распространяется и на те случаи, где этимологически его быть и не должно: многие вместо *нет брелока* говорят *нет *брелка*. Следовательно, это не история, а самая живая современность. Это подтверждает и языковая практика, отраженная в НКРЯ (табл. 10).

Т а б л и ц а 10

П	Словоформы	Ч	П	Словоформы	Ч
Иед	брелок	57	Иед	брелок	57
Ред	брелока	12	Ред	брелка	8
Тед	брелоком	8	Тед	брелком	8
Пед	брелоке	9	Пед	брелке	3
Имн	брелоки	17	Имн	брелки	13
Рмн	брелоков	6	Рмн	брелков	5
Тмн	брелоками	5	Тмн	брелками	3
Пмн	брелоках	1	Пмн	брелках	0
	ВСЕГО:	58		ВСЕГО:	40

Как видим, формы с *О*-небеглым всего в полтора раза употребительнее форм с *О*-беглым.

Тогда нам скажут: «Но ведь флективный стык – это позиция морфологическая, а не фонетическая. Следовательно, утверждая, будто в современном русском языке есть две фонемы [О], вы смешиваете разные уровни языка: фонетический и морфологический».

Но разве москвичи и питерцы, определяющие *фонемы* как различители и отождествители *морфем* и *слов* [Панов 1979:94], тем самым не «смешивают» фонетический уровень с морфологическим и даже лексическим?

Скажу более: почти все фонологи-русисты (за исключением В. Г. Чургановой [Чурганова 1973] и В. Б. Касевича [Касевич 1986])

безоговорочно признают оглушение звонких согласных в конце слова фонетическим явлением. Но разве позиция конца слова является фонетической позицией? Это ведь тот же флективный стык, и оглушение звонких в конце слова является таким же сигналом конца основы, как и беглость гласного. Так почему же одно безысключительное чередование на флективном стыке признаётся фонетическим, а другое безысключительное чередование на флективном стыке относится к морфологическим? Оглушение согласных в конце слова служит сигналом конца слова, т. е., по Н. С. Трубецкому, относится к ведению морфонологии [Трубецкой 1967].

А главное – ради чего следует сберечь фонетическую «чистоту» и какой ущерб науке принесёт учёт морфологических позиций наряду с фонетическими? Кроме того, в последнее время питерские лингвисты стали признавать, что кроме *различительной* функции «фонема иногда выполняет и ещё одну функцию – *разграничительную*» [Бондарко-Вербицкая-Гордина 2004:13]. Правда, это положение не применяется ими к русскому языку, и фонемами признаются те звуки, которые употребляются ТОЛЬКО на стыке морфем или слов. Как раз такие «фонемы» уместнее было бы считать позиционно обусловленными вариантами фонем.

Ещё Бодуэн указывал на сходство *дивергентов* (чередований в фонетических позициях) и *коррелятов* (чередований в морфологических позициях). Уже Н. Крушевский признавал методологическую ценность «Мемуара...» де Соссюра и восхищался его подходом к фонетике: «Прежде, чем говорить об открытиях de Saussure'a в области вокализма, нельзя не сказать, что работа этого учёного имеет весьма важное значение для *метода* фонетики. Вокализм данного слова находится в тесной зависимости от формы этого слова... De Saussure воспользовался этим для того, чтобы сделать из морфологии путеводную нить при исследованиях фонетических (выделено мной. – А. К.). Нечего говорить, что способ этот весьма облегчает исследование; мало того – он часто ведёт к раскрытию фактов, которые, быть может, остались бы нераскрытыми...» [Крушевский 1998:59].

Диалектика учит, что всё со всем связано, что истина конкретна, а конкретность достигается максимально полным (в идеале – исчерпывающим) учётом свойств и связей изучаемого объекта. Соссюр, Н. В. Крушевский и Бодуэн это понимали. А, к примеру, Л. Р. Зиндер и его последователи видят главную добродетель фонолога в абстра-

гировании (т. е. отвлечении) от связей фонетики с морфологией, а уж тем более – с лексикой, как бы забывая, что звуки сами по себе – вне их связи со значением – никому не интересны. Такое абстрагирование уводит от истины, а не приближает к ней.

Исследователей, похоже, смущает то, что морфологизированные чередования несут дополнительную – грамматическую семантику, но при этом упускается из виду, что, во-первых, так обстоит далеко не всегда. Например, какое грамматическое значение в чередовании *лоб-лба*? Неужели родительный падеж? Почему же тогда его нет в паре *кот-кота*? Во-вторых, даже осложнённые грамматическими различиями чередования не нарушают тождества морфем, а следовательно – не являются фонематическими, коль скоро принято, что фонемы – это различители морфем. Например, *везу воз* или *под-нес _у под-нос*. Чередование *e||o* налицо, а тождество корневой морфемы сохраняется.

Признав равноценность фонетических и морфологических позиций, мы можем последовательно провести взгляд на аллофоны как на позиционно обусловленные варианты фонем.

В завершение разговора о беглых фонемах в современном русском языке отметим, что учение о «падении» редуцированных сложилось в дофонологическую эпоху и так и не получило адекватной фонологической интерпретации.

Путь к ней наметил Л. В. Щерба в своей «Фонетике французского языка» [Щерба 1953:97–98]. О его опыте П. С. Кузнецов отозвался так: «Идя путём, предложенным Л. В. Щербой, мы могли бы доказать и наличие двух фонем [О] в современном русском языке, одного чередующегося с нулём, другого не чередующегося» [Кузнецов 1970:196]. Пойти этим путём П. С. Кузнецову помешали два спорных положения: 1) отождествление фонемы с фоном в сильной позиции и 2) отождествление сильной позиции гласного – с ударной.

Первую ошибку москвичи (В. Н. Сидоров и М. В. Панов) впоследствии исправили – по крайней мере, декларативно. Вторую – нет. Возьмём словоформу *посól* с *О*-ударным и *послá* с *О*-беглым. Именно позиция под ударением является позицией нейтрализации, а безударная позиция – *послá* (или *в'ы-сл=ать/в'ы-сол=ить, по-сл=ать/посол=ить*) – позицией различения.

Ещё одним примером нейтрализации фонематических различий под ударением является глагол *засАливатъ*, в котором (под влиянием суффикса =*ыва*) нейтрализуется различие между *засАлитъ* и *засо-*

лИть, восходящих к словам *сАл_о* и *сОл_ь* (мягкость /л/ позиционно обусловлена: ср. *посól, засól, рассól*).

Итак, мы обнаружили в русском языке два разных *О*: *О*-небеглый {О} в *ЖЛОБ-ЖЛОБА* и *О*-беглый {Ъ} в *ЛОБ-ЛБА*.

А сколько разных *Е* в русском языке?

Если мы сравним слова *ДЕНЬ-ДН'ЯМИ* и *ТЕНЬ-ТЕН'ЯМИ*, то обнаружим два разных *Е*: *Е*-беглый и *Е*-небеглый в той же самой абсолютной и относительной позиции – на флективном стыке (в последнем слоге основы). Таким, образом, имеется не менее двух различных *Е*: {Е} и {Ь}. Признаком такой фонемы является ряд «*e||ø||u*»: *со-бер_у||со-бØр(а)=ø=л_ь||со-бир=а=л_ь*.

О продуктивности этого явления свидетельствует его распространение на слова *лёд-льда* и *лев-льва*, в которых этимологически *Е* не является беглым.

Кстати, слово *лев* ставит ещё одну проблему: а почему не **лёв*, как в имени собственном – *Лёва, Лёвушка*?

Дело в том, что в современном русском языке кроме исконной системы есть подсистема, обслуживающая интернациональные, преимущественно греко-латинские слова. На эти слова, как и на слова другой подсистемы – церковнославянской (южнославянской по происхождению) чередование *Е||Ě* не распространяется. А вот имена собственные принадлежат другой подсистеме – онимов, – у которой свои правила, тождественные в данном случае правилам исконной аппеллятивной лексики.

Почему в одной и той же позиции мы наблюдаем разные результаты: *печь-сечь, пеку-секу*, но *хлебопĚк-дровосĚк*? Ср. кстати, морфологизацию чередования /*e||'o*/ в формах прошедшего времени: закрепление /*e*/ за именем и /*'o*/ – за глаголом: *Дрова сĚк дровосĚк*, но *Хлеба пĚк хлебопĚк*.

Перед нами ещё одна фонема современного русского языка: [Е], не чередующееся под ударением с *О*-смягчающим в позиции перед твёрдым согласным, в отличие от *Е*, чередующегося с *'О* в этой позиции. Фактически это фонемы {Ě} (назовём её именем буквы – *ять*) и {Е}.

Может быть, и пара *нёбо – нёбо* содержит разные *Е*? Нет. Тут фонема одна и та же, а вот правила перехода от фонем к фонемам различные: *нёбо* принадлежит к исконной русской (восточнославянской) подсистеме фонем, а *небо* – к церковнославянской (южнославянской), поэтому при тождестве фонемы (т. е. причины) и различии правил перехода к фонемам (условий) мы получаем разные фонемы (следствия).

Из этого примера следует важный теоретический вывод: **родственные языки различаются не системой фонем, а правилами перехода от фонем к фонемам**. При этом в паре *воз-вёз* имеет место оппозиция гласных, а не согласных фонем: мягкость /в/ в слове *ВЁЗ* нефонематична, потому что она обусловлена позицией перед {Е}. Тут уместно возражение: о каком таком /е/ идёт речь, если под ударением ясно слышится /о/? Но ведь под ударением перед твёрдым согласным фонема {Е} всегда реализуется в варианте /'о/. Если нас не удивляет, что в первом предударном слоге фонема {О} всегда реализуется в варианте /а/ (*вОды-ваДА*), то почему нас смущает, что в одной из позиций фонема {Е} реализуется в варианте /'о/?

На жизненность этого процесса указывает хотя бы тот факт, что он распространяется на заимствованные слова: даже от лингвистов можно услышать **афёра* вместо *афера*, кроме того, процесс начал по-маленьку захватывать и исконный «ять»: например, *гнЁзда*, *звЁзды* при **гнёздо*, **звёзда*.

Но есть и ещё одно *Е*. Его обнаруживаем в парах *СЕР-СЭР*, *МЕР-МЭР*, *ПЭР-ПЕРья*. Это оппозиция *Е*-смягчающего (предшествующий согласный), и *Е*-не-смягчающего его, т. е. *Е*-смягчающее – это своё, родное, исконное *Е*, а *Е*-не-смягчающее – это заимствованное *Е*, встречающееся только в заимствованных (преимущественно германо-греко-латинских) словах – так называемых «интернационализах». Для обозначения этой фонемы очень подходит буква Э. Фонема {Э} отличается от фонемы {Е} ещё и тем, что вызывает не палатализацию, а смягчение предшествующих заднеязычных согласных внутри морфем и на суффиксальном стыке: *г'ендер*, *к'егли*, *х'етты*. При этом поведение заимствованной фонемы {Э} после заднеязычных подобно поведению фонемы {Ы}, также вызывающей не палатализацию, а смягчение предшествующих заднеязычных: *г'ибель*, *к'инуть*, *х'итрый*. Ср. украинские *г/Ы/бель*, *к/Ы/нутти*, *х/Ы/трий*, сохранившие /ы/ и исконную твёрдость заднеязычных.

В принципе, в иностранных словах следовало бы выделить особые фонемы едва ли не для всех гласных: {О}, {А} также ведут себя особым образом. Так, слово *крнкордАнс*, будь оно исконным, приобрело бы вид **кукородүс*. {И} в заимствованных словах ведёт себя, как исконная фонема {Ы}: *Г'Инекология*, *К'Инематограф*, *Х'Ирургия*.

Таким образом, в русском языке не одно *Е*, а четыре: три – {Е}, {Б}, {Ё} – в исконной подсистеме, и одно заимствованное {Э} – в интернациональной.

Что касается «гласных *У-И*», то такие звуки в современном языке есть, а фонем нет.

У-И являются не самостоятельными фонемами, а слоговыми вариантами сонантов *У-В, И-Й*.

И, действительно, если мы определим *гласные* как всегда слоговые фонемы, а *согласные* – как всегда неслоговые, то *сонанты* – фонемы, которые в зависимости от позиции являются то слоговыми, то неслоговыми, – нельзя отнести ни к тем, ни к другим, а принцип дополнительного распределения слоговых и неслоговых вариантов препятствует их расщеплению на две самостоятельные фонемы.

Сравним:

Вот смерклось. Были мы готовы

*ЗаУтра*²⁸ *бой затеять новый* (М. Ю. Лермонтов. Бородино), – и *за́Втра* ||*за́фтьр*||; как видим, имеет место чередование *У||В||Ф*. То же наблюдаем и в слове *медВедь* < *медУ-Фдь* (ср. др.-инд. *madhu-vád* [Фасмер 2004, т. 2:589]).

Если два звука могут чередоваться в одной позиции без нарушения тождества морфемы и, следовательно, без изменения значения, значит, они находятся в отношениях свободного варьирования и также не могут представлять разные фонемы: *до свидания* и *до свиданья* демонстрируют нам чередование *И||Й*.

Такие сонанты, у которых маркированным является неслоговой вариант, а немаркированным – слоговой, уместно называть *глайдами*, в отличие от *плавных* (*Р, Л*) и *носовых* (*М, Н*).

Кроме того, в звуке /у/ может реализовываться сочетание фонем *ОУ* (*рисУю-рисОВать*) или *ОН* (*звУк-звОН*). В таком случае /у/ оказывается не фоном (представителем одной фонемы), а *бифоном* – представителем двух фонем. **Так нейтрализуется оппозиция «фон : сегмент».**

Фонема {А} в русском языке существует как несомненная гласная. Правда, она встречается только после твёрдых согласных.

²⁸ Не будем придирааться к орфографии: конечно же, здесь *за 'утро* (ср. *за'утреня*, сохранившее ударение на У). Сомневающимся в реальности слова *за'утра* могут свериться с «Большим академическим словарем» [БАС-3, т. 6:595]. Показательно, что в древнерусских текстах отмечена и промежуточная форма *завьтра* наряду с *завьтра* 'на другой день' [СДРЯ, т. III:289]. Народные же говоры знают и *за'утро*, и *за'утра*, и *за́утра* [СРНГ, вып. 11:136–137] в значении 'завтра, на следующий день'.

Есть искушение принять *А*-смягчающий за фонему {Е}, однако такое решение лишило бы нас возможности объяснить чередование *Я||Н||ИН*: *смЯть-сомНу-смИИНаю*. Чередование /и/ с нулём звука в *сомОНу-смИИНаю* однозначно указывает на то, что в корне глагола *мять* представлено сочетание фонем {ЪН}.

Нет фонемы {А} и в глаголах *поЖАТЬ-пожну-пожинуаю* и *поЖАТЬ-пожму-пожимаю*. В первом случае перед нами фонемы {ЪН}, во втором – {ЪМ}.

Приняв существование носовой гласной фонемы, мы не смогли бы объяснить и чередование *Я||ЕН* в паре *звЯкать-звЕНеть*.

Из этого следует, что носовые фоны в праславянском и старославянском языках были, а носовых фонем – не было, потому что эти звуки были бифонами.

В заключение рассмотрим вопрос о фонеме *Ы*.

Эта фонема есть в современном русском языке. Правда, реализуется она сейчас не так, как раньше: внутри морфемы и на суффиксальном стыке она смягчает заднеязычные, но не палатализирует их: слова *гИбель*, *кИнуть* и *хИтрый* содержат фонему {Ы}, иначе мы имели бы **жисбель*, **чинуть* и **иштрый*.

Фон /ы/ может передавать сочетание фонем {ЪИ}, как это имеет место в примере *къ Ирѣ*, ср. также *искать-подыскать* (фактически *подЪ-Искать*; *Ы=ЪИ*).

Фонема {Ы} может быть также представлена чередованием с /ов:в/, которые, в свою очередь, представляют сочетание фонем {ЪВ}<{ÛÛ=Û}: *шов/шова/шовея-зашивать*; *забЫть-забѠВение-забЫВать*. Это чередование, на первый взгляд, способно поставить под вопрос само существование фонемы {Ы}, коль скоро она может расщепляться на сочетание из слоговой фонемы и сонанта. В этом чередовании проявляется двумерность долгих гласных у славян и не только у них: долгий {Û}, к которому восходит /ы/, равен двум кратким {ÛÛ}, что и используется языком для устранения зияния в позиции перед гласным: первый {Û} реализуется как слоговой [Ъ], а второй – как неслоговой [В].

Подведём итоги. Из представленного анализа следует и то, что в русской системе фонем отсутствует противопоставление согласных по твёрдости-мягкости, что уменьшает русский консонантизм почти вдвое.

К сходным результатам, но иными путями и в иной терминологии, ранее пришёл М. Лайтнер [Lightner 1972]. Критика работы М. Лайтнера М. Флайером [Флайер 2010], основанная на том, что М. Лайтнер не смог в своей работе объяснить все факты русского языка, может быть предъявлена любой научной работе, включая работы самого М. Флайера. Как говорил И. Гёте, «сущее не делится на разум без остатка». И наличие такого остатка не может служить основанием для отрицания научной концепции. Ещё менее конструктивно другое утверждение М. Флайера: «Во всех естественных языках обнаруживаются признаки неустойчивости и асимметрии. <...> Вот почему стремление к «лингвистически значимому обобщению» во всех отношениях кажется враждебным самой природе языка» [там же:291].

Можно сказать и иначе: «Стремление к значимому обобщению во всех отношениях кажется враждебным самой природе сущего», – и поставить крест на науке, не существующей без «значимых обобщений».

Единственная альтернатива «лингвистически значимому обобщению» – это, по М. Флайеру, смиренная агностическая констатация «эмпирических фактов», скольжение по звуковой поверхности без каких бы то ни было попыток проникновения в глубинную сущность языка. А его издевательское (иначе не скажешь) предложение «свести глубинную систему гласных русского языка к одному *e* и добавить три ларингала» [там же:283] является типичным риторическим приёмом доведения до абсурда, не имеющим ничего общего с серьёзной научной аргументацией.

Из приведённого анализа следует, что между звуками и фонемами существует не только качественно-функциональная, но и количественная асимметрия: нулю звука может соответствовать фонема, одному звуку – несколько фонем, нескольким звукам – одна фонема, звуку – ноль фонем.

Почему исходя из распространённых фонологических принципов мы получили не самый распространённый результат?

Во-первых, мы подошли к фонологической системе не от согласных, а от гласных.

Во-вторых, мы сделали так потому, что применили к современному состоянию русского языка фонематический подход, используемый в компаративистике со времён Бодуэна и Соссюра.

Тем самым мы подошли к «статике языка как к частному случаю динамики или точнее – кинематики» (И. А. Бодуэн де Куртенэ), как

это и делал Бодуэн. Кроме того, приняли во внимание и ещё один завет Бодуэна: «Состояния языка не сменяются подобно часовым на посту: каждое предшествующее состояние откладывает свой слой в системе языка, а исследование этих слоёв и должно составлять задачу лингвистов». В современных терминах это означает, что любое моментальное состояние языка принципиально гетерохронно и гетеросистемно. Пытаться описать синхронию как гомогенную систему – попытка, заведомо обречённая на неудачу. Часто и охотно цитируя Бодуэна, говорившего, что предшествующие состояния нельзя проецировать на современные, забывают, что он сказал «и наоборот»: русский язык по-прежнему пытаются описывать так, словно он возник здесь и сейчас.

В-третьих, было снято искусственное и ничем не оправданное ограничение, требовавшее при описании системы фонем учитывать фонетические позиции и не учитывать позиции морфологические и морфонологические.

Тут мы просто следовали принципу диалектики и диалектического познания: если всё связано со всем, то чем полнее мы учтём все типы связей нашего объекта, тем глубже мы его познаем.

И последнее – предложенный анализ опирается на постулат Ю. С. Степанова о синхронии-диахронии: «Ось одновременности (синхронии) не противопоставлена оси времени (диахронии). **Описание глубинной структуры отношений между наличными элементами системы языка является одновременно первым этапом реконструкции её прошлого состояния** (выделено мной. – А. К.). В теоретическом рассмотрении переносить предмет в прошлое равносильно тому, чтобы сводить его к наиболее простым элементам» [Степанов 2003:303]. В диалектике такой способ разрешения диалектического противоречия называется «погружением в основание».

В исконной подсистеме фонем современного русского языка 7 гласных фонем: {А}, {Е}, {Ě}, {Б}, {О}, {Ъ}, {Ы}.

Кроме того, в корнях (а возможно, и в суффиксах) представлена гиперфонема {Е/О}: *вЕз_у вОз_ь*, – не нарушающая тождества корневых морфем и являющаяся наследием праиндоевропейского прошлого (её можно обозначать готовым символом {œ}).

Глайды *У/В, И/Й* и вообще сонанты представляют собой важнейшее звено фонологической системы, связывающее вокализм и консонантизм в единое целое. В вузовских учебниках и академической

грамматике системы гласных и согласных так и остаются двумя никак не связанными друг с другом таблицами.

Вокализм исконной русской подсистемы в традиционном представлении:

	Ы	
Е Ё Ъ	Ъ	О
	А	

При этом фонема {Ъ} помещена в средний ряд условно: в одной из позиций она реализуется в аллофоне /o/: *зов*, в другой – в аллофоне /ы/: *называть*.

Использование традиционной таблицы представления русского вокализма демонстрирует её непригодность для классификации «казанских» фонем (Приложение 3), поскольку она ориентирована на классификацию фонов (пусть даже и в «абсолютно сильной» позиции).

Постулат седьмой

ИЗ МЕРИЗМОВ СКЛАДЫВАЮТСЯ ФОНЫ, А НЕ ФОНЕМЫ

Этот постулат необходим как профилактика против понимания фонемы в ЛФШ, МФШ, ПФШ и американской дихотомической фонологии, в идеологии которых написаны едва ли не все вузовские учебники и программы.

То, что в этих школах называют фонемами, можно произнести и услышать, поэтому и можно утверждать, что фонемы представляют собой пучки меризмов – различительных признаков.

С позиций КФШ (Казанской фонологической школы) фонему так же нельзя произнести, как нельзя нарисовать треугольник «вообще» – каждый раз это будет какой-то конкретный треугольник и какой-то конкретный фон, действительно, обладающий различительными признаками. Если фоны принадлежат одной фонеме, это *аллофоны*, если разным – *гетерофоны*; если одновременно нескольким определённым фонемам – это *архифонемы*, если одновременно нескольким неопределённым – *гиперфонемы*.

Таким образом, меризмы – один из китов, на которых стоит *фоно-логия*, но не **фонемо-логия**, стоящая на позициях, чередованиях и аллофонах, задаваемых алломорфами.

Постулат восьмой

ФОНЕМА – НЕ ЗВУК, А ОБРАЗ ЖИЗНИ

Как было бы просто, если бы одному звуку соответствовала одна фонема, а одной фонеме – одна буква! Порой создаётся впечатление, что начальная, а отчасти и высшая школа занимаются тем, что насаждают в головах учащихся такое благодостное заблуждение.

К сожалению, жизнь и язык как её часть устроены иначе: явление и сущности, форме и функции свойственна асимметрия.

Формально-функциональная асимметрия

Явление формально-функциональной асимметрии в русском языке отметил уже И. А. Бодуэн де Куртенэ: «в области одного и того же (выделено мной. – А. К.) языкового мышления» он различал три фонемы: Ж1||Г (*может||могу*), Ж2||ЗИ (*вожу || возит*), Ж3||-ДИ (*вожу || водит*) [Бодуэн 1963:277].

При выделении фонем Бодуэн следовал единому принципу: *одинаковый ряд альтернатив – одна фонема; разные ряды альтернатив – разные фонемы*. Такой подход позволяет видеть в синхронии момент диахронии и применять к синхронии инструментарий диахронии.

Если вслед за Н. И. Толстым видеть в звуке речи (фоне) форму, а в фонеме – функцию [Толстой 1963:30–31], то симметричными будут единицы, в которых одна *форма* (ф) (звук) соответствует одной *функции* (f) (фонеме): 1ф : 1f; асимметричными – все остальные. Единицы типа **1ф : 1f** назовём *монофонами*.

В примерах Бодуэна симметричной единицей будет Ж1 (1ф : 1f), а асимметричными – Ж2 и Ж3 (1ф : 2f).

Наша цель – не полный перечень асимметричных единиц русской фонематики, а исчисление их типов.

Общепризнанными асимметричными единицами русской фонематики являются *аффрикаты Ч, Ц*, состоящие из двух звуков: Ч = /тʰшʲ/, а

Ц = /тс/, но могущие представлять одну фонему. Например: $\overline{T^o\overline{Ш}}||K:$ *неЧет||ПеКу*; $\overline{TС}||K:$ *умниЦы||умниКи*. Фонему {К} представляют /тс/-/Гш/ в *отеЦ||отеЧеский*. Тип асимметрии: **2ф : 1ф**.

Второй признанной (хотя и не в русистике) асимметричной единицей фонемике является **дифтонг**, как правило, состоящий из сочетания вокала и неслогового сонанта (глайда): *VS = ОЙ, ОУ, ЕЙ, ЕУ* и т. п. Для признания таких сочетаний дифтонгами требуется два условия: 1) чередование с монофтонгом и 2) невозможность провести морфемную границу внутри сочетания. Обоим требованиям в русском языке удовлетворяют случаи: *нОЙ||нЕть* и *нЕЙ||нИть*, а также *пожИНаТЬ||пожАть, пожИМаТЬ||пожАть, бобЕР||бобРы, ветЕР||ветРа, корабЕЛЬный||корабЛи, свёкОР||свёкРа, угОЛЬ||угЛи*, и т. д.

Не удовлетворяют первому требованию (в рамках русского языка), но (как показывает сравнение с другими славянскими языками) тем не менее являются дифтонгами также случаи: *гОРб* (чешск. *hRb*), *вЕРх* (чешск. *vRch*), *мОЛчатЬ* (чешск. *mLčet*), *жЕЛток* (слвцк. *žLtok*). В данном случае русские *О* и *Е* отражают вокалический пазвук слогового варианта русских сонантов {Р} и {Л}; имеет место тот же тип асимметрии: **2ф : 1ф**. Внутриязыковое доказательство нефонемности *О* и *Е* в указанных сочетаниях таково: сочетания с гласными фонемами {О} и {Е} в позициях *ТорТ-ТолТ-ТерТ-ТелТ* не сохраняются, а дают *ТороТ-ТолоТ-ТереТ-ТелеТ/ТелоТ/ТолоТ* (ср.: *гОРОд-мОЛОт-бЕ-РЕг-нЕЛЕНа/шЕЛОм/мОЛОко*).

Картина будет неполна без учёта звуков, не выполняющих смысловоразличительной функции: эпентез и протез. Назовём их **нуль-фтонгами**. Например, в словоформе *читаю* (глагола *читать*) в фонетической транскрипции – |чи-та-Йу|. Ср. *нес=ти – нес=у*. Звук /й/ не является ни морфемой, ни частью морфемы, не выполняя смысловоразличительной функции. Его функция техническая: разделить два вокала, чтобы не допустить зияния внутри слова. Следовательно, здесь **звуку не соответствует морфеморазличительная функция, и мы имеем ситуацию 1ф : 0ф**.

Отметим, что и Бодуэн и создатели МФШ настаивали на том, что фонема является различителем морфем: «Звуковое качество, **дифференцирующее морфемы** языка, называется **фонемой** (выделено мной. – А. К.)» [Аванесов, Сидоров 1930; цит. по: Реформатский 1970:150]; «Исходным моментом во взглядах московских фонологов на фонему была морфема. В их построениях **тождество морфемы определяет собой границы и объём понятия фонемы** (зд. и далее

выделено мной. – А. К.). Именно поэтому эти ученые **считают фонемой весь ряд позиционных чередований** (пересекающихся, не параллельных по отношению к другим аналогичным рядам) во главе со звуковой единицей, различающейся в сильной позиции. Таким образом, звуковые единицы, выступающие в слабых позициях и чередующиеся с той или иной звуковой единицей, различающейся в сильной позиции и являющейся фонемой, объединяются с последней в одну единицу (фонему) на положении её вариантов» [Аванесов 1956:39].

Возьмём другой пример: *вотчина* и *отчина* (ср. варианты *отчим* – (обл.) *вотчим*). Оба слова имеют один и тот же корень. Или /г/ в слове *гусеница* < *усеница*. (ср.: укр. *усениця*, ц.-сл. *юсеница*, польск. *gąsienica*, *wąsienica*) [Фасмер 2004, т. 1:477]. Звук /в/ или /г/ не выполняет смыслоразличительной функции, следовательно, не соотносён ни с какой фонемой. Его назначение чисто техническое – прикрыть слог в начале слова. Формула во всех этих случаях: **1ф : 0ф** (один фон – ноль фонем).

Асимметрия с преобладанием числа форм над числом функций мы назвали **адаптивной**, поскольку она позволяет порождать формы для новых функций и тем самым способствует адаптации системы языка к любым условиям. *Адаптивная асимметрия* обеспечивает приспособляемость и сохранение языка в экстремальных и изменчивых условиях коммуникации.

Зеркально симметричными аффрикатам, дифтонгам и трифтонгам являются единицы с соотношениями **1ф : 2ф**, **1ф : 3ф**, которые мы называем **бифонами** и **трифонами**, соответственно.

Бифоны представлены в чередованиях: Ч||КИ в *знаЧу* (ср. *знаК*, *знаЧИть*); Ч||КЙ в *крепЧе* (ср. *крепкий*); Ч||КТ в *контаЧить* (ср. *контакТ*); Ч||ГТ в *моЧь* (ср. *моГ[(у)+(ли)]ТЬ*); Ч||ТИ в *свеЧу* (ср. *свеТИть*); Ч||ТЙ в *круЧе* (ср. *круТоЙ*).

Трифоны: Ч||КТИ в *контаЧу* (ср. *контакТ*, *контаЧИть*); Щ||СТИ: *проЩу||проСТИть*.

В этих случаях звуки, составляющие аффрикату Ч, нельзя рассматривать как представляющие разные фонемы. Это, хоть и сложная, но единая фонематическая форма.

То же можно сказать и про зеркально симметричное аффрикате (не смычный+фрикативный, а фрикативный+смычный) (южнославянское по происхождению) сочетание ЖД в (ЖД)||ДИ||Ж: *награ-*

ЖДать||*наградИть*||*награЖу*. В исследованиях по старославянскому языку *ЖД* и *ШТ* называют «сложными фонемами». Этот составной термин неудобен. По аналогии с *аффрикатой* (< *ad* ‘к’ + *fricare* ‘тереть’) *ШТ-ЖД* можно было бы называть *деффрикатами* (< *de* ‘от’ + *fricare* ‘тереть’). На целостность (*ЖД*) как формы указывает его чередование с *Ж*: *провоЖать/препровоЖДать*||(*пре*)*провоДИть*.

В слове *со(л)н-це* фонема {Л} реализуется в виде нуля звука, и эта реализация позиционно обусловлена: в финали русского слога не может быть двух сонантов: ср. *сол-ны-шко*. В словоформе *сох* (ср. *сохНи*, *сохЛа*) мы имеем подряд три нуля звука, передающих три функции: {сх=Н=Л_Ъ}. Здесь мы имеем соответствие нуля формы единице функции: **Фф : 1f**. Такие единицы назовём *нуль-фонами*.

Может показаться, что в словах *корм*, *холм* и т. д. имеется сочетание двух сонантов в финали корня. Однако, как было показано выше, в таких словах *ОР* и *ОЛ* являются медиалью корня: *Р* и *Л* реализуются в слоговом варианте и, следовательно, относятся к медиали, а не к финали корня. В словах *корм* и *холм* /о/ – отражение вокалического пазвука **Р* или **Л*, а вовсе не вариант фонемы [О], при котором мы имели бы **корм* и **холм*.

Асимметрия единиц с преобладанием функций над формой называется *компрессивной*. Помогая затратить меньше усилий для передачи той же информации, *компрессивная асимметрия* обеспечивает эффективность языка в оптимальных и стабильных условиях коммуникации.

Последовательно различать *монофоны* и *полифоны* (*бифоны* и *трифоны*) не принято. Между тем описание фонематической системы языка без такого различения оказывается искажённым, не говоря уже об описании морфемария языка. **При описании фонемного состава языка должны учитываться исключительно монофоны.** Полифоны (*бифоны* и *трифоны*), подобно архи- и гиперфонемам, выполняют функцию цемента, объединяющего фонемы в систему.

С помощью понятия полифонов легко различить *агглютинацию*, использующую только *монофоны*, и *фузию*, использующую также и *полифоны*. Вся специфика фузионных языков заключается в наличии у них *полифонов*.

Проблема синхронии – диахронии, внутренней и внешней реконструкции

С точки зрения «соответствий в р а з н ы х славянских языковых мышлениях, с точки зрения м н о г о я з ы ч н о г о этимологического родства» И. А. Бодуэном де Куртенэ различались два *Ж*: 1) общеславянское *Ж*, «альтернирующее в русском с *Г* или *ЗИ*»; 2) специально русское *Ж*, «альтернирующее с *ДИ* и *ЖД*».

«Первому *Ж* соответствует во всех славянских языковых мышлениях тоже *Ж* или же его своеобразный вторичный заместитель». Второму *Ж* соответствуют, смотря по отдельным славянским языковым мышлениям, в др.цсл. и в болгарском *жд*, в сербо-хорватском *dz'* или *j*, в словинском *j*, в польском и словацком *dz*, в чешском *z* и т. д.» [Бодуэн 1963, т. 2:277].

Как видим, Бодуэн различал точку зрения «одного и того же» языкового мышления и обнаруживал следы «разных» языковых мышлений в текущем состоянии данного языка. Первый подход получил позднее название метода в н у т р е н н е й реконструкции, а второй – метода в н е ш н е й реконструкции.

Это различие позволяет преодолеть пропасть между синхронией и диахронией.

Вместе с тем Бодуэн зафиксировал возможность коллизий между результатами внешней и внутренней реконструкции: в приведённом выше примере данные внутренней реконструкции (*Ж*||*Г* и *Ж*||*ЗИ*) богаче и информативнее, чем данные внешней реконструкции (*Ж*||*Ж*).

Чтобы всесторонне продемонстрировать возможность коллизии между внешней и внутренней реконструкциями, Бодуэн приводит прямо противоположный пример: «славянская фонема *S* (русск. *С*, *С'*) с точки зрения праариоевропейского состояния соответствует двум разным фонемам: 1) *s* (др.-инд. *s* с изменениями; греч. *s* или *h*; лат. *s* или *r*; герм. *s* с изменениями; лит. *s*), напр. *сон*, *сын*, *сад*, *сидеть*, *сухой*...; 2) *k̂* (др.-инд. *ç*; греч. и лат. *k*; герм. *h*; лит. *š*), напр., *срам*|*сором*, *солома*, *поросья*, *десять*...» [там же:278]. Здесь внешняя реконструкция даёт более богатую информацию, чем внутренняя, что встречается значительно чаще.

Рассмотрим *основания, предлагаемые Бодуэном для различения фонем:*

1) с точки зрения ассоциаций с семасиологическими и морфологическими представлениями,

- 2) с точки зрения семасиологизации и морфологизации,
- 3) с точки зрения альтернатив,
- 4) с точки зрения этимологии.

Первые два основания являются двумя различными формулировками одного и того же, что вполне понятно в лекции, читаемой вчерашним гимназистам.

Другое дело, семасиологические и морфологические представления не могут быть отождествлены. Соответственно, первые два условия надо переписать так:

- 1) с точки зрения ассоциаций с семасиологическими представлениями, с точки зрения семасиологизации:
- 2) с точки зрения ассоциаций с морфологическими представлениями, с точки зрения морфологизации.

При этом обратим внимание на то, что семасиологизация и морфологизация, хотя и не отождествляются Бодуэном, но в то же время и не противопоставляются. Для него это рядоположные понятия. Фонема для Бодуэна – различитель морфем, а морфемы бывают корневые (в них звуковые различия семасиологизируются или морфологизируются – в аблауте или на морфемном стыке) и аффиксальные (в них фонетические различия морфологизируются).

Теперь разберёмся, что такое семасиологические представления и что такое точка зрения семасиологизации. Несмотря на материальное различие $\Gamma||\mathcal{J}$ в $mo\Gamma+y||mo\mathcal{J}+et$, тождество корневой морфемы не утрачивается: $mo\mathcal{J}=$ и $mo\mathcal{J}=$ опознаются и осознаются как два различных явления одной сущности или как два варианта (алломорфа) одного инварианта (морфемы).

Сравним другую пару: $\Gamma nu||\mathcal{J} nu$. В этом случае материальное различие $\Gamma||\mathcal{J}$ оказывается семантически (семасиологически) нагружено: оно свидетельствует о двух различных значениях, gnu – ‘искривляю что-л. прямое, сближая концы, придаю изогнутую или дугообразную форму; сгибаю’, а jnu – ‘убираю хлебные злаки каким-л. инструментом (серпом, жаткой, хлебоуборочными комбайном)’. В данном случае, по Бодуэну, имеет место семасиологизация фонетического различия: Γ ассоциируется с первым значением, а \mathcal{J} – со вторым. Иными словами, различие фонем $\Gamma||\mathcal{J}$ способствует различению корневых морфем, а следовательно, и словоформ $gnu||jnu$. Как видим, одни и те же звуки могут принадлежать как одной морфеме, так и разным, как отождествлять морфемы, так и различать их.

Может показаться, что *Г* и *Ж* представляют разные фонемы, находясь в тождественной позиции.

Но это иллюзия. Достаточно привлечь к рассмотрению алломорфы корневой морфемы, чтобы в этом убедиться (табл. 11).

Т а б л и ц а 11

Преф.	Фоны			Суф+Фл	Преф.	Фонемы			Суф+Фл
	К1	К2	К3			К1	К2	К3	
со	г	ø	ø	нУ	сь	г	ъ	б	нУ
со	г	ø	б	Енный	сь	г	ъ	б	Енный
с	г	и	б	Ать	сь	г	ы	б	Ать
с	г	И	б		сь	г	Ы	б	ъ
Преф.	К1	К2	К3	Суф+Фл	Преф	К1	К2	К3	Суф+Фл
Со	ж	ø	ø	нУ	сь	г	ь	н	нУ
Со	ж	А		тый	сь	г	Ь	н	тый
С	ж	и	н	Ать	сь	г	ь	н	Ать
У	ж	И	н ³⁰		у	г	Ь	н	ъ

В словоформе *гну* корень {гъб=}, а в словоформе *жну* корень {гън=}. Различие *Г* и *Ж* обусловлено различием позиций: перед *Ъ* в *гну* и перед *Ь* – в *жну*. *Ъ* перед суффиксом =А= удлиняется в *Ы*, а *Ь* – в *И*.

Говоря о морфологизации, Бодуэн имел в виду не только корни, но и флексии, аффиксы, несущие грамматические (морфологические) значения.

Под точкой зрения морфологизации, по-видимому, надо понимать то, что позднее Н. С. Трубецкой назовет точкой зрения морфонологии: *как с помощью чередований передаются морфологические значения*. При таком подходе чередование рассматривается как один из грамматических способов, наряду с акцентуацией, аффиксацией, редупликацией и т. п. В компаративистике апофония/аблаут (чередование гласных в корне) представляет собой классический пример «морфологизации альтернатив»: *вез(у)||воз, поднес(у)||поднос* и т. д.

²⁹ «1. Уж'ин, м. Количество сжатого хлеба; урожай. *Нынешнее лето ужин был хорош, а умолот плох*. Слов. Акад. 1822. Пск., Осташк., Твер., 1855. Моск. Моск., Бельск. Смол., Орл.» [СРНГ, вып. 46:337].

Рассмотрим пример К. С. Аксакова: *Они* (каковы?) *унылы*. *Они* (что сделали?) *уныли*. Твёрдый *Л* указывает на имя, мягкий *Л'* – на глагол. Это и есть морфологизация фонетических различий.

Другой пример: в *ухе* – в *ушах*. В первом случае перед гласным переднего ряда *X* не изменяется в *Ш*, а только смягчается в *X'*. Во втором случае перед непередним гласным *A*, никогда не превращающим *X* в *Ш*, тем не менее *Ш* появляется. При этом лексическое значение не меняется: *ухо*||*уши* – варианты одного слова, а *ух-*||*уш-* – одной корневой морфемы. Зато чередование *X/X'*||*Ш* указывает на различие в морфологическом значении числа: *X/X'* – на единственное число (*ухо*, *уха*, *уху*, *ухом*, *ухе*), а *Ш* – на множественное (*уши* *ушей*, *ушам*, *ушами*, *ушах*). Аналогично «морфологизируется» и различие звуков *K*||*Ч*: *око*, *ока*, *оку*, *оком*, *в оке* – ед. ч., тогда как *очи*, *очей*, *очам*, *очами*, *в очах* – множ. ч.

Как видим, признаком морфологизации является полное или частичное «освобождение» чередования от фонетической позиции, в пользу позиции морфологической. Сходство фонетической и морфологической позиций состоит в том, что как та, так и другая определяют фонетический облик фонемы в данном конкретном случае. Различие в фонетических и морфологических позициях одинаково служит отождествлению фонов в фонему и морфов в морфему, так как здесь мы имеем дело с дополнительным распределением аллофонов (вариантов одной фонемы).

И лишь тождество фонетических и морфологических позиций ведёт к семасиологизации фонетических различий, т. е. к выполнению звуками функции различения всех морфем – как корневых (лексических), так и служебных (грамматических).

В этом принципиальное отличие позиции Бодуэна от позиции Л. В. Щербы, и особенно, от весьма авторитетной и распространённой в отечественной науке позиции ученика Л. В. Щербы – Л. Р. Зиндера, ратовавшего за «чистоту» фонологии и настаивавшего на «несмешении» её с другими уровнями языка.

Рассмотрим третье и четвёртое основания, выдвинутые Бодуэном:

3) с точки зрения альтернатив,

4) с точки зрения этимологии.

Эти основания соотносятся между собой как явление (альтернатива) и сущность (этимология), как следствие (альтернатива) и причина (этимология).

По альтернациям мы судим о фонеме: различие в рядах альтернаций говорит о разных фонемах, сходство – о тождестве фонемы. На вопрос, причём тут этимология, ответил Ю. С. Степанов: «Описание глубинной структуры отношений между наличными элементами системы языка является одновременно первым этапом реконструкции её прошлого состояния» [Степанов 2003:303].

Материальное тождество звуков в одних и тех же позициях при неизменности лексической семантики морфемы свидетельствует о тождестве фонемы.

Если *О-А* в словоформе |самА| < сом/сам Н. С. Трубецкой считал не фонемой, а особой сущностью – *архифонемой*, то почему бы не признать особой сущностью и *Ж* в формах *вожу* (< водить) и *вожу* (< возить)?

В фонетике давно приняты понятия *дифтонгов* и *трифтонгов*. «Дифтонг – сложный гласный, состоящий из двух элементов, образующих один слог, чем и обеспечивается его фонетическая целостность. <...> Фонологическим свойством дифтонга является его потенциальная нечленимость на 2 фонемы» [Бондарко 1990а:138]. У дифтонга есть неслоговой аналог – аффриката: «Аффрикаты – смычные согласные, заканчивающиеся щелевой фазой» [Бондарко 1990б:479]. Аффриката – это два неслоговых звука (смычный и фриктивный), представляющих одну фонему. Признаком монофонемности аффрикаты является невозможность провести через неё морфемную границу. В противном случае перед нами сочетание двух фонем, представленное двумя звуками: смычным и фриктивным. В русском языке *Ч* и *Ц* выступают асимметричными аналогами дифтонгов, чередуясь с *К* (*текут/течет; брякать||бряцать, ученик||ученица*) или друг с другом (*отец||отеческий*).

«Трифтонг – сложный гласный, состоящий из трёх элементов, образующих один слог (чем и обеспечивается его фонетическая целостность). <...> ...невозможность провести морфологическую границу внутри трифтонга говорит о его монофонемности» [Бондарко 1990в:520].

Функциональная интерпретация дифтонгов и трифтонгов такова: дифтонг – это два звука, представляющих одну фонему, а трифтонг – три звука, представляющих одну фонему. Обе единицы асимметричны: несколько форм соответствуют одной функции.

Мы же имеем прямо противоположную ситуацию: одна форма (*звук*) выполняет две функции, представляя две *фонемы* (например,

Ж||ЗИ/ДИ), или три фонемы (напр. Щ||СТИ: *прощу*||*простить*). Звук, представляющий две фонемы, мы предложили называть **бифоном**, а звук, представляющий три фонемы, – **трифоном**.

К этому можно добавить и другие случаи асимметрии:

ž||gʲ (ж||гй), напр., *туже*||*тугой*. Этот случай легко спутать с первым, но сравнение с *прост*||*проще* неопровержимо свидетельствует, что здесь /ст/ встречается не с гласным переднего ряда /е/, а с сонантом /й/.

Ж||ДЙ в *гладок* (ср. *глаже*); Ч||ТЙ в *крут* (ср. *круче*); Ж||ЗЙ в *близок* (ср. *ближе*); Ш||СЙ в *высок* (ср. *выше*); Ш||ХЙ в *глух* (ср. *глуше*).

Ж1||Г в *бежит* (ср. *бегу*); Ж2||ДИ в *вожу* (ср. *водит*); Ж3||ЗИ в *вожу* (< *возит*); Ж4||ГЙ в *туже* (ср. *тугой*).

Аналогично Ч1||К в *печёт* (ср. *пеку*); Ч2||КИ в *значу* (ср.) *значить*; Ч3||КЙ в *крепче* (ср. *крепкий*); Ч4||КТ в *контачить*, *печь* (ср. *контакт*, *пек+ть*); Ч5||КТИ в *контачу* (ср. *контакт*, *контачить*, *несУ*); Ч6||ГТ в *мочь* (ср. *могу*); Ч7||ТИ в *свечу* (ср. *светить*); Ч8||ТЙ в *круче* (ср. *крутой*).

Ш1 в *пушинка* (ср. *пух*); Ш2 в *машу* (ср. *махать*); Ш3 в *пишу* (ср. *писать*) (табл. 12).

Т а б л и ц а 12

Позиции Фонемы (У)	У = ('V)	У = и	У = j	У = т('V)	У = ти
Г	Ж1	Ж2	Ж3	Ч6	
К	Ч1	Ч2	Ч3	Ч4	Ч5
Х	Ш1	Ш2	Ш3		
Д		Ж3	Ж3		
Т		Ч7	Ч8		
З		Ж4	Ж5		
С		Ш4	Ш5		
СТАТУС:	МОНОФОН	БИФОН	БИФОН	БИФОН	ТРИФОН

Соответственно, один звук, представляющий одну фонему, является **монофоном**. В русистике не принято последовательно различать **монофоны** и **полифоны** (**бифоны**, **трифоны** и т. д.). Между тем описание фонематической системы языка без такого различия оказывается искажённым, не говоря уже об описании морфемария языка.

При описании фонемного состава языка должны учитываться исключительно *монофоны*. Полифоны (*бифоны, трифоны, квадрофоны*³⁰ и даже *пентафоны*) выполняют функцию цемента, объединяющего фонемы в систему. В этом отношении функции полифонов сходны с функциями архифонем и гиперфонем.

Ценность понятия полифонов состоит также и в том, что с его помощью очень легко различить *агглютинацию*, при которой альтернируют исключительно *монофоны*, и *фузию*, располагающую *полифонами*.

Более того, становится очевидным, что специфика **фузионных языков**, представителем которых является русский, заключается в наличии у них **полифонов**.

Фонематическая (этимологическая) транскрипция

Р. И. Аванесов различал три транскрипции: 1) фонетическую, 2) словофонематическую, 3) морфофонематическую [Аванесов 1956: 216], но из принципов, им сформулированных, следует потребность в четвёртой транскрипции – *этимологической*, конкретный вариант которой и предлагается.

Отмечая, что «орфография... обычно пользуется *этимологическим письмом*» [там же], Р. И. Аванесов признавал важность *этимологической транскрипции* (ЭТ) для правописания и – в неявной форме – признавал потребность в ЭТ, обостряющуюся при морфемном членении словоформ и исследовании *морфемария* данного языка.

Еще Бодуэн предлагал, «не стесняясь вовсе написанием», описать «аналитически все морфологические и семасиологические ассоциации, свойственные отдельным произносительно-слуховым элементам разбираемых морфем» или же придумать «особый строго аналитический способ письменной передачи всех произносительно-слуховых элементов» [Бодуэн 1963, т. 2:231]. Способом избежать на письме «разделения и сцепления живых морфологических частей» и является ЭТ.

³⁰ *Вожжи* /вОж' :и/. Фон /ж' :/ представляет 4 фонемы – ЗЗГЙ: {вОз=зг=й_и}. В слове *чан* {дъск=йАн_ь} аффриката Ч представляет 5 фонем: ДЬСКЙ (ср.: *доска* < *дъска*).

Идея ЭТ стара, как «Восьмикнижие» Панини, в котором впервые различаются поверхностный (произносительный) и глубинный (идеальный) уровни. У Панини все морфемы представлены в идеализированном облике, из которого – в результате применения к их комбинациям правил выведения – внутреннего и внешнего сандхи – получают наблюдаемые на поверхностном уровне словоформы.

Последующее развитие лингвистики показало, что правила сандхи не что иное как законы исторической фонетики, а последовательность их применения – это и есть последовательность их протекания, мерило относительной хронологии, которой так успешно пользовался Р. И. Аванесов.

В XX веке идея различения «глубинных и поверхностных структур» «всплыла» у американских лингвистов (Н. Хомский, М. Халле и др.). Их строго синхронические «правила выведения» оказались подозрительно похожи на «фонетические законы диахронической лингвистики», что по достоинству оценили именно этимологи: Т. В. Гамкрелдзе и Г. А. Климов, подчеркнувшие неслучайность данного явления.

Ближайшие прототипы ЭТ содержатся в работах И. А. Бодуэна де Куртенэ, С. И. Бернштейна, П. С. Кузнецова, Т. В. Булыгиной, А. И. Кузнецовой, Г. П. Мельникова, Т. А. Ляхнович и в «Этимологическом словаре славянских языков».

По словам Р. И. Аванесова, «морфофонематическая транскрипция полностью “раздевает” кратчайшие звуковые единицы языка, полностью освобождает их от всего “внешнего” – позиционного, фонетически обусловленного... При морфофонематической транскрипции буква является знаком фонемного ряда...» [Аванесов 1956:216]. К ЭТ данная характеристика применима ещё в большей мере, чем к морфофонематической транскрипции Р. И. Аванесова.

Одной из помех последовательной реализации принципов МФШ является отождествление сильной позиции гласных с ударной позицией и, соответственно, фонем со звуками, различаемыми в ударной позиции. Это положение, взятое в готовом виде из дофонологической фонетики А. А. Потемни, противоречит постулатам МФШ.

Сильная позиция понимается нами как позиция различения фонем, слабая – как позиция нейтрализации: для гласных корня в словах *посОл – послАть* и *посОл – посолИть* позиция под ударением *посОл* будет слабой позицией (позицией нейтрализации), а безударная позиция *по-с[Ø]л-Ать – по-с[а]л-Ить* – сильной позицией (позицией различения).

Своеобразие ЭТ определяется следующими аспектами.

1. Пространством поиска сильных позиций фонем в морфеме является **вся система языка**, а не парадигма одного слова или гнездо одной корневой морфемы.

2. Основной вариант фонемы – тот, из которого закономерным образом выводятся все остальные. На поверхностном уровне может быть не представлен.

3. Изменения, вызванные воздействием иносистемных факторов (например, морфологической системы), должны выноситься за скобки, как не имеющие отношения к фонологическому уровню. Например, форма *называть* транскрибируется как {на-зъв=A=тi_#}, поскольку именно из {Ъ} закономерным образом выводятся *зов, назватъ, назову*. В данном случае вариант [Ъ] является закономерным вариантом фонемы {Ъ}, реализуемой на поверхностном уровне рядом [О, А, Ø, Ы] перед суффиксом =A=.

4. Для обозначения фонем ЭТ использует кириллицу в её раннем варианте (за исключением юсов, обозначаемых сочетанием гласных с *М, Н*).

5. Латинские буквы обозначают протезы и эпентезы – единицы, не являющиеся морфемами и не входящие в состав последних: *j* – в *работает* {орб=От=аj=e_ть}; *n* – для *Н*-эпентетического на префиксальном стыке: {за-пъм=Ø=тi_#}; *v* – для *В*-протетического в начале корня: *вотчина* {vОт=ьк=ин_a}; *s* – для *С*-мобиле – факультативного элемента морфемы, наличие-отсутствие которого не нарушает тождества морфемы: *кора – скорняк* {кор_A} – {скор=ьн=йАк_ь}; при совпадении букв двух алфавитов эпентезы даются в круглых скобках: *забрать* {за-бър(A)=Ø=тi_#} – *заберу* {за-бър=Ø=О_м; *переть* {пър(E)=Ø=тi_#} – *пёр* {пър=Ø=л_ь}.

6. Графически различается 4 типа морфемных стыков: [] (пробел) – для межсловного стыка, [-] – для префиксального стыка, [=] – для суффиксального стыка и [_] – для флективного стыка; знак [+] используется для обозначения морфемного стыка, тип которого неважен или неясен.

7. В позиции окончания употребляются символы: [#] – для обозначения значимого отсутствия словоизменительной парадигмы; [ъ] – для обозначения беглого «О» в слабой позиции; [Ø] – для обозначения нулевого окончания или нулевого глагольного суффикса. Оппозиция окончаний [ъ] || [Ø] представлена случаями *времён*

{верт=мЕн_ь} – *время* {вЕрт=мен_Ø} и т.п. Ср. дать {дА= Ø =ті_#} – давать {да=вА=ті_#}.

8. Вертикальная черта [] – знак усечения слова: *райзо* {рай|з|о|_#} – *РАЙ|онный Земельный Отдел*.

9. Переход от исконной системы аффиксации к интернациональной обозначается символом [/], а от интернациональной к исконной – символом [^].

10. Редупликация (полная или частичная) обозначается [.] : *колокол* {к`Ол.кол_ь}, *мамочка* {мА.м=ьк=ьк_а}, *одежда* {об-дЁ.д=й_а}.

11. Буквы [ь] и [ъ] имеют исконное значение гласных: Ъ – беглого [О], а Ь – беглого [Е], буква Ё [ять] обозначает небеглый [Е], не чередующийся с [О] под ударением после мягких (и шипящих – фонологически также мягких) согласных перед твёрдыми согласными, но чередующийся с [А] в позиции после заднеязычных согласных и [Й]. {Ы} и {И} – фонемы.

12. В исконных словах (кроме звукоподражаний) не используют буквы Ж, Ц, Ч, Ш, Щ, Я, Ю, Ё, Э за отсутствием соответствующих фонем. В звукоподражаниях и заимствованиях эти варианты фонем используются без оглядки на позиционную обусловленность.

13. Знак [˘] обозначает мягкость предшествующего согласного в заимствованиях, звукоподражаниях и тех случаях, когда причины мягкости неочевидны.

Результат применения **этимологической** транскрипции к фрагменту повести А. С. Пушкина «Дубровский» смотрите ниже:

На другой день весть о пожаре разнеслась

{на дроуг_Ой дьн_ь вЁд=т_ь о по-гЁр_е орз-нес=Ø=л_А сын

по всему околотку. Все толковали о нём

по вьс_емУ об-кОл=т=ьк_у вьс_Е тьлк=ов(А)=Ø=л_и о (н)Ем_ь

с различными догадками и предположениями.

сь орз-лИк=ьн_ыми до-гАд=ьк_ами и пердь-по-лог=и=Ен=йй_ами

Иные уверяли, что люди Дубровского

ин_Ыйе оу-вёр=и=А_л_и кь_то лЕУд_и дьнб=р=Ов=ьск_ого

напившись пьяны на похоронах, зажгли

на-пИ=Ø=вьй_и# сын пи=jА=н_ы на по-хорн_Ахъ за-гьг=Ø=л_И

<i>дам</i>	<i>из</i>	<i>неосторожности,</i>	<i>другие</i>	<i>обвиняли</i>	
дОм_ъ	изъ	не об-стОрг=ън=ост_и	дроуг_Ыйе	объ-вин=и=А=л_и	
<i>приказных,</i>	<i>подгулявших</i>	<i>на</i>	<i>новосели,</i>		
при-кАз=ън_ыхъ	подъ-гоул=и=А=всьй_ихъ	на	нов_о сЕд=л=й_и		
<i>многие</i>	<i>оуверяли,</i>	<i>что</i>	<i>он</i>	<i>сам</i> <i>сгорел</i>	
мън=Ог_ыйе	у-вѣр=и=А=л_и	къ_то	он_ъ	с=Ам_ъ сь-гор=ѐ=л_ъ	
<i>с</i>	<i>земским</i>	<i>судом</i>	<i>и</i>	<i>со</i>	<i>всеми</i> <i>дворовыми.</i>
съ	зЕм=ъск_ымъ	сън+д_Ом	и	съ	вьс_Еми двор=Ов_ыми
<i>Некоторые</i>	<i>догадывались</i>	<i>об</i>	<i>истине</i>	<i>и</i>	<i>утверждали,</i>
нЕ къ=то=р_ыйе	до-гАд=ыва=л_и сын	объ	Ист=ин_е и		оу-твѣрд=и=А=л_и
<i>что</i>	<i>виновником</i>	<i>сего</i>	<i>ужасного</i>	<i>бедствия</i>	
къ_то	вин=Ов=ън=ик_ом	с_егО	оу-гѐс=ън_ого	бѐд=ъск=тв=й_а	
<i>был</i>	<i>сам</i>	<i>Дубровский,</i>	<i>движимый</i>	<i>злой</i>	
бы=О=л_ъ	с=Ам_ъ	дънб=р=Ов=ъск_ой	двИг=и=о=м_ый	зьл=Об_ой	
<i>и</i>	<i>отчаянием.</i>				
и	отъ-кѐй(а)=О=н=й_омъ}				

Постулат девятый

МОРФОНОЛОГИЯ СУЩЕСТВУЕТ, МОРФОНЕМЫ – НЕТ

Отношение к фонологическо-морфонологической традиции (опыт инверсной характеристики концепции)

До сих пор излагалось авторское видение проблемы, с минимальным указанием на предшественников и источники вдохновения. Это же содержание может быть выражено не только позитивно, но и негативно – как указание на то, что не подходит или неприемлемо в существующих научных описаниях русских фонем. Именно такой способ позиционирования излагаемой концепции избран в данном постулате.

У А. А. Зализняка, А. К. Поливановой, Д. Ворга с Д. Джонсоном и А. Козаком, А. И. Кузнецовой с Т. Ф. Ефремовой меня не устраивает описание русского языка «в письменной форме», оказавшееся широко востребованным компьютерным анализом письменных текстов на русском языке.

Морфологизация или сохранение фонетической обусловленности?

У А. А. Зализняка, кроме орфографичности описания, меня также не устраивает «безморфемность» его описания и, как следствие, – неразличение стыковых позиций (суффиксального, флективного, префиксального стыка морфем).

У И. Б. Иткина меня не устраивает его традиционно-упрощённое понимание «синхронии», традиционное понимание границ морфонологии и фонемологии, отрицание «принципа естественности», т. е. единства логического и исторического в описании объекта, отрицание

специфики префиксального и флективного стыка и, как следствие, – рассмотрение приставок как частей слова, а не как самостоятельных проклитик (подробнее см. Приложение 2).

У М. В. Панова меня не устраивает его постулат, будто бы язык устроен не так, как весь остальной Универсум. На язык как часть Универсума распространяются все законы последнего. Из этого пункта следуют и дальнейшие расхождения, включая постулат о независимости синтагматики и парадигматики (а также понимание их сущности), неразличение языка и речи, глубинных и поверхностных структур и описание русских фонем «от согласных».

У В. Г. Чургановой меня не устраивает только сам термин *морфология* (вместо *фонемология*) и стоящее за ним понятие *морфонема*. Ср. мнение А. А. Реформатского: «Никаких морфо(фо)нем как особых единиц не существует» [Реформатский 1970:114].

П. С. Кузнецов писал: «Источником морфологических чередований не только в русском, но и в любом другом языке... являются позиционные фонетические изменения. Чередования, формируясь, проходят следующие этапы: 1) звук изменяется в другой звук в определённых фонетических условиях; 2) вследствие позднейших фонетических процессов (... утрата причин, вызвавших фонетическое изменение) отношение между новым звуком, полученным в определённых условиях, и звуком, из которого данный получен и который сохранился в других условиях, перестаёт быть обусловлено позицией (положением); 3) в результате действия аналогии новый звук появляется и там, где он фонетически не возникал; 4) отношение между новым звуком и старым (из которого новый развился) морфологизируется, т. е. становится показателем различий морфологического характера – различий между разными формами одного слова и между разными словами одного корня, причём каждый из чередующихся звуков... является показателем каких-то различий форм. Чередующиеся звуки являются разными фонемами, так как их различие уже позиционно не обусловлено. Собственно, появление звука там, где он не возникал фонетически, в результате действия аналогии уже кладёт начало морфологизации» [Борковский, Кузнецов 1963:167].

Сами по себе изложенные положения возражений не вызывают. Всё дело в том, как их применять к конкретному материалу.

Возьмём конкретный пример – чередование *ФИ||ФЛ'* в словах *граФИть-граФЛю, потраФИть-потраФЛю*. П. С. Кузнецов пишет: «Отношения “согласный – мягкий согласный, развившийся из сочета-

ния согласного с j'' (типа $t - \check{c}$ в *молочю – молотишии*) становятся фонетически не обусловленными и превращаются в морфологические чередования... Поскольку в чередованиях этого типа губной согласный чередуется с сочетанием “губной + l” (исторически из сочетания “губной + j'' ”), чередование распространяется на поздние заимствования, содержащие губной согласный f , в древности чуждый вообще славянским языкам, в результате чего в определённых формах и словообразовательных типах выступает чередование $f|fl'$, хотя исторически здесь сочетания $*fl'$ никогда не было» [там же: 169].

Вначале разберём пример *молочу-молотишь*. Действительно ли здесь чередование T||C?

Как выглядит парадигма 1 л. ед. ч. (табл. 13)?

Т а б л и ц а 13

толк	н	у		чит	ај	у	
толк	н	е	шь	чит	ај	е	шь
толк	н	е	т	чит	ај	е	шь
толк	н	е	м	чит	ај	е	м
толк	н	е	те	чит	ај	е	те
толк	н	у	т	чит	ај	у	т
рой	∅	у		е(д)	∅	∅	м
рой	∅	е	шь	е(д)	∅	∅	шь
рой	∅	е	т	ес	∅	∅	т
рой	∅	е	м	ед	и	∅	м
рой	∅	е	те	ед	и	∅	те
рой	∅	у	т	ед	я		т
молоЧ		у					
МОЛОТ	и		шь				
МОЛОТ	и		т				
МОЛОТ	и		м				
МОЛОТ	и		те				
МОЛОТ	я		т				

Четыре формы из шести демонстрируют удивительную стройность: корень – глагольный суффикс – «тематический гласный» (по

позиции и функции – суффикс непрошедшего времени, противопоставленный суффиксу прошедшего времени $\Rightarrow л_)$ – флексия с консонантным началом.

В 1 л. ед. ч. на месте тематического гласного и окончания обнаруживаем гласный /y/. Формы *ем, дам* помогают нам понять, что окончанием 1 л. ед. ч. является $_м$. А поскольку *У* в русском языке чередуется с *ОМ* (*скУ-п-ой – о-скОМ-ина – щЕМ-ить < *скем-ити* [Шанский 1971: 315, 414, 519]), мы имеем основание предположить, что суффикс *-е-* в этой форме реализуется алломорфом *-о-*. Этимологи подсказывают, что этот *О* – долгий [Мейе 1951:249].

Таким образом, *У* в форме *молочу* представляет две фонемы: { \bar{O} } и {*М*}, являющиеся самостоятельными морфемами с самостоятельным значением: *- \bar{O} -* – непрошедшего времени (ср. *молот-и-л-и*), а *-М* – 1 л. ед. ч.

Если мы, вдохновлённые смелостью юного Ф. де Соссюра, вслед за ним предположим, что язык – это система, а не набор исключений, то (при помощи реконструкции) увидим, что и форма 3 л. ед. ч. прекрасно вписывается в общую систему. В русском языке *А*-смягчающий, обозначаемый на письме буквой *Я*, чередуется с *ИИ*, являясь бифоном, представляющим две фонемы (т. е. /²а/^{III}): *смЯть-смИИНать, прокляТЬ ~ проклИИНать, распЯть-распИИНать*. Сравнение с латинским языком подтверждает справедливость такого сближения относительно финалей *-ЯТ* в *молотят* и *едят* (табл. 14).

Т а б л и ц а 14

Лицо	Singularis	Pluralis
1	<i>-\bar{o}</i> или <i>-m</i>	<i>-m\bar{y}s</i>
2	<i>-s</i>	<i>-t\bar{y}s</i>
3	<i>-t</i>	<i>-nt</i>

«Сравним эти окончания с личными окончаниями русского глагола: *-у (-ю)* или *-м* (в старославянском «юс большой» – φ), *-шь, -т, -м, -те, -ут (-ют)* или *-ат (-ят)* из носовых φ или ϵ («юс мальй»)» [Латинский язык 1983:72]. Сравним формы 3 л. ед. ч. глагола со значением ‘быть’: санскр. *sánti* лат. *sunt*, ст.-сл. *сѣтъ*, готск. *sind* [Красухин 2004:160].

Таким образом, для парадигмы глагола *молотить* мы получаем следующую картину (табл. 15).

Т а б л и ц а 15

молоЧ		ō	м
МОЛОТ	и		шь
МОЛОТ	и		т
МОЛОТ	и		м
МОЛОТ	и		те
МОЛОТ	и		нт

Сравним её с формами множественного числа глагола *есть* (табл. 16).

Т а б л и ц а 16

ед	и	∅	м
ед	и	∅	те
ед	и	∅	нт

Значимое отсутствие «тематического» гласного в атематическом глаголе и его наличие в 1 л. ед. ч. глагола *молотить* позволяет предположить суффикс *-е-* и в остальных формах глагола *молотить* (табл. 17).

Т а б л и ц а 17

молоЧ		ō	м
МОЛОТ	и	е	шь
МОЛОТ	и	е	т
МОЛОТ	и	е	м
МОЛОТ	и	е	те
МОЛОТ	и	е	нт

Таким образом, в парадигме глагола *молотить* /ч/ не только чередуется с фонами /т'и/, но и ПРЕДСТАВЛЯЕТ фонемы {ТИ}: (/ч/™).

Предположим, что форма 1 л. ед. ч. *молочу* также является частью этой системы, и завершим реконструкцию парадигмы глагола *молотить* (табл. 18).

Т а б л и ц а 18

МОЛОТ	и	ō	м
МОЛОТ	и	е	шь
МОЛОТ	и	е	т
МОЛОТ	и	е	м
МОЛОТ	и	е	те
МОЛОТ	и	е	нт

В этой парадигме налицо нарушение древнейшего (ещё индоевропейского) запрета на зияние внутри слова: *ИЕ* и *ИО* соседствуют.

Пара *ИЕ* состоит из долгого гласного *И* ($< \bar{I}, ei, oi$) и краткого *Е* ($< \bar{e}$), при этом оба звука дизязычные, что делает возможным их слияние в долгом дизязычном *И*.

Вторая пара состоит из двух долгих: *И* и \bar{O} ; при этом *И* – дизязычный, а \bar{O} – бемольный, что делает невозможным устранение зияния посредством слияния: дизязычность и бемольность несовместимы, имея равную силу (долготу). В соседстве с равным по силе бемольным гласным \bar{O} дизязычный гласный *И* на суффиксальном стыке, как и положено сонанту³¹, закономерно реализуется в своём неслоговом варианте – \bar{I} (*j*). Так, $T=И$ трансформируется в $T=\bar{I}$. В свою очередь, $T=\bar{I}$ на суффиксальном стыке всегда реализуется бифоном *Ч* (*свеча* = {свѣт=й_А} – в восточнославянской подсистеме) или бифоном *Щ* (*освещение* = {об-свѣт=и=Ен=й_о} – в южнославянской, т. е. церковнославянской подсистеме русского литературного языка). В форме *молочу* = {молот=и=О_м} $T=И$ трансформируется по восточнославянскому варианту.

В форме 1 л. ед. ч. йотация осуществляется последовательно и закономерно: *кадить* – *кажу*, *носить* – *ношу*, *разить* – *ражу*, *пустить* – *пушу*, *ездить* – *езжу*. При этом сочетание губного звука с \bar{I} реализуется как сочетание этого звука с /л'/: *ломить* – *ломлю*, *лупить* – *луплю*, *любить* – *люблю*, *ловить* – *ловлю*. Сам губной остаётся неизменным.

Соответственно, заимствованные основы *граф-* и *траф-*, попадая в позицию йотации – {C^W=и=ō...}, вызывают то же преобразование йота (/й=j/ > /л'/), что и другие губные звуки.

П. С. Кузнецов считает, что трансформация \bar{I} > Л' перед Ф – следствие того, что процессы йотации «становятся фонетически не обусловленными и превращаются в морфологические чередования». Для П. С. Кузнецова это – «проявление аналогии» и «морфологизация позиционного чередования».

Но, во-первых, что именно сделало процесс йотации «фонетически не обусловленным»? Ведь позиция губного согласного осталась неизменной. П. С. Кузнецов говорит, что это падение редуцированных, но оно тут ни при чём: редуцированных в последовательности {C^W=и=ō...} нет и близко. Видимо, механизм альтернации устроен так, что преобразование \bar{I} > Л' совершается перед любым губным согласным. А факт

³¹ «...гласные *i* и *u* не являются гласными в собственном смысле слова: они представляют гласные формы сонантов *j* и *w*, точно так же, как *r*, *l*, *n*, *m* – гласные формы сонантов *r*, *l*, *n*, *m*» [Мейе 1951:155].

этого же преобразования перед Ф (т. е. намного позже той эпохи, в которую механизм альтернации сформировался) свидетельствует о том, что он в отличной сохранности и продолжает работать.

Во-вторых, *аналогия* – инструмент морфологии, посредством которого она осуществляет выравнивание основ. (Например, *сват* > *сватать* > *сват+ьба*; реализация фонемы {Б} в виде нуля-смягчающего /ʔø/ делает возможной регрессивную ассимиляцию по звонкости: /т'б/ > /д'б/; единственная форма, в которой фонема {Б} оказывается в сильной позиции и реализуется в виде аллофона /e/ – **сватеб* = {свАт-ьб_ь}; морфология – в сильной для глухого согласного фонетической позиции – осуществляет аналогическое выравнивание единственного исключения в парадигме по преобладающему аллофону /д'/: **сватеб* > *свадеб*). Но о каком аналогическом выравнивании можно говорить в парадигме глаголов *графить* и *трафить*? Если уж выравнивать парадигму аналогией, то в **графю*, **трафю*, никак не в *граф-ит* - *графЛ-ю*, *траф-ит* - *трафЛ-ю*.

В-третьих, показателем каких морфологических различий становится /л'/ в *графлю*, *трафлю*? Неужели – 1 л. ед. ч.? А как же тогда *разграфляешь*, *разграфляет*, *разграфляем*, *разграфляете*, *разграфляют*; *разгляфлял*, *разграфляй*, *разграфлять*? Какое грамматическое значение припишем /л'/ в этом случае? Тут в той же самой позиции работает тот же самый фонетический механизм: {C^W=и=̄...}: **разграф=И=Ать* > **раз-граф=Й'=Ать*. > *раз-граф=Л'=Ать*. А морфология тут ни при чём.

Логичнее и естественнее представляется другое объяснение: **на суффиксальном стыке никогда не переставал действовать закон восходящей звучности**, вызвавший к жизни превращение /й/ в /л'/, перед губными согласными, включая – /ф/. Это не проявление «действия аналогии», а доказательство жизненности и действенности на суффиксальном стыке фонетических законов, в других позициях давно переставших действовать. Никакого грамматического значения чередование *Й||Л'* перед Ф не имеет: его причина чисто фонетическая – на суффиксальном стыке неслоговой {И}=й/ перед (любым) губным согласным (ныне, как и прежде) реализуется аллофоном /л'/. В этом случае мы имеем дело с **варьированием фонем в различных сегментных позициях: перед кратким дизянным гласным /ǃ/ и перед долгим бемольным гласным /̄v/**³².

³² Если настаивать на поверхностно-синхронной формулировке правила трансформации, само правило выглядит так: Ф=И=У → Ф=Й=У → Ф=Л'=У; Ф=И=Е → Ф=И → Ф'=И.

Такое решение становится возможным при учёте специфики суффиксального стыка и перехода от фондов к фонемам (в иной терминологии – от «Московских» фонем к «Казанским» фонемам, т. е. к ФЗ С. И. Бернштейна [Бернштейн 1962]).

Отношение к американской традиции

Меня часто упрекают, что я не уделяю или уделяю очень мало внимания американским генеративистам: раннему Н. Хомскому, М. Халле, Т. Лайтнеру, Д. Воргу и другим лингвистам этого круга. Это справедливый упрёк. Я не делаю этого, потому что ничем им не обязан. Да, они раньше меня изобрели этот велосипед. Но до них были и И. А. Бодуэн де Куртенэ, и С. И. Бернштейн, идеи которых я и развиваю и о которых американские лингвисты либо не упоминают вообще, либо упоминают крайне редко.

Что же общего у американских дескриптивистов-генеративистов с Бодуэном? Морфема. Бодуэн ввёл это понятие и исходил из него. Американские дескриптивисты в силу специфики языков американских индейцев также были вынуждены сделать морфему фокусом лингвистического описания. Остальное сходство возникло как следствие. При этом в США морфематичность описания языка, по-видимому, была подкреплена, обогащена и усилена влиянием Р. О. Якобсона, хорошо знакомого с идеями Бодуэна и его последователей в России и СССР.

Как оказалось, для получения сходных результатов знакомство с американской лингвистической традицией вовсе не обязательно. Достаточно И. А. Бодуэна де Куртенэ, С. И. Бернштейна, Г. П. Мельникова и Ю. С. Степанова, а также В. Г. Чургановой и Т. В. Булыгиной.

Анонимный рецензент моей статьи, предложенной в журнал «Вопросы языкознания», написал, что традиции «ранней порождающей фонологии в духе» [Lightner, 1972] предполагают «уровень абстракции настолько недопустимо высокий, что даже порождающие фонологи отказались от него уже в восьмидесятых годах прошлого столетия»). В этом высказывании трудно не узнать знакомый голос ЛФШ.

Видимо, речь идёт об абстракции от явления (звуков) в пользу сущности (фонем). Да, уровень абстракции может быть различным. Хотелось бы узнать критерий, по которому одни абстракции признаются «допустимыми», а другие «недопустимыми». И кто тот судья,

который определяет, что в науке допустимо, а что нет? Логично предположить, что уровень абстрагирования зависит от задач, решаемых исследователем.

И. А. Бодуэн де Куртенэ смотрел на этот вопрос шире и конструктивнее: «...при сравнении с другими языками, равно как и при определении связей (звуков и) фонем в одном и том же языке, следует дивергенты обобщать в фонемы. Затем может случиться потребность обобщения известных фонем в фонемы более общие, в фонемы высшего порядка. Одним словом, здесь мы совершаем научный процесс всё большего и большего обобщения, процесс приведения, так сказать, более частных проявлений дивергенции и корреляции к более общему знаменателю» [Бодуэн 1963, т. I:123–124]. Именно эта идея Бодуэна послужила «опорной точкой» С. И. Бернштейну «для синтеза трёх фонем в едином, более широком построении» [Бернштейн 1962:63].

Для анализа флексий (морфология по преимуществу) требуется низкий уровень абстракции, для анализа суффиксов (это уже словообразование) – более высокий уровень обобщения, а для анализа корневых морфем (это уже лексика по преимуществу, хотя и морфология – в виде апофонии) – самый высокий уровень абстрагирования. Уровень абстракции коррелирует с древностью морфем.

Л. Р. Зиндер [Зиндер 2007] ратовал за «чистую» фонологию, не загрязнённую и не замутнённую морфологией и лексикой. При этом абстрагирование от звуков оказывалось минимальным, а от системы языка – максимальным.

Сторонникам «чистой фонологии» хотелось бы ответить словами Бодуэна:

«С точки зрения языкового мышления и основанного на нём научного языковедного (лингвистического) мышления, фонемы и вообще все произносительно-слуховые элементы не имеют сами по себе никакого значения. Они становятся языковыми ценностями и могут быть рассматриваемы лингвистически только тогда, когда входят в состав всесторонне живых языковых элементов, каковыми являются морфемы, ассоциируемые как с семасиологическими, так и с морфологическими представлениями» [Бодуэн 1963, т. II:276].

Фонемология предлагает не абстрагироваться от связей звучаний с морфологией и лексикой, т. е. от системы языка, которую эти звучания и обслуживают, а это требует более высокой степени абстрагирования от звуков. Почему же недопустимо абстрагироваться от явления ради проникновения в сущность и допустимо абстрагироваться от сущности (языка) ради явления (звуков)?

И. А. Бодуэн де Куртене ещё в 1870 году писал, что любой язык в любом его данном состоянии хронологически не однороден:

«При... рассмотрении языка необходимо соблюдать хронологический (здесь и далее выделено мной. – А. К.) принцип, т. е. принцип объективности по отношению к совершающемуся во времени генетическому развитию языка.

Этот принцип генетической объективности можно выразить тремя следующими положениями:

Положение 1-е. Данный язык... представляет результат своеобразного развития в разные периоды. ... каждый период создал что-нибудь новое... Такие результаты работы различных периодов, заметные в данном состоянии известного объекта, в естественных науках называются слоями: применяя это название к языку, можно говорить о слоях языка, выделение которых составляет одну из главных задач языковедения

Положение 2-е. Механизм языка и вообще его строй и состав в данное время представляют результаты ВСЕЙ предшествовавшей ему истории, ВСЕГО предшествовавшего ему развития, и наоборот, этим механизмом в известное время обуславливается дальнейшее развитие языка.

Положение 3-е. Крайне неуместно измерять строй языка в известное время категориями какого-нибудь предшествующего или последующего времени. Задача исследователя состоит в том, чтобы подробным рассмотрением языка в отдельные периоды определить его состояние, сообразное с этими периодами, и только впоследствии показать, каким образом из такого-то и такого-то строя и состава предшествующего времени мог развиться такой-то и такой-то строй и состав времени последующего.

То же требование генетической объективности вполне применимо и к исследованию разных языков вообще: видеть в известном языке без всяких дальнейших околичностей категории другого языка не научно; наука не должна навязывать объекту чуждые ему категории и должна отыскивать в нём только то, что в нём живёт, обуславливая его строй и состав» [Бодуэн 1963, т. 1:67–68].

Особое внимание хотелось бы обратить на Положение 2-е. Бодуэн не считал, что существует «недопустимая» глубина обращения к истории языка.

Более того, он допускал разные точки зрения на количество и качество фонем русского языка, последовательно различая три состояния: «русское языковое мышление», «славянские языковые мышления» и «праариоевропейское состояние»:

«... с точки зрения семасиологизации и морфологизации, с точки зрения альтернатив, с точки зрения этимологии в области одного и того же языкового мышления, в русском языковом мышлении (здесь и далее выделено мной. – А. К.) имеются три фонемы:

$\check{z} \parallel g$ (ж || г), напр., *могу* | *може-*
 $\check{z} \parallel z'i$ (ж || зи), напр., *вожу* | *вози-*
 $\check{z} \parallel d'i$ (ж || ди), напр., *вожу* | *води-*

§ 120. С точки зрения корреспонденций или соответствий в разных славянских языковых мышлениях, с точки зрения многоязычного этимологического родства, но опять-таки с точки зрения семасиологизации и морфологизации имеем в русском языковом мышлении два \check{z} и два \check{c} :

- 1) общеславянское \check{z} , т. е. \check{z} , альтернирующее в русском или с g , или с $\check{z}'j$;
- 2) специально русское \check{z} , альтернирующее с $d'i$ и с $\check{z}d$:

$\check{z} \parallel d'i \parallel \check{z}d \dots$

1-му \check{z} соответствует во всех славянских языковых мышлениях тоже \check{z} или же его своеобразный вторичный заместитель;

2-му \check{z} соответствуют, смотря по отдельным славянским языковым мышлениям, в др.-цсл. и в болгарском $\check{z}d$, в сербо-хорватском d' или \check{z} ($d\check{z}$) или j , в словинском j , в польском и словацком \check{z} ($d\check{z}$), в чешском z и т. д.

1) общеслав. \check{c} , т. е. \check{c} , альтернирующее в русском с k , \check{c} || k , ($ч$ || $к$), напр., *пеку* | *печ-*;

2) специально русское \check{c} , альтернирующее с $t'i$ и с $\check{c}\check{c}$: \check{c} || $t'i$ || $\check{c}\check{c}$, напр., *свечу*, *свети-* | *-свещ-*.

1-му \check{c} соответствует во всех славянских языковых мышлениях тоже фонема \check{c} или же её своеобразный вторичный заместитель.

2-му \check{c} соответствует, смотря по языковой области, в др.-цсл. и в болг. $\check{s}t$, в сербо-хорватском t (t') или c' (ts'), в словинском \check{c} , в польском, словацком, чешском c и т. д. ...

§ 121. Фонема s славянских языковых мышлений (в русском s , s'), смотря по её наличности то в тех, то в других морфемах, значит, с точки зрения её морфологизации и семасиологизации, соответствует двум разным фонемам предполагаемого праариевропейского состояния:

1) s (древнеиндийское или санскритское s с изменениями; греческое или s , или h , иначе «spiritus asper», или «нуль»; латинское s или r ; германское s с изменениями; литовское s), напр.: *сон*, *сын*, *сад*, *сидеть*, *сухой*. . .;

2) k (др.-инд. \check{c} ; греч. и лат. k ; герм. h ; лит. \check{s}), напр.: *срам* | *сором*, *солама*, *пороса*, *десять*...

Вообще вся так называемая “сравнительная грамматика” и всякие этимологические сближения и предположения **были бы совершенно невозможны, если бы они не покоились на сознательном или хотя бы даже внесознательном предположении морфологизации и семасиологизации фонем и прочих более дробных произносительно-слуховых элементов** [Бодуэн 1963, т. 2:277–278].

До 1980-х годов «порождающие фонологи» считали так же, а в 1980-е почему-то сочли это «недопустимым». Искать причины этой перемены – не наша задача.

Вспомним стихотворение В. М. Иллича-Свитыча:

Язык – это брод через реку времени,
Он ведёт нас к жилищу ушедших;
Но туда не прийти тому,
Кто боится глубокой воды.

Как бы то ни было, факт остаётся фактом: глубокой воды американские фонологи испугались. И произошло это вскоре после кончины Р. О. Якобсона (1896–1982).

Бодуэновские основы КФС и их развитие С. И. Бернштейном

Прочитированное выше положение Бодуэна является исходным пунктом концепции Казанской фонологической школы, поэтому оно требует отдельного и подробного комментирования.

Вот оно:

«...с точки зрения семасиологизации и морфологизации, с точки зрения альтернатив, с точки зрения этимологии в области одного и того же языкового мышления, в русском языковом мышлении имеются три фонемы:

ž || g (ж || з), напр., *могу* | *може-*

ž || z'i (ж || зи), напр., *вожу* | *вози-*

ž || d'i (ж || ди), напр., *вожу* | *води-*» [Бодуэн 1963, т. 2:277–278].

С одной (*антропофонической*, по Бодуэну) стороны, /ж/ является фоном и с этой точки зрения перед нами один и тот же фон.

С другой стороны, Бодуэн явно различает эти три /ж/ не по форме, а по функции, проявляющейся в трёх различных альтернативах: /ж/ : /г/, /ж/ : /зи/ и /ж/ : /ди/.

Форму, взятую с точки зрения выполняемой ею функции, Бодуэн и называет фонемой. Тут едва ли не главное открытие Бодуэна: **фонема** – это не фон, не звук, не форма, а **функция**. Поэтому он и говорит о трёх различных «фонемах» Ж.

Но чем же тогда являются альтернанты этих Ж: /г/, /зи/ и /ди/?

Не случайно Бодуэн обсуждает вопрос, «что именно принимать основанием, т. е. какое из двух или более звеньев дивергенции или более частной корреляции следует считать более близким... **основной фонеме** (выделено мной. – А. К.)» [Бодуэн 1963, т. 1:124].

Поставив этот вопрос об *основной фонеме*, Бодуэн отвечает на него так:

«Стало быть, вышеупомянутые чередования следует обобщить следующим образом:

$$\frac{k||k'}{k} \quad \frac{k||\check{c}}{k}$$

Здесь обобщение по своим антропофоническим свойствам ближе тому звену дивергенции или частной корреляции, которое подвергалось меньшим “случайностям”, т. е. **перешло меньше стадий изменений** (выделено мной. – А. К.) как комбинационных (аккомодация и аффикция), так и спонтанеических (дегенерация)» [там же].

Итак, фонема – это ряд чередований, члены которых можно подразделить на свободные (находящиеся в сильной позиции) и позиционно обусловленные (находящиеся в слабой позиции), первичные (исходные) и вторичные (производные, преобразованные). В качестве представителя всего альтернативного ряда предлагается выбрать наименее позиционно обусловленные и наименее преобразованные. В такие элементы и предлагается обобщать члены альтернативных рядов.

Если в приведённые формулы Бодуэна подставить индексы, мы получим следующий результат:

$$\frac{k^l || k'}{k^2}, \quad \frac{k^2 || \check{c}}{k^3}.$$

Перед нами не что иное, как три шага обобщения или фонемы трёх уровней обобщения. Фактически перед нами фонематическая концепция С. И. Бернштейна.

Для нас принципиально важно то, что в первой пропорции k^l и k' фактически признаны Бодуэном вариантами (аллофонами), представляющими инвариант – фонему k^2 . Тем самым мы, вслед за Бодуэном и С. И. Бернштейном, вступаем в противоречие с «Русской грамматикой» [РГ 1980, т. I:19, 89], считая различие согласных по «твёрдости-мягкости» («дизности-недизности») не смысловозначительным, а позиционно обусловленным.

Теперь – о терминологии. Мы видим, что для k^l , k^2 и k^3 у Бодуэна один и тот же термин – *фонема*. Он пытается выйти из положения либо с помощью определения *основная фонема*, либо с помощью хронологической привязки уровня обобщения, фактически обозначающего глубину реконструкции: *русское* «языковое мышление»/состояние, *славянское* «языковое мышление»/состояние, *ариоευропейское* «языковое мышление»/состояние.

С. И. Бернштейн решает эту проблему, нумеруя степени обобщения: фонема 1-й степени – Φ^1 , фонема 2-й степени – Φ^2 , фонема 3-й степени – Φ^3 . При этом все они объединены отношениями включения: фонемы меньшей степени образуют фонемы большей степени.

Такое решение вызывает трудности, подобные проблеме единственности Бога в православии. Различение ипостатей Святой Троицы: Бог-Отец – Бог-Сын – Бог-Дух Святой даёт сторонним интерпретаторам, например, Свами Вивекананде, основание утверждать, будто бы у христиан три бога: Отец, Сын и Дух Святой. Аналогично, различение трёх ипостатей фонемы С. И. Бернштейном даёт А. А. Реформатскому основание писать следующее: «Наконец, Вавилонская башня плюрализма достроена: и фонемы, и чередования, и члены чередований получили свой порядковый номер и соотношение друг с другом, но какую ценой! Это всё очень напоминает те случаи микропонимки, когда ряд улиц называется одним именем, а различается этот ряд порядковыми номерами (1-я Парковая, 2-я Парковая... N-я Парковая), что, как известно, очень неудобно!» [Реформатский 1970:80].

Как бы предвидя этот упрёк, С. И. Бернштейн сближал Φ^1 с фонемой Л. В. Щербы, Φ^2 – с архифонемой «пражцев» и фонемой МФШ, а Φ^3 – с морфонемой в понимании Н. С. Трубецкого. Если воспользоваться остроумным неологизмом А. А. Реформатского, выстраивается терминологический ряд: «щербема» – архифонема = «москвема» – морфонема.

А. А. Реформатский, конечно, прав, говоря о неудобствах такой терминологии, но... ведь живут и с ними. Например, на Васильевском острове в Санкт-Петербурге 29 линий – и ничего, живут. А в Нью-Йорке:

На север
с юга
идут авеню,
на запад с востока –
стриты.
(В. В. Маяковский. Бродвей)

И различаются они только «порядковыми номерами». Восточных «стритов» (улиц) 131, а западных – 261, авеню – «всего» 12.

Православие же – живёт со Святой Троицей и не планирует от неё отказываться.

Ответим А. А. Реформатскому в его же стиле: «Как Бог един в трёх лицах, так и **фонема едина во всех степенях своего обобщения**».

Для описания морфем современного русского языка достаточно раннего праславянского уровня обобщения (до действия законов восходящей звучности слога и слогового сингармонизма). При этом для описания современного русского языка (но не для этимологии, углубление которой в слово ничем принципиально не ограничено) более высокий уровень обобщения, строго говоря, требовать не должен, потому что в индоевропейские фонемы обобщаются уже не русские фонемы, а праславянские. Соответственно, современная этимология (в отличие от практики XIX века) при реконструкции праиндоевропейского состояния должна пользоваться не примерами реальных славянских языков, а праславянскими реконструкциями, полученными на их базе³³.

Но терминологию всё же изменим: все члены альтернативно-го ряда условимся именовать *аллофонами*, а весь альтернативный ряд – *фонемой* (не морфемой!). Именем же фонемы будет наименее обусловленный и наименее преобразованный аллофон.

Если вернуться к примеру Бодуэна, то терминологию придётся поправить: будем говорить не о трёх различных «фонемах» Ж, а о трёх различных случаях функционирования фона /ж/.

В паре *могу-может* аллофон /ж/ представляет фонему {Г} в позиции перед гласным переднего ряда /e/ на суффиксальном стыке – флективный стык не знает 1-й палатализации: *ногу-ноге*, но *ножек*.

В парах *вожу-водит* и *вожу-возит* фон /ж/ уже представляет не одну, а сразу две фонемы: {Д+И} или {З+И} (т. е. «работает за двоих или на две ставки»). Такие фонемы мы называем *бифонами* – бифонемными/бифункциональными фонами³⁴.

И тут, действительно, мы имеем два различных бифона /ж/: один представляет фонемы {Д+И}, а другой – фонемы {З+И}. Их фонематическое (функциональное) содержание удобно указывать в виде верхнего индекса: /ж/^д, /ж/^{дз} и /ж/^з.

В трактовке этих примеров Бодуэн следует сформулированному им же принципу – приводит формы с исходным {И}, а не с промежуточным [Й].

Как из /ди/ и /зи/ получается /ж/? 1. К основе $ВОД=И=$ прибавляется суффикс $=У(=\bar{O}_м)$. Получаем $ВОД=И=\bar{O}_м$. 2. Зияние на суффиксальном стыке недопустимо и должно быть устранено. Фонема

³³ Другое дело, что в некоторых случаях реликты русского языка непосредственно отражают реальности праиндоевропейского языка, позволяя методам внутренней реконструкции выходить на праиндоевропейский уровень.

³⁴ Можно было бы писать *биффон*. Но проще считать, что тут один *ф* накладывается на другой – почти, как в слове *мор(фо)фонема*.

{И}, будучи глайдом, на суффиксальном стыке в соседстве со слоговым \bar{O} реализуется в неслоговом варианте – /й³⁵/. Получаем $ВОД=Й\bar{O}_м$. 3. На суффиксальном стыке \bar{I} вызывает йотацию предшествующего согласного: $Д\bar{I} > Ж$. Получаем $ВОЖ=V(=\bar{O}_м)$.

Аналогично с $ВОЖУ=ВОЗИТ$. 1. К основе $ВОЗ=И=$ прибавляется суффикс $=V^{36}(=\bar{O}_м)$. Получаем $ВОЗ=И=\bar{O}_м$. 2. Зияние на суффиксальном стыке недопустимо и должно быть устранено. Будучи глайдом, I , в соседстве со слоговым (внутри слова), реализуется в неслоговом варианте – /й/. Получаем $ВОЗ=Й=\bar{O}_м$. 3. На суффиксальном стыке \bar{I} вызывает йотацию предшествующего согласного: $З\bar{I} > Ж$. Получаем $ВОЖ=V(=\bar{O}_м)$.

Наши фонологические взгляды очень близки к взглядам С. А. Крылова и Т. В. Булыгиной. Только то, что Т. В. Булыгина относит к морфофонологии, мы (вслед за И. А. Бодуэном де Куртенэ, С. И. Бернштейном и Г. П. Мельниковым) относим к фонемологии. Таким образом, в современном русском языке (его исконной апеллятивной подсистеме) есть фонемы {Ъ}, {Ь}, {Ы}, {Ë}, а не только {А}, {О}, {Е} (фоны /и/ и /у/ обладают богатым набором функций, а глайды как фонемы – богатым рядом речевых манифестаций).

Всё живое и регулярное мы относим к фонемологии, оставляя морфофонологии штучное, нерегулярное, грамматическое (примерно так же Л. В. Щерба к грамматике относил всё регулярное, а к лексике – всё единичное, «штучное»). Следует сказать, что объективно взгляды Т. В. Булыгиной восходят к взглядам И. А. Бодуэна де Куртенэ и С. И. Бернштейна, хотя возможности влияния американского дескриптивизма исключать нельзя. В середине 1970-х годов Т. В. Булыгина попыталась ещё раз показать коллегам, насколько простым, красивым и удобным может быть описание морфологии, выполненное в согласии с фонематическими идеями И. А. Бодуэна де Куртенэ, С. И. Бернштейна и последовательно проведёнными постулатами МФШ.

³⁵ В данном случае совершенно не принципиально, с каким гласным соседствует I : /y/, /q/ или /ö/, хотя древность запрета на зияние побуждает предполагать \bar{O} . Главное, что I соседствует с долгим слоговым бемольным звуком.

³⁶ У глаголов 1 л. ед. ч. /y/ является *бифоном*, представляя суффикс не прошедшего времени $=\bar{O}$ и флексию $_м$, на которую указывают формы *дам, ем* – с той разницей, что у этих глаголов первичное окончание $\{_мь\}$, а у глаголов на $=V$ – вторичное $\{_м\}$. В форме *дадут* /y/ также является бифоном, в другом – $\{O+N\}$: $\{да.д=ø=O_Нть\}$. В обоих случаях V получается из [Q], в котором реализуются $\{\bar{O}M\}$ и $\{ON\}$ по закону восходящей звучности, действующему на суффиксальном стыке.

Мы, со своей стороны, вслед за выпускником Московского императорского университета Н. С. Трубецким, последовательно различаем в качестве морфонологических позиций *флексивный, суффиксальный и префиксальный стыки*. По существу, и тут нет никакого разрыва с традицией: уже Панини, различая *внутреннее и внешнее сандхи*, фактически противопоставлял суффиксальный стык несуффиксальному (префиксальному или флексивному), а младограмматическое различение *анлаута и ауслата* противопоставляет префиксальный стык флексивному.

Кроме того, мы разделяем позицию А. А. Реформатского, в соответствии с которой морфонология существует, а *морфемы* – нет (они срезаются бритвой Оккама как излишние, а следовательно, фиктивные сущности). Тем самым фонемы мы понимаем по С. И. Бернштейну [Бернштейн 1962]. Его три степени фонем – это три ступени восхождения к «казанской» фонеме Бодуэна, три ипостаси единой фонемы, а не три разных фонемы, как это понял и представил А. А. Реформатский [Реформатский 1970:80]. Единственной и истинной фонемой является фонема третьей степени («казанская» фонема), и это автоматически следует из определения фонемы как различителя морфем.

Тем самым, мы неизбежно стоим на позиции Бодуэна и МФШ, в соответствии с которой *фонемы являются различителями морфем – минимальных универсальных знаков языка*.

Единственное, в чём системный подход не позволяет нам согласиться с Т. В. Булыгиной, – это то, что «такие слова, как *темпы, пюре, энергия* и многие подобные входят теперь в одну систему с обычными исконно русскими словами», вследствие чего «смягчение согласных перед /e/ уже можно считать необязательным и в пределах одной морфемы» [Булыгина, 1977:221]. Заимствованные морфемы (и их комбинации – слова) состоят из заимствованных фонем, ведущих себя особым образом. Фонология и морфонология заимствованных слов принципиально отличны от фонологии и морфонологии исконной лексики. И «входят в одну систему» с обычными исконными словами заимствованные слова только в тех (довольно редких) случаях, когда они уже ничем не отличаются в фонетическом и морфонологическом отношении от исконных слов. Поэтому *смягчение согласных перед /e/ обязательно для подсистемы исконной лексики и не обязательно – для интернациональной подсистемы заимствованной лексики*.

В другом месте Т. В. Булыгина справедливо отмечает: «иноязычные формативы очень часто обладают целым рядом специфических морфонологических свойств» [там же:223, сноска 24].

Фонематическая система русского языка неоднородна, и в соответствии с принципами системологии должна описываться не как единая однородная (гомогенная) система, а как система разнородных (гетерогенных) подсистем.

Методологическое значение предлагаемого решения велико: оно устраняет пропасть между выделением фонем в диахронии и синхронии, в компаративистике и описательной лингвистике. К синхроническому описанию следует применять те же лингвистические процедуры, которые многократно доказали свою продуктивность и состоятельность в сравнительно-историческом языкознании.

Следует особо подчеркнуть, что далеко не случайно С. А. Старостин предложил не учитывать заимствования в глоттохронологии.

Из изложенного выше вовсе не следует, что у морфонологии нет своего объекта исследования. Объектом морфонологии являются все случаи «работы фонетики на морфологию (и шире – грамматику)», в первую очередь – использование звуковых чередований для различения грамматических значений, т. е. использование звуковых чередований в качестве грамматической формы. Описанию этих явлений следует посвятить отдельную книгу, подобную уже упомянутой выше книге И. Б. Иткина [Иткин 2007] (Приложение 2).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведём итоги. Что же нового содержится в этой книге? Прежде чем ответить на этот вопрос, вспомним, что новое – это хорошо забытое старое.

Во-первых, последовательно проведён системный подход к анализу русской фонетики: в соответствии с принципом одноприродности звуки русской речи представлены не как элементы одной-единственной системы, называемой «русской» и «синхронной», а как система сосуществующих и взаимодействующих подсистем, каждая из которых обладает своими особенностями.

Во-вторых, преодолено противопоставление синхронии и диахронии: в соответствии с принципом гетерохронности фонематическая система языка рассмотрена как система сосуществующих и взаимодействующих гетерохронных подсистем (по Бодуэну – «хронологических слоёв»).

В-третьих, в соответствии с бодуэновским принципом «смешанности всех языков мира» (гетерогенности) последовательно проведено различие исконной и заимствованной лексики (и, соответственно, фонетики).

Подсистемы образуются шестью оппозициями: исконное – заимствованное, восточнославянское – южнославянское, современное – архаичное (индоевропейское), словесное – звукоподражательное, лексическое – грамматическое, апеллятивное – онимическое.

Выделяется современная подсистема исконных фонем, подразделяемая на современную (раннюю праславянскую) и архаичную (праиндоевропейскую). Для ранней праславянской подсистемы существует две системы правил перехода от фонем к фонемам: восточнославянская и южнославянская. Для восточнославянской существенно деление на полнозначную (лексическую) подсистему и неполнозначную (грамматическую). Полнозначная лексика подразделяется на апеллятивную (имена нарицательные) и онимическую (имена собственные) подсистему.

Подсистема фонетически неосвоенных заимствований имеет своим архаичным ядром греко-латинские интернационализмы. Среди

современных заимствований преобладают слова романо-германского происхождения. Заимствования из прочих языков существенной спецификой по сравнению с интернационализмами не обладают.

Ещё к новому (хорошо забытому старому) следует отнести последовательное проведение Бодуэновского принципа морфематизма, при котором тождество фонемы определяется тождеством морфемы. Как следствие – в основе фонематической системы языка лежит система чередований звуков в тождественной абсолютной и различных относительных позициях морфем. Уникальный ряд таких чередований и является фонемой.

Соответственно, изменены границы между фонологией и морфологией и преодолена пропасть между этимологией и «синхронным» словообразованием, «исторической» и «современной» фонетикой.

Оказалось, что знание так называемых «исторических» процессов в фонетике необходимо не только для понимания старославянского языка и исторической грамматики русского языка (как они традиционно описываются), но и для описания и понимания современного русского языка.

Следствием этого оказалось признание (для исконной апеллятивной полнозначной лексики) оппозиции по твёрдости-мягкости позиционно обусловленным, т. е. не смыслоразличительным признаком. При этом количество консонантов уменьшилось, а количество сонантов и вокалов увеличилось (на {У-В/(Ф)}, {И-Й} и {Ъ}, {Ь}, {Ѣ} и {І}, соответственно).

Последовательно проведён функциональный подход к трактовке фонемы: звук речи (фон) трактуется как форма и явление, а смыслоразличительная функция (фонема) – как содержание и сущность. Такой подход, впервые перенесённый с фонетики на лексику Н. И. Толстым, доказал свою продуктивность, позволив увидеть фрактальную изофункциональность всех уровней языка [Кретов 2012]. Общепринятая же идея «двойного членения языка», предложенная А. Мартине, напротив, противопоставляет фонетику всем остальным уровням языка, мешая увидеть его единообразное строение, соответствующее законам природы, и упуская из виду, что противопоставление фонетического уровня остальным **в речи** (последовательности звуковых колебаний), в которой означаемые всех уровней отсутствуют, не имеет логического основания. Тем самым разрешается противоречие, сформулированное ещё Бодуэном: асимметрия формы (звуков) и содержания (смыслов), явления (речи) и сущности (языка).

Если в направлении от Функции к Форме это противоречие уже было разрешено и терминологизировано – *дифтонги* (1 фонема : 2 фона) (обнаружение в русском языке дифтонгов также можно отнести к новизне, как и существование слоговых сонантов $\{\text{ʱ/ʱ}P\}$, $\{\text{ʱ/ʱ}L\}$, $\{\text{ʱ/ʱ}M\}$, $\{\text{ʱ/ʱ}N\}$ – правда, как фонов, а не фонем), *трифтонги* (1 фонема : 3 фона), *аффрикаты* (1 фонема : 2 фона)³⁷, то в противоположном направлении – от Формы к Функции – это противоречие разрешено и терминологизировано только сейчас: *нульфон* (0 фона : 1 фонема), *бифон* (1 фон : 2 фонемы), *трифон* (1 фон : 3 фонемы), *квадрофон* (1 фон : 4 фонемы) и даже *пентофон* (1 фон : 5 фонем).

Разрешение этого противоречия помогает осознать и сформулировать специфику фузии и фузионных языков. А фонематическая (этимологическая) транскрипция позволяет решить ещё одну сформулированную Бодуэном проблему – осуществлять морфемное членение русских слов без насилия над языком – не режа по живому.

Таким образом, сущность системной лингвистики – это *умение видеть вглубь*. А такое умение требуется человеку не только в школе (начальной, средней и высшей) и не только в лингвистике, а на протяжении всей жизни – чем бы он ни занимался.

³⁷ К асимметричным явлениям фонетики относятся не только *аффрикаты*, построенные от смычного к фрикативному ($Ц=ТС$, $Ч=Т'Ш'$), но и *деффрикаты*, построенные от фрикативного к смычному (ср.: *све[Ч=Т'Ш']а* – *аффриката*, но *воЖДь* – *деффриката*).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абаев В. И. О подаче омонимов в словаре / В. И. Абаев // Вопросы языкознания. – 1957. – № 3. – С. 31–43.

Аванесов Р. И. Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y* / Р. И. Аванесов // Вестник Моск. гос. ун-та. – 1947. – № 1. – С. 41–57.

Аванесов Р. И. Очерк грамматики русского литературного языка / Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. – М. : Учпедгиз, 1945. – 236 с.

Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии / Р. И. Аванесов. – М. : Учпедгиз РСФСР, 1949. – Ч. 1. – 336 с.

Аванесов Р. И. Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка / Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров // Русский язык в советской школе. – 1930. – № 1. – С. 110–118.

Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка : учеб. пособие / Р. И. Аванесов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 240 с.

Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении / Н. Д. Андреев. – Л. : Наука, 1967. – 404 с.

Аркадьева Т. Г. Этимонимы в лексической системе современного русского языка : учеб. пособие к спецкурсу / Т. Г. Аркадьева ; [науч. ред. Н. Е. Сулименко] ; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Л. : [б. и.], 1990. – 74 с.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 608 с.

Баклушин А. В. Статистико-комбинаторное выделение первого морфологического типа в русском языке / А. В. Баклушин // Статистико-комбинаторное моделирование языков. – М. ; Л. : Наука, 1965. – С. 39–48.

Барина Г. А. В. Н. Сидоров – фонолог / Г. А. Барина // Отцы и дети московской лингвистической школы : памяти Владимира Николаевича Сидорова / отв. ред. С. Н. Борунова, В. А. Плотникова-Робинсон. – М. : Ин-т рус. яз., 2004. – С. 128–135.

БАС-3 – Большой академический словарь русского языка. – М. ; СПб. : Наука, 2005. – Т. 2: *Благо – Внять*. – 659 с.

Бернштейн С. И. Основные понятия фонологии / С. И. Бернштейн // Вопросы языкознания. – 1962. – № 5. – С. 62–80.

Богородицкий В. А. Лекции по общему языковедению / В. А. Богородицкий. – Казань : Типо-литография Императорского ун-та, 1911. – IV, 3-246, [1] с., 2 л. ил. : ил., табл. 3.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Введение в языковедение (1908-1917) : с прил. : сб. задач / И. А. Бодуэн де Куртенэ ; вступ. ст. В. М. Алпатова. – 6-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 320 с.

Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. / И. А. Бодуэн де Куртене. – М. : Изд-во АН СССР, 1963.

Бондарко Л. В. Гласные / Л. В. Бондарко // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 105–107.

Бондарко Л. В. Дифтонг / Л. В. Бондарко // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990а. – С. 138.

Бондарко Л. В. Основы общей фонетики : учеб. пособие для студ. филол. и лингв. ф-тов. высш. учеб. заведений / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, М. В. Гордина. – 4-е изд., испр. – СПб. : Филол. ф-т СПбГУ ; М. : Академия, 2004. – 160 с.

Бондарко Л. В. Согласные / Л. В. Бондарко // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990б. – С. 477–479.

Бондарко Л. В. Трифтонг / Л. В. Бондарко // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990в. – С. 520.

Борковский В. И. Историческая грамматика русского языка / В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 512 с.

Булыгина Т. В. Проблемы теории морфологических моделей / Т. В. Булыгина. – М. : Наука, 1977. – 286 с.

Бурлак С. А. Сравнительно-историческое языкознание : учеб. для студ. высш. учеб. заведений / С. А. Бурлак, С. А. Старостин. – М. : Академия, 2005. – 432 с.

Бурмистрович Ю. Я. Историческая фонемология последовательного ряда или цепи славянских языков, связанных отношениями «предок – потомок», от праиндоевропейского в лице его протославянского диалекта до русского / Ю. Я. Бурмистрович. – Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2001. – 227 с.

Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. I / Ж. Ж. Варбот // Этимология. 1971. – М. : Наука, 1973. – С. 3–19.

Виноградов В. А. Лингвистика и обучение языку / В. А. Виноградов. – М. : Academia, 2003. – 370 с.

Виноградов В. А. Фонология слова и усвоение лексики русского языка как иностранного / В. А. Виноградов // Лингводидактика. Социоллингвистика. Языки мира : к 90-летию со дня рождения академика И. Ф. Протченко / редкол.: Т. Б. Крючкова (отв. ред.), Е. И. Кириленко, И. Н. Кручинина ; Учреждение Российской академии наук Института языкознания РАН – М. : Сов. писатель, 2008. – С. 17–21.

Волоцкая З. М. Опыт описания русского языка в его письменной форме / З. М. Волоцкая, Т. Н. Молошная, Т. М. Николаева. – М., 1964. – 188 с.

Елизаренкова Т. Я. Язык пали / Т. Я. Елизаренкова, В. Н. Топоров. – 2-е изд. – М. : Вост, лит., 2003. – 244 с. – (Языки народов Азии и Африки).

Елисеев Ю. С. Финский язык / Ю. С. Елисеев // Языки мира : уральские языки. – М. : Наука, 1993. – С. 90–115.

Журавлёв В. К. Диахроническая фонология / В. К. Журавлёв ; отв. ред. В. А. Виноградов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Едиториал УРСС, 2006. – 264 с.

Журавлёв В. К. Очерки по славянской компаративистике / В. К. Журавлёв ; предисл. А. А. Соколянского. – М. : КомКнига, 2005. – 192 с. – (Лингвистическое наследие XX века).

Журавлёв В. К. Теория группофонем : развитие группового сингармонизма в праславянском языке / В. К. Журавлёв ; предисл. Ю. Я. Бурмистровича. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 128 с. – (Лингвистическое наследие XX века).

Журавлёв В. К. Формирование группового сингармонизма в праславянском языке / В. К. Журавлёв // Вопросы языкознания. – 1961. – № 4. – С. 33–45.

Зализняк А. А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. / А. А. Зализняк, В. Л. Янин // Вопросы языкознания. – 2006. – № 3. – С. 3–13.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект / А. А. Зализняк. – М. : Школа языка рус. культуры, 1995. – 720 с.

Зализняк А. А. О понятии графемы / А. А. Зализняк // *Balkanica* : лингвистические исследования. – М., 1979. – С. 134–152.

Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской / А. А. Зализняк. – М. : Наука, 1985. – 429 с.

Зарецкий А. И. Фонема / А. И. Зарецкий // Ученые записки Сталинабад. [Душанбинского] гос. пед. ин-та. – Сталинабад, 1948. – Т. III. – С. 3–33.

Зиндер Л. Р. Общая фонетика и избранные статьи : учеб. пособие для студ. филол. ф-тов высш. учеб. заведений / Л. Р. Зиндер ; сост. и вступ. ст. Л. В. Бондарко. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Филол. ф-т СПбГУ ; М. : Академия, 2007. – 576 с.

[Златоустова и др.] Общая и прикладная фонетика / Л. В. Златоустова, Р. К. Потапова, В. В. Потапов, В. Н. Трунин-Донской. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 416 с.

Иткин И. Б. Русская морфонология / И. Б. Иткин. – М. : Гнозис, 2007. – 272 с.

Йот Н. А. Печальная повесть о j-ике / Н. А. Йот. – 5-е изд., стереотип. – М., 1999.

Касаткин Л. Л. Фонетика современного русского литературного языка / Л. Л. Касаткин. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2003. – 224 с.

Касаткина Р. Ф. Аффриката / Р. Ф. Касаткина // Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая рос. энцикл. : Дрофа, 1998. – С. 43–44.

Касевич В. Б. Морфонология / В. Б. Касевич. – Л. : Изд-во Лен. ун-та, 1986. – 161 с.

Кибрик А. Е. Язык / А. Е. Кибрик // ЛЭС. – 1990. – С. 604.

Князев С. В. Современный русский литературный язык : фонетика, орфоэпия, графика и орфография : учеб. пособие для вузов / С. В. Князев, С. К. Пожарицкая. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Академ. проект : Гаудеамус, 2011. – 430 с.

Кодзасов С. В. Общая фонетика : учебник / С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 592 с.

Концевич Л. Р. Хунмин чоным : наставление народу о правильном произношении / Л. Р. Концевич. – М. : Наука, 1979. – 268 с. – (Памятники письменности Востока ; Кн. 58).

Красухин К. Г. Введение в индоевропейское языкознание : курс лекций : учеб. пособие для студ. филол. и лингв. ф-тов. высш. учеб. заведения / К. Г. Красухин. – М. : Академ-книга, 2004. – 320 с.

Кретов А. А. Асимметричные единицы русской фонематики / А. А. Кретов // Русский язык : исторические судьбы и современность : материалы Междунар. конгресса исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. ф-т, 18–21 марта) / сост. М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2014. – С. 539–540.

Кретов А. А. Закон возрастающей звучности в славянском слоге и его теоретические последствия / А. А. Кретов // Язык и национальное сознание. – Воронеж : ЦЧКИ, 1999. – Вып. 2. – С. 118–122.

Кретов А. А. Слоговая природа русской фонемы / А. А. Кретов, З. Д. Попова // Филологические записки : вестник литературоведения и языкознания. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – Вып. 7. – С. 98–118.

Кретов А. А. Фрактальность в русском языке / А. А. Кретов // Русское национальное сознание в его языковом воплощении : прошлое, настоящее, будущее : XXX Распоповские чтения : материалы Междунар. конф. (Воронеж, 2–4 марта 2012 г.) / [под ред. Л. М. Кольцовой] ; Во-

ронежский государственный университет. – Воронеж : Издат.-полиграф. центр ВГУ, 2012. – С. 138–147.

Кретов А. А. Четвёртая транскрипция // Аванесовский сборник : к 100-летию со дня рождения чл.-кор. Р. И. Аванесова / отв. ред. Н. Н. Пшеничнова ; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М. : Наука, 2002, С. 296–303.

Кротова В. Н. Историческое комментирование фонетики и грамматики русского языка : учеб. пособие / В. Н. Кротова, В. И. Собинникова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1987. – 118, [1] с.

Крушевский Н. В. (1880) Избранные работы по языкознанию / Н. В. Крушевский ; сост. Ф. М. Березин. – М. : Наследие, 1998. – 296 с. [Лингвистические заметки // Русский филологический вестник. – Варшава, 1880. – Т. IV, № 2. – С. 33–62.].

Крылов С. А. Теоретическая грамматика современного монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики : в 6 ч. / С. А. Крылов ; Ин-т востоковедения. – М. : Вост. лит., 2004. – Ч. 1: Морфемика, морфология, элементы фонологической трансформаторики (в аспекте общей теории морфологических и морфонологических моделей). – 479 с.

Кубрякова Е. М. Морфонология / Е. С. Кубрякова // Большая российская энциклопедия. – М. : БРЭ, 2013. – Т. 21: Монголы — Наноматериалы. – 767 с.

Кузнецов П. С. (1941) К вопросу о фонематической системе французского языка / П. С. Кузнецов // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. – М. : Наука, 1970. – С. 163–203.

Кузнецова А. И. Словарь морфем русского языка : ок. 50 000 слов / А. И. Кузнецова, Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 1986. – 1186 с.

Лаанест А. Прибалтийско-финские языки / А. Лаанест // Языки мира : уральские языки. – М. : Наука, 1993. – С. 32–35.

Латинский язык : учеб. для студ. пед. ин-тов / под ред. В. П. Ярхо, В. И. Лободы. – 3-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1983. – 319 с.

Ломоносов М. В. Российская грамматика / М. В. Ломоносов // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 7: Труды по филологии. – С. 389–578.

ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.: ил.

Ляшевская О. Н. Частотный словарь современного русского языка : (на материалах Национального корпуса русского языка) / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. – М. : Азбуковник, 2009.

Маслов Ю. С. Введение в языкознание : учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов / Ю. С. Маслов. – М. : Высш. шк., 1975. – 328 с.

Мейе А. Общеславянский язык / А. Мейе. – М. : Изд-во иностр. лит., 1951. – 491 с.

Мейе А. Общеславянский язык / А. Мейе ; пер. со 2-го франц. изд., просм. и доп. в сотр. с А. Вайаном ; пер. и прим. проф. П. С. Кузнецова ; под ред. проф. С. Б. Бернштейна ; предисл. проф. Р. И. Аванесова и проф. П. С. Кузнецова. – М. : Изд-во иностр. лит., 1952. – 492 с.

Мейе Антуан. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / Антуан Мейе. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 512 с.

Мельников Г. П. Категория длительности глагольного действия и её связь с категорией вида / Г. П. Мельников // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – 2-е изд. – М. : Изд-во МГУ, 2001. – Т. 1. – С. 122–139.

Мельников Г. П. Системная типология языков : принципы, методы, модели / Г. П. Мельников ; отв. ред. Л. Г. Зубкова. – М. : Наука, 2003. – 395 с.

Мельников Г. П. Системная типология языков : синтез морфологической классификации языков со стадиальной / Г. П. Мельников. – М., 2000. – 90 с.

Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики / Г. П. Мельников ; под ред. Ю. С. Косарева. – М. : Сов. радио, 1978. – 368 с.

Миклухо-Маклай Н. Н. Антропологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее (1873) / Н. Н. Миклухо-Маклай // Статьи и материалы по антропологии и этнографии народов Океании. – URL: http://az.lib.ru/m/mikluhomaklaj_n_n/text_0060.shtml

Николаева Т. М. Графические средства / Т. М. Николаева // Волоцкая З. М., Молошная Т. Н., Николаева Т. М. Опыт описания русского языка в его письменной форме. – М. : Наука, 1964. – С. 9–33.

Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1991. – 916 с.

Панов М. В. Современный русский язык : фонетика : учеб. для ун-тов / М. В. Панов. – М. : Высш. шк., 1979. – 256 с.

Панов М. В. Русская фонетика / М. В. Панов. – М. : Просвещение, 1967. – 440 с.

Пешковский А. М. Десять тысяч звуков : (опыт звуковой характеристики русского языка как основы для эвфонических исследований) / А. М. Пешковский // Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика : сб. статей. – Л.-М. : Госиздат, 1925.

Пешковский А. М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика : избранные труды : учеб. пособие / А. М. Пешковский ; сост. и науч. ред. О. В. Никитин. – М. : Высш. шк., 2007. – 8000 с. : ил. – (Лингвистика XX в.).

Плунгян В. А. Почему языки такие разные / В. А. Плунгян. – М. : Рус. словари, 1996. – 303 с.

Поливанова А. К. Морфема / А. К. Поливанова // ЛЭС. – 1990. – С. 312.

Потебня А. А. Два исследования о звуках русского языка : I. О полногласии. II. О звуковых особенностях русских наречий / А. А. Потебня // Соч. А. Потебни. – Воронеж : Тип. В. Гольдштейна, 1866. – [2], 156, III с.; 21.

Реформатский А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский ; под ред. В. А. Виноградова. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 536 с.

Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии : очерк, хрестоматия / А. А. Реформатский. – М. : Наука, 1970. – С. 9–120.

Реформатский А. А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем / А. А. Реформатский // Исследования по структурной типологии. – М. : Наука, 1963. – С. 208–215.

[РЛПиУ-1959] Русское литературное произношение и ударение : словарь-справочник : ок. 52 000 слов / под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. – 712 с.

Руделёв В. Г. К уточнению некоторых положений динамической теории частей речи русского языка (<Пространство> и <Время> в поэтических текстах В. В. Маяковского) / В. Г. Руделёв, О. А. Руделёва // Вестник Тамб. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2013. – Вып. 2 (130). – С. 144–154.

Руделёв В. Г. Метод обработки лингвистического материала в духе фонологической теории Н. С. Трубецкого – как единственный способ преодоления кризисных моментов в современном учении о частях речи русского языка / В. Г. Руделёв // Когнитивные исследования языка. – Тамбов : Рос. ассоциация лингвистов-когнитологов, 2016. – № 24. – С. 588–605.

Руделёв В. Г. Русские консонанты (предварительные замечания) / В. Г. Руделёв, С. В. Пискунова // Фонология : сб. лингв. ст. / под ред. В. Г. Руделёва. – Тамбов, 1982. – С. 166–170.

Руделёв В. Г. Собр. соч. : в 6 т. / В. Г. Руделёв. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2002. – Т. 6: Друг мой – язык, ч. 1: Избранные произведения по общему и русскому языкознанию. – 183 с.

Русская грамматика : в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980.

Русская диалектология : учеб. пособие для студ. филол. ф-тов ун-тов / под ред. Н. А. Мещерского. – М. : Высш. шк., 1972. – 304 с.

[СДРЯ] Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. Р. И. Аванесов, И. С. Улуханов, В. Б. Крысько ; АН СССР-РАН, Ин-т рус. яз. – М. : Рус. яз. : Азбуковник : ЛЕКСРУС, 1988. – Т. I–X.

Селищев А. М. Старославянский язык / А. М. Селищев. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1951. – Ч. 1: Введение. Фонетика. – 333 с.

Селищев А. М. Старославянский язык : учебник / А. М. Селищев. – 2-е изд. – М. : Изд-во Моск. ун-та : Наука, 2006. – 496 с. – (Классический университетский учебник).

Словарь русских народных говоров. – М. ; Л. : Наука, 1965. – Вып. 1.

[СРНГ] Словарь русских народных говоров. – Л. – СПб. : Наука, 1965. – Вып. 1–51.

Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю. С. Степанов. – 4-е изд., стереот. – М. : УРСС, 2003. – 312 с.

Степанов Ю. С. Основы общего языкознания : учеб. пособие для студ. филол. специальностей пед. ин-тов / Ю. С. Степанов. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1975. – 271 с.

[СтСл-199] Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) : ок. 10 000 слов / Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес [и др.] ; под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М. : Рус. яз., 1994. – 842 с.

Теория нейтрализации : [сб. статей] / под ред. В. Г. Руделёва ; Тамб. гос. пед. ин-т. – Тамбов : ТГПИ, 1980. – 116 с.

Толстой Н. И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава / Н. И. Толстой // Вопросы языкознания. – 1963. – № 1. – С. 29–45.

Трубачёв О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачёв ; предисл. Г. А. Богатовой-Трубачёвой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : КомКнига, 2006. – 240 с. – (Лингвистическое наследие XX века).

Трубачёв О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках / О. Н. Трубачёв // Труды по этимологии. Слово. История. Культура. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2008. – Т. 3. – С. 392–799. – (Opera etymologica. Звук и смысл).

Трубецкой Н. С. Морфонологическая система русского языка / Н. С. Трубецкой // Избранные труды по филологии. – М., 1987.

Трубецкой Н. С. (1931) Некоторые соображения относительно морфонологии / Н. С. Трубецкой // Пражский лингвистический кружок : сб. статей / под ред. Н. Кондрашова. – М. : Прогресс, 1967. – С. 115–118.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии / Н. С. Трубецкой ; пер. с нем. А. А. Холодовича ; под ред. С. Д. Кацнельсона. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 352 с. – (Классический учебник).

[Усанкова 2003] Старославянский язык / сост. Н. В. Усанкова. – Калининград : Изд-во КГУ, 2003. – Ч. 1: Фонетика : программа и методические указания к курсу. – 40 с.

Успенский В. А. Одна модель для понятия фонемы / В. А. Успенский // Вопросы языкознания. – 1965. – № 6. – С. 39–53.

Уфимцева А. А. Знак языковой / А. А. Уфимцева // ЛЭС. – 1990. – С. 167 и далее.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 4-е изд. стер. – М. : Астрель : АСТ, 2004.

Флайер М. Лайтнер о русской фонологии / М. Флайер // Флайер Майкл. Избранные труды. – М. : Языки слав. культуры, 2010. – Т. I: Работы по синхроническому языкознанию. – С. 271–295.

Хабургаев Г. А. Старославянский язык : учеб. пособие для студ. пед. ин-та по специальности № 2101 «Русский язык и литература» / Г. А. Хабургаев. – М. : Просвещение, 1974.

Хайду П. Уральские языки / П. Хайду // Языки мира : уральские языки. – М. : Наука, 1993. – С. 7–19.

Хунмин чоным : наставление народу о правильном произношении / иссл. и пер. с ханмуна Л. Р. Концевича. – М. : Наука, 1979. – 530 с. – (Памятники письменности Востока ; Вып. 58).

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : 13 560 слов / П. Я. Черных. – М. : Рус. яз., 1993. – Т. 1–2.

Чурганова В. Г. Очерк русской морфонологии / В. Г. Чурганова. – М. : Наука, 1973. – 239 с.

Шахматов А. А. (1918) Рец. на кн.: Ильинский Г. А. Праславянская грамматика. – Нежин, 1916. XXVIII + 536 [стр.] / А. А. Шахматов // Вопросы языкознания. – 1962. – № 6. – С. 109–114.

Щерба Л. В. (1937) Фонетика французского языка / Л. В. Щерба. – М., 1953.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – 2-е изд., стереот. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.

[ЭССЯ] Этимологический словарь славянских языков : (праславянский лексический фонд). – М. : Наука, 1974–2018. – Вып. 1–41.

Языки мира : кавказские языки. – М. : Academia, 1999. – 480 с.

Якобсон Р. Введение в анализ речи / Р. Якобсон, Г. М. Фант, М. Халле // Новое в лингвистике. – М. : Наука, 1962. – Вып. 2. – С. 173–230.

Яковлев Н. Ф. Математическая формула построения алфавита / Н. Ф. Яковлев // Культура и письменность Востока. – М., 1928. – Кн. I. – С. 41–64.

Яковлев Н. Ф. (1928) Принципы фонемологии / Н. Ф. Яковлев // Вопросы языкознания. – М., 1983. – № 6. – С. 128–134.

Kawakami Shin. A Practical and Unambiguous Romanization of the Russian Alphabet / Shin Kawakami // The Bulletin of the Phonetic Society of Japan. – 1990. – № 193. – P. 18–21.

Lightner M. Problems in the theory of phonology / M. Lightner. – Edmonton ; Champain : Linguistic Research, 1972. – Vol. 1: Russian phonology and Turkish phonology.

Shevelov George Y. A Prehistory of Slavic. The Historical Phonology of Common Slavic. / George Y. Shevelov. – Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1964.

Worth D. S. Russian Derivational Dictionary / D. S. Worth, A. Kozak, D. B. Johnson. – N. Y., 1970. – XXIV + 747 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ОТНОСИТЕЛЬНО «ФОНЕМЫ *И* И ЕЁ ВАРИАЦИИ *У*»

Традиция отождествления фонем {И} и {Ы} восходит к И. А. Бодуэну де Куртене [Бодуэн 2004]: «...очень важную роль играет различение среднеязычной работы и работы задне-язычной, находящееся в тесной психической связи с морфологизованным различением между не-среднеязычными (“твёрдыми”) и среднеязычными (“мягкими”) согласными..., равно как и с изменяемостью общего представления *й* в зависимости от предшествующих ему произносительных представлений (выделено мной. – А. К.): *й_м* становится то заднеязычным (у людей грамотных ассоциация с графемой ы), то среднеязычным (ассоциация с русскими графемами и, *й*)» [там же:108].

Это положение нашло развёрнутую аргументацию в работе одного из создателей МФШ – Р. И. Аванесова [Аванесов 1947]. К рассмотрению этой аргументации мы и обратимся.

«В фонетической системе современного русского языка, одной из существеннейших черт которой является различение парных и твёрдых согласных фонем, звуки *и* и *у* являются разновидностями одной фонемы. Их принадлежность к одной фонеме определяется невозможностью употребления *и* и *у* в тождественных фонетических положениях, их чередованием в определённых разных фонетических положениях, наконец, их морфологической эквивалентностью, иначе – морфологическим тождеством» [там же:280].

При этом под «морфологическим тождеством» понимается исключительное функционирование в составе флексий, а принципиальное отличие *и* от *у* трактуется следующим образом: «...звук *и* в противоположность *у* употребляется также в абсолютном начале слова... Это даёт возможность квалифицировать *и* как основной вид фонемы, а звук *у* в его различных оттенках как вариацию фонемы *и*» [там же].

В терминах фонологии это означает, что аллофон *и* признаётся немаркированным членом оппозиции, а аллофон *у* – маркированным.

При этом опускается важная подробность: «немаркированный» аллофон *и* встречается в позиции после маркированных мягкостью согласных, а «маркированный» аллофон *у* – после немаркированных твёрдых согласных.

Отношение частот согласных, противопоставленных по твёрдости-мягкости, по данным Лаборатории экспериментальной фонетики им. Л. В. Щербы Ленинградского университета [Зиндер 2007:506–507], представлено на рис. 9.

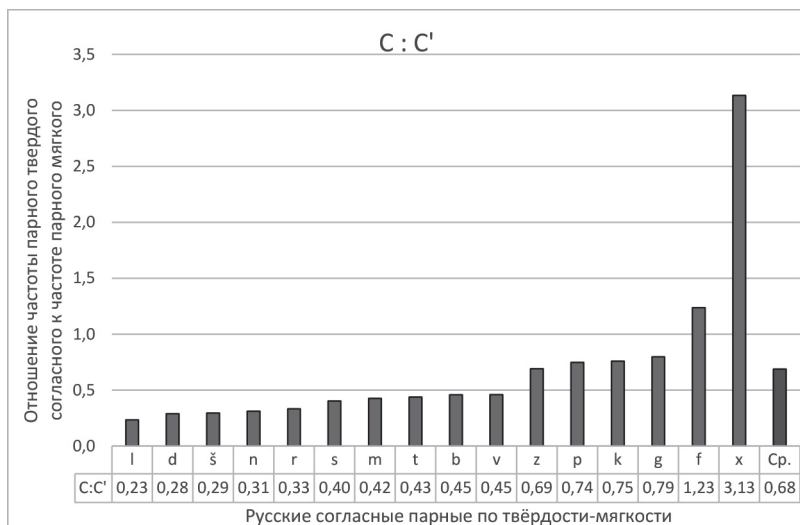

Рис. 9. Употребительность твёрдых согласных относительно употребительности парных им мягких согласных (данные ЛЭФ)

Уже одно то, что твёрдые согласные встречаются чаще мягких, должно было бы заставить фонолога усомниться в справедливости его интерпретации.

Как только Р. И. Аванесов переходит от флексий к суффиксам, начинаются неувязки: «Могут показаться противоречащими высказанной выше точке зрения такие существующие в современном русском языке категории случаев, как *stol – stol'ik*, *tapor – tapor'ik*, *z'ina – z'in'in*, *Klara – klar'in*, с одной стороны, и *gus' – gusyn'a*, *sudar' – sudaryn'a*, *m'ilos't' – m'ilostyn'a* – с другой. <...> ...Приведённые примеры, – поясняет Р. И. Аванесов, – “родимые пятна” истории; в них действительно отражается далекая история – та пора, когда *i* и *y* представляли собой отдельные фонемы, и одним суффиксам было свойственно *i*, а другим – *y*. Поэтому историк языка и теперь в них видит разные гласные. Но в связи с полным оформлением категории твёрдости-мягкости согласных они давно уже перестали быть разными глас-

ными фонемами» [Аванесов 1947:281]. Трудно в это поверить, но, по Р. И. Аванесову, пара *Klara – klar'in* должна была сформироваться не позднее XV века [там же:282].

Итак, поведение суффиксов, относящихся к словообразовательной подсистеме языка, вступает в противоречие с фонетической системой, история языка вступает в противоречие с его фонетической современностью. И решение, предлагаемое Р. И. Аванесовым, состоит в предпочтении, отдаваемом фонетике перед словообразованием и современности – перед историей. При этом диалектическое противоречие разрешается не диалектически – абстрагированием от истории и словообразования, конкретно – от суффиксальных морфем.

В диалектике же противоречие разрешается либо «разведением» членов противоречия, либо «погружением в основание».

Ю. С. Степанов отметил, что древность фонемного состава морфем убывает в последовательности корни – суффиксы – флексии [Степанов 1975:262–263].

Если же взять фонемный состав корней, дело обстоит ещё хуже.

«Так как твёрдые и мягкие согласные в современном русском языке представляют собой отдельные самостоятельные фонемы, то такие случаи, как *nyt'* и *n'it'*, *vyt'* и *v'it'*, в отношении состава своих фонем с точки зрения современной звуковой системы отличаются друг от друга не гласной фонемой, а согласной – твёрдой или мягкой. Различия же в качестве гласной несамостоятельны: они обусловлены твёрдостью или мягкостью предшествующей согласной фонемы и представляют одну и ту же фонему *i* в её основном виде после мягкой согласной и в её вариации *y* – после твёрдой согласной» [Аванесов 1947:281].

Выше было сказано, что качество *i* в начале слова самостоятельно и ничем не обусловлено, и так скоро высказано противоположное суждение!

В другой своей работе Р. И. Аванесов писал: «Исходным моментом во взглядах московских фонологов на фонему была морфема. В их построениях тождество морфемы определяет собою границы и объём понятия фонемы (выделено мной. – А. К.). Именно поэтому эти учёные считают одной фонемой весь ряд позиционных чередований... во главе со звуковой единицей, различающейся в сильной позиции. <...> При этой точке зрения последователь-

но учитывается функциональная сторона, достигается органическая связь между фонемой и морфемой и тем самым между фонетической системой, с одной стороны, и грамматическим строем и словарным составом – с другой. Фонетическая система органически включается в структуру языка в целом» [Аванесов 1956:38–39].

Как жаль, что эти золотые слова расходятся с практикой! Посмотрим, как соотносятся эти принципы с утверждением Р. И. Аванесова о тождестве корневой фонемы в паре *вить-выть*.

Корневыми морфемами в этих словоформах являются *вы-* и *ви-*. Сравним слова с этими корнями (табл. 19–20).

Т а б л и ц а 19

Позиция морфол.	Позиция морфонол.	Позиция акцентная	Позиция сегментная	Приставка	К1	К2	К3	Суф. (+Флек.)
	Суф. стык	Ударная	Перед согл.	за	в'	И		ть/ли
Глагольная	Суф. стык	Ударная	Перед гл.	за	в'	Е	й	{i}
	Суф. стык	1 предуд	Перед гл.	за	в'	о	й	у
Именная	Флек. стык	Ударная	Перед гл.	за	в	О	й	{ь}

Т а б л и ц а 20

Позиция морфонол.	Позиция акцентная	Позиция сегментная	Приставка	К1	К2	К3	Суф. (+Флек.)
Суф.стык	Ударная	Перед согл.	за	в	Ы		ть/ли
Суф.стык	Ударная	Перед гл.	за	в	О	й	{i}
Суф.стык	Ударная	Перед гл.	за	в	О	й	у
Флек. стык	Ударная	Перед гл.		в	О	й	{ь}

В первом случае корень представлен вариантами *ви-/вей-/вьй-/вой-*, во втором – *вы-/вой-*.

Соответственно, гласный **И** в корне чередуется с **ЕЙ-ОЙ-ОЙ**, а гласный **Ы** – только с **ОЙ**. А в словоформе *заВОЙ* (императив от *завыть* и существительное со значением 'действие по значению глагола *завить*; всё, что *завито*') происходит нейтрализация корней с гласными **И** и **Ы**, что свидетельствует о наличии оппозиции.

Нейтрализоваться же могут только фонемы, а не аллофоны. Вывод – *И* и *Ы* – разные фонемы, в сходных позициях ведущие себя по-разному.

Вспомним наш постулат: «**Фонема – не звук, а образ жизни**» (иными словами, *Фонема – не тело, а дело*).

Рассмотрим ещё одну пару: *быть* /б'ыт'/ – *бить* /б'ит'/.

Нам говорят: словоформа /б'ит'/ состоит из фонем [Б'], [И], [Т'] (табл. 21–22).

Т а б л и ц а 21

Позиция морфол.	Позиция морфонол.	Позиция акцентная	Позиция сегментная	Приставка	К1	К2	К3	Суф. (+Флек.)
	Суф. стык	Ударная	Перед согл.		б'	И		ть/ли
Глагольная	Суф. стык	Ударная	Перед гл.		б'	Е	й	{i}
	Суф. стык	1 предуд	Перед гл.		б'	ө	й	у
Именная	Флек. стык	Ударная	Перед гл.		б	О	й	{ь}

Т а б л и ц а 22

Позиция морфонол	Позиция акцентная	Позиция сегментная	Приставка	К1	К2	К3	Суфф (+Флекс)
Суф.стык	Ударная	Перед согл.	за	б	Ы		ть/ли
Суф.стык	Ударная	Перед согл.	за	б	У		дь
Суф.стык	Ударная	Перед согл.	за	б	У		ду
Суф.стык	Ударная	Перед гл.	за	б	ө	в	ение
Суф.стык	Ударная	Перед согл.		б	Ы		т{ь}

Если провозглашено, что «*тождество морфемы определяет собою границы и объём понятия фонемы*» [Аванесов 1956:38], а в тождестве корней в приведенных формах сомневаться трудно, то как можно отождествлять ряд *И* : *Ей* : *Ой* : *Ой* с рядом *Ы* : *У* : *Өв* : *Ой*?

Эта формулировка автоматически исключает из ведения морфологии и передаёт в ведение фонемологии «*исследование фонологической структуры морфем*» [Булыгина 1977:205, сноска 1], чем, по

осторожному предположению Т. В. Булыгиной, «кажется, исчерпывается единство взглядов на объект морфонологии» [там же]³⁸.

Как видим, первая из трёх задач морфонологии, сформулированных Н. С. Трубецким [Трубецкой 1967:116–117], принадлежит фонемологии.

³⁸ Однако и это единство не абсолютно: «По-видимому, по крайней мере в настоящее время, изучение морфонологической структуры морфем едва ли может быть признано полноценным разделом морфонологии» [Иткин 2007:25].

Приложение 2

ИНДЕКС МОРФОНЕМ И. Б. ИТКИНА И ФОНЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

Даже уровень морфонем – самый высокий уровень обобщения, представленный в научной литературе, – оказывается недостаточно высок для «казанских» фонем или фонем третьей степени обобщения по С. И. Бернштейну [Бернштейн 1952].

Для иллюстрации и обобщения этих расхождений рассмотрим и прокомментируем «Индекс морфонем русского языка», предлагаемый И. Б. Иткиным в последнем по времени и самом детальном описании морфонологии современного русского языка [Иткин 2007:262–263].

СОГЛАСИЕ

Прежде чем переходить к обсуждению **расхождений**, выделим корпус из **морфонем**, которые мы считаем **фонемами** (таких 21): {П}; {Б}; {Т}; {Д}; {К}; {Г}; {С}; {З}; {Х}; {М}; {Н}; {Л}; {Р}; {И}; {Ы}; {О} *дом-домá*; {О'}={Ъ} *лоб-лбá*; {А}; {Е₁}= {Ф} *лес-лэса-лесá*; {Е₂} = {Е} *селó-сэла*; {Е₃} = {Б} *песéц-пёс-пса*; {Ø}-{i} *плетка-плеть*; *один-одного-одна-одни*, *плести-плеть-плету* (– *Полно, полно плести лапти-то! Я сам их мастер плеть!* – *остановил меня старичок* [Виктор Астафьев. Последний поклон, 1968–1991, цит по: НКРЯ]).

РАСХОЖДЕНИЕ В ТРАКТОВКЕ ГЛАЙДОВ

Особого разговора заслуживают фонемы-глайды, в немаркированном варианте реализующиеся в своём слоговом варианте, а в маркированном – в неслоговом: 22-я фонема {У}, реализующаяся в вариантах /у/-/в/³⁹ и 23-я фонема {И}, реализующаяся в вариантах /и/-/й/⁴⁰.

Носовые {М}-{Н} и плавные {Р}-{Л} сонанты отличаются от глайдов тем, что у них немаркированным (типичным) вариантом является неслоговой (*вётРа*), а маркированным – слоговой (*вётЕР*⁴¹).

³⁹ Неслоговой вариант /в/ в абсолютном конце слова и перед глухими согласными реализуется в виде заимствованного вместе с греческими словами согласного звука /ф/.

⁴⁰ У И. Б. Иткина {J} – отдельная морфонема [Иткин 2007:263].

⁴¹ В слове *вётЕР* выделенный /е/ не является самостоятельной фонемой: это не тот {Б}, что проявляется в *пень-пня-пёнышек*. Это вокалический

Поэтому их традиционно причисляют к согласным, а глайды – к гласным, что одинаково неверно: сонанты – не гласные и не согласные, а особый, безразличный к признаку слоговости/не-слоговости класс фонем.

РАСХОЖДЕНИЕ В ТРАКТОВКЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ ЗВУКОВ

В число русских морфем И. Б. Иткин включил морфемы {Ф} и {Ф'}. Первую он проиллюстрировал словом *филин*, этимология которого не установлена⁴² и которое не возводится ни к одному славянскому корню (в Этимологическом словаре славянских языков раздел на букву *f отсутствует [ЭССЯ, вып. 6:75–76]), а вторую – заимствованным словом *верфь*, сопроводив комментарием: «в исконнославянских словах не встречается» [Иткин 2007:262]. А как же быть с исконнославянскими словами *кров* и *кровь*, в которых встречаются, правда, не «морфемы», а фоны /ф/ и /ф'/?

Следует сказать, что в рассмотренном случае заимствованный из интернациональной подсистемы фонем звук /ф/ представляет не фонему {Ф}, как, например, в минимальной паре *фон* : *вон*. Сопоставление заимствованного слова с исконным – способ обнаружения фонем в интернациональной подсистеме, а не в исконно русской. При исследовании исконнорусской системы фонем оба члена минимальной пары должны быть исконными.

Чередование же Ф||В||В': *кро/ф/|кро/в/а||о кро/в'/е* и Ф'||В||В': *кро/ф'/|кро/в/авый||кро/в'/и* свидетельствует о том, что [В] – неслоговой вариант глайда {У}, «вступил в сговор с иностранным агентом – греческим согласным /ф/ – с целью внедриться в систему консонантов, выдав себя за согласную фонему и создав видимость своей принадлежности корреляции по звонкости-глухости. Судя по большинству описаний фонетики русского языка, эта попытка почти что

пазвук /^h/ слогового варианта фонемы {P} – /^hp/, в котором реализуется сонант в позиции абсолютного конца слова после неслогового звука. Ср. дизный (смягчающий) пазвук той же фонемы в слове *бобёр* /баб^hр/. Закономерности распределения пазвуков не описаны. Преобладают случаи контрастного распределения: после недиезного гласного – дизный пазвук, а после дизного – недиезный. Слоговость {Л}, {М}, {Н}, {P} можно назвать вынужденной или факультативной.

⁴² «Все существующие этимологии недостоверны... Возможно, сокращение имени собств. *Филимон* из греч. ...» [Фасмер, т. IV:194].

увенчалась успехом. Сонантный характер /в/ выдают только глухие согласные, «не желающие признавать» в нём звонкий согласный и озвончаться перед ним, продолжая сохранять перед ним свою глухость, как перед всеми остальными сонантами {Р, Л, М, Н}, не входящими в корреляцию по глухости-звонкости.

При этом звонкие согласные «признают» консонантный, а не сонантный характер фона /ф/ и оглушаются перед ним: *подфартить* /пътфарт'Ит'/; *подфарник* /тф/; *предфинальный* /тф/; *трудфронт* /тф/; *медфак* /тф/; *стагфляция* /кф/; *рабфак* /пф/; *субфоссильный* /пф/; *межфабричный* /шф/; *межфакультетский* /шф/; *межферменный* /шф/; *безфарный*⁴³ /сф/; и др..

Именно это ценное и беспристрастное свидетельство позволяет нам считать {Ф} в русском языке согласным из интернациональной подсистемы фонем, а чередование /в//ф/ и /в'//ф'/ в исконно русских морфемах – следствием «протеизма» глайдов, стремящихся, как в слоговом, так и в неслоговом вариантах, войти (так сказать, «проникнуть») во все возможные корреляции гласных или согласных, соответственно. Образно говоря, глайды – это фонемы-«хамелеоны»: в слоговом варианте они стремятся скопировать все корреляции гласных (ср. их поведение в и.-е. языке), а в неслоговом – все корреляции согласных.

С помощью [Ф] сонант [В] ведёт себя, как типичный консонант, создавая видимость своего оглушения перед глухими согласными, но не может «заставить» настоящие консонанты озвончаться перед ним, как перед звонким согласным.

РАСХОЖДЕНИЕ В ТРАКТОВКЕ КОРРЕЛЯЦИИ ПО ТВЁРДОСТИ-МЯГКОСТИ

В соответствии с традицией И. Б. Иткин видит корреляцию по твёрдости-мягкости и у морфем. При этом в центре внимания исследователя оказываются мягкие финалы (ауслат) корневых морфем и суффиксов, варьирование которых по признаку С' ~ С (именно в такой последовательности) описано в разделе 2.3.5 [Иткин 2007:106-120]. Итог исследования следующий: «МФН-поведение корней и суф-

⁴³ «Ну и заодно, наконец, поменял еврофары на японские, мне жутко не нравятся поворотники в бампере, бампер отключил, и он будет заменен на **безфарный**» ([URL://www.drive2.ru/l/527852443824816759/](http://www.drive2.ru/l/527852443824816759/)).

фиксов с исходом на мягкий согласный <...> может быть описано при помощи нескольких... правил:

Морфемы типа I (имеющие в ауслауте исходно мягкий согласный) подвергаются чередованию С' ~ С перед нулевыми словообразовательными суффиксами, а также перед суффиксами |о'к|₁ |о'к|₅ |о'к|₇ и – частично – |о'к|₃ и |о'к|₄ и сохраняют С' в остальных случаях.

Морфемы типа II (выступающие в субстантивном склонении и в сочетании с ТМ {Ø}) сохраняют {Ø} перед суффиксами -ов(ый), -ов и -оват(ый) и теряют его перед всеми прочими суффиксами.

Особым образом ведёт себя суффикс -ть, никогда не сохраняющий {Ø} за пределами словоизменительной парадигмы.

«Морфонологическая интерпретация корней типа I, – пишет И. Б. Иткин, – однозначна: их конечные согласные, несомненно, являются исходно мягкими» [там же:111]. Мягкость конечных согласных корней типа II, по мнению И. Б. Иткина, «не является ингерентной, <...> она вызывается особой единицей, стоящей между основной и флексиями – морфемой» <...> {Ø} [там же]; «... этот элемент [«нуль-смягчающий»] не относится ни к корню, ни к флексии и не обладает собственным значением, т. е. представляет собой тематическую морфему» [там же:112].

К типу I относятся преимущественно морфемы на -ль, -нь, -рь [там же:109]. Сонорные Р', Л', Н' с так называемой «ингерентной» (исконной) мягкостью могут быть интерпретированы как бифоны /р' /р^и /л' /л^и /н' /н^и, представляющие сонорные с последующим йотом⁴⁴.

В этом отношении показателен глагол *гулять*, в котором И. Б. Иткин видит «ингерентный» {Л'}. Достаточно сравнить это слово с глаголами *валить* < *валить*, *пулять* < *пулить*, *удалять* < *удалить*, *накалять* < *накалить*, *похвалять*(ся) < *похвалить*(ся), *умалять* < *умалить*, *опалять* < *опалить*, *утолять* < *утолить* и мн. др., чтобы догадаться о системно обязательном образовании глагола *гулять* от *гулить*⁴⁵.

⁴⁴ Ср. у И. Б. Иткина: «Аналогично корням типа I ведут себя существительные с исходом на л', образованные от глаголов с помощью суффикса [j]₃, ср. *неделя* (<делать)..., *постель* (<стлать...))» [Иткин 2007:110], «В этот же класс входит и образованное от глагола *велеть* с помощью [j]₃ слово *воля*: ср. *волюшка*, но *произвол*, *самоволка*» [там же:113].

⁴⁵ «В формальном плане *gul'ati – итератив-дуратив к гл. на -iti, каковыми является *guliti, с которым его объединяют значения 'шутить', 'потешаться' ~ 'веселиться', видимо, всё-таки старшие по отношению ко многим другим (напр. 'веселиться → 'проводить время празднo', 'валяться' и т. п.) и, в свою очередь, вторичные к 'драть' (ср. сербохорв. з'улити)» [ЭССЯ, Вып. 7:172].

Что касается, «ингерентных» мягких зубных, то их можно пересчитать по пальцам.

На /дʲ/ упоминаются *дядя, медь, дождь*, на /тʲ/ – *зять, тесть*⁴⁶, *батя*, (и, возможно, *тятя*, хотя И. Б. Иткин это слово не приводит) на /сʲ/ – *весь, авось* [там же].

Слово *медь* реконструируется для праславянского языка, однако «общепризнанной этимологии праслав. лексема не имеет» [ЭССЯ, Вып.18:145]. «Наиболее вероятной в последнее время считается гипотеза В. И. Абаева о заимствованном происхождении праслав. **mědь*: эта лексема возводится к названию страны Мидии», в которой находились ближайшие для славян меднорудные районы. Перенос на металл названия места его добычи у славян имеет аналогию у римлян: «лат. *cuprum* ‘медь’ – от названия о. Кипр» [там же:146]. Таким образом, слово *медь* отпадает как тёмное и, скорее всего, заимствованное.

Тоже заимствованное слово *сельдь* [Фасмер 2004, Т.3:597] ведёт себя иначе: ср. *селёдка, селёдочка*.

Вероятно, всё дело в том, что слово *медь* было заимствовано до праславянского процесса «сокращения основ в пользу окончаний» [Бодуэн 1963, Т.2:25] (медный век предшествовал бронзовому, завершившемуся на рубеже II–I тысячелетий до н.э.), а слово *сельдь* – после этого процесса (интенсивные контакты славян с варягами приходятся на рубеж I–II тысячелетий н.э.). Соответственно, суффиксальные производные, образованные до «сокращения основ в пользу окончаний», ведут себя принципиально иначе, чем суффиксальные производные, образованные после этого процесса. А следовательно, различное поведение мягких конечных согласных в глагольных основах может служить основанием для относительной хронологии корней и производных слов.

Это подтверждается древностью, если не сказать «архаичностью», слов с «ингерентной» мягкостью: *дядя, медь, зять, тесть, батя*.

Про *дождь* также говорится, как про «слово с проблематичной этимологией. <...>скорее всего, первонач. *zg*, т. е. **dьždžь* < **dьzg-* < **duzg-*, ср. лит. *duzgė'ti, duzgėnti* ‘шуметь’... При этом не исключе-

⁴⁶ Слово *měща* < **tьstjā* указывает (как слов. и др.-чеш. *test* [Трубачев 2006:125]) на основу *mest-*, а не *mest'*-, предполагающую тематический гласный *-i-*: форма **tьstjā* дала бы **mestья*, как *гость* > *гостья* (**gostija*), а пара *ТЕСТЬ-ТЁЩА* подобна парам *ЧАСТЫЙ* (лес) > *ЧАЩА, ПУСТЯ* (местность) > *ПУЩА, РОСТ* (деревьев) > *РОЩА*.

на звукоподражат. природа слав. **dyždžь*» [ЭССЯ, Вып. 5:196]. Таким образом, и слово *дождь* отпадает: мягкость *ждь* из *zg* перед гласным переднего ряда («такой же [как при йотации. – А. К.] результат получился и вместо *sk, zg* перед гласным переднего ряда: *dyždžь*; ср. лит. *duzge'ti* «глухо звучать» [Селищев 2006:187]).

Слова *дядя, тятя, батя* также не показательны, поскольку восходят к весьма архаичным так называемым «детским» словам (Lallwörter), исходно звукоподражательным и близким к междометиям.

Слова *весь* и *авось* относятся к подсистеме дискурсивных (и одновременно – архаичных) слов.

Таким образом, материала для иллюстрирования мягких шумных фонем (или морфонем) фактически не остаётся. А значит – не остаётся оснований для выделения особых мягких фонем – ведь фонемы должны встречаться в одних и выполнять смыслоразличительную функцию.

Фактически (независимо от намерения) И. Б. Иткин своим анализом материала показал, что корреляции неслоговых фонем по твёрдости : мягкости в русском языке не существует, а их чередование в морфемах является позиционно обусловленным. Иллюзия «ингерентной» мягкости объясняется тем, что за фонемы (морфемы) принимаются дизные бифоны – фоны, представляющие две фонемы: у мягких сонантов – сочетание с йотом /й/, а у шумных согласных – с нулём-смягчающим {’О}.

Заключительное высказывание И. Б. Иткина по поводу твёрдости-мягкости, как и весь подход к анализу чередований *C ~ C'*, вызывает возражения: «Поскольку трактовка мягкости конечной согласной как исходной является в общем случае и более простой и более естественной (не требует введения дополнительного чередования), все такие корни, имеющие в исходе зубные или сонорные (например, *пядь, ферзь, бязь, карась, ось, корысть, путь, тля, октябрь, брань, сени, вепрь*), считаются принадлежащими к типу I...» [Иткин 2007:114].

Тут непонятно сразу несколько вещей. Во-первых, почему трактовка конечной мягкости является более естественной.

В оппозиции *C : C'* маркированным являются как раз мягкие согласные: «из двух членов привативной оппозиции немаркированный член в связной речи встречается чаще, чем маркированный. <...> В русском языке, где противоположение твёрдых и мягких согласных имеет место в отношении двенадцати пар, сформулированное выше правило справедливо лишь для одиннадцати пар: твёрдые... факти-

чески встречаются чаще, нежели соответствующие им мягкие... (в отношении примерно 2 : 1). Но в отношении пары $l : l'$ это правило недействительно; палатализованное l' в русском языке встречается чаще, чем непалатализованное ($l : l' = 42 : 58$)» [Трубецкой 2000:278].

К сожалению, Н. С. Трубецкой не указывает, откуда взяты, как и на каком материале получены приводимые им данные о частотности русских фонем. Он только указывает, что «наиболее пригодными в этом отношении являются записи различных разговоров или газеты, где представлены самые разные стили» [там же:276]. При этом он ссылается на исследование А. М. Пешковского [Пешковский 1925], сетуя, что в ней «речь идёт о статистике звуков, а не фонем» [там же].

То, что статистические данные получены Н. С. Трубецким самостоятельно, видно из соотношения частотности $Л : Л'$ (у А. М. Пешковского это соотношение не составляет исключения: $Л : Л' = 54 : 46\%$). Из 4 доступных нам подсчётов⁴⁷ 2 (включая данные А. М. Пешковского) нормальные и 2 аномальные (в них частота $Л'$ несколько выше частоты $Л$). Усреднённые данные по 4 экспериментам представлены на рис. 10.

Как видим, в общем случае отношение $Л : Л'$ (пусть и не без колебаний) укладывается в норму: твёрдый $Л$ встречается чуть чаще, чем мягкий.

Что касается отношения частот всех твёрдых ко всем мягким, то, если у Н. С. Трубецкого оно «примерно» 2 : 1⁴⁸, то у А. М. Пешковского – 2,25 : 1 [Пешковский 2007:473], у Л. Р. Зиндера (с соавторами) – 2,03 : 1 [Зиндер 2007:513], по данным четырёх экспериментов – 2,63 : 1 (учитывались частоты только парных по твёрдости-мягкости фонем).

Важно то, что по всем данным мягкие согласные являются рецессивным (маркированным), а не доминантным (беспризнаковым) членом оппозиции $С : С'$.

⁴⁷ Три из них представлены в книге [Зиндер 2007:506–507], одна – в книге [Андреев 1967:227–228]. Данные, приписываемые А. М. Пешковскому в книге Л. Р. Зиндера, отличаются от данных в книге [Пешковский 2007:470–471] и уточнены по последней.

⁴⁸ Напомним, что корреляцию по твёрдости-мягкости Н. С. Трубецкой признавал у 12 пар – сонорных: P - L , M - N , взрывных: $П$ - $Б$, $Т$ - $Д$, и щелевых $В$ - $Ф$, $С$ - $З$. Мягкие заднеязычные он фонемами не считал, шипящие $Ш$ - $Щ$ в эту корреляцию не включал, с чем и связаны некоторые расхождения в пропорции.

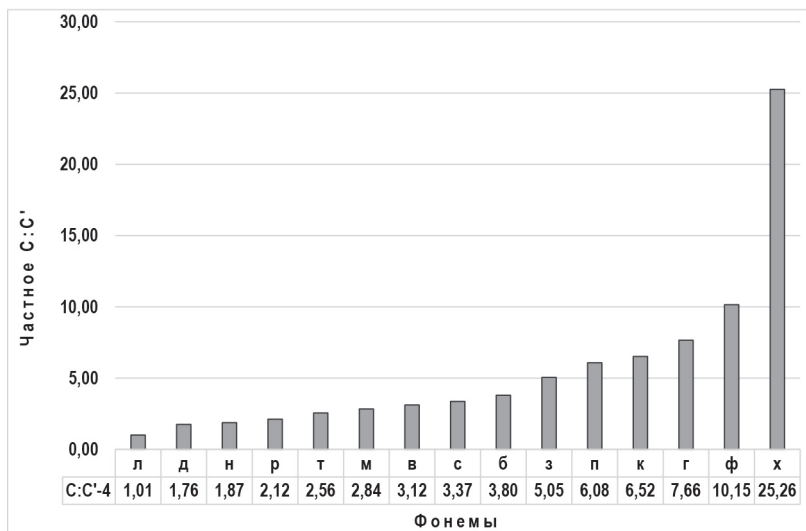

Рис. 10. Отношение твёрдых согласных к мягким по усреднённым данным 4 экспериментов

А следовательно, принятие маркированного и рецессивного члена оппозиции за исходный никак не может считаться «естественным».

Естественно – наоборот: считать исходной твёрдость согласных.

Вне корреляции по твёрдости-мягкости есть как мягкие (Й, Щ, Ч), так и твёрдые, точнее – отвердевшие (Ж, Ш, Ц) неслоговые фонемы. Направление процесса $C' > C$ можно трактовать как направление от аномалии к норме. Во многих славянских языках корреляция по твёрдости-мягкости отсутствует вообще. А языки, имеющие эту корреляцию, довольно редки.

Каким образом «трактовка конечной мягкости согласных как исходной» может быть «более простой», также не понятно: ведь она предполагает удвоение консонантизма, т. е. усложнение системы. Проще признать твёрдость согласных нормальным состоянием, а их мягкость – позиционно обусловленным, т. е. несобственным признаком конкретного аллофона, в котором реализуется фонема в данной позиции. Именно отрицание корреляции фонем по твёрдости-мягкости ведёт к упрощению системы.

Наконец, опять же не ясно, почему «трактовка мягкости конечной согласной как исходной» «не требует введения дополнительного чередования». Как раз требует: возникает чередование единиц высшей степени обобщения – морфонем (!) по твёрдости-мягкости.

Во всех исконных словах мягкость согласных и сонантов (в неслоговых вариантах) может и должна трактоваться как позиционно обусловленная, а следовательно – не собственная, не смысловоразличительная. Соответственно, мягкие согласные в абсолютном конце исконнорусского слова являются не фонемами и не фонами, а *бифонами*, представляя две фонемы: неслоговую и «ноль-смягчающий» – {Ь} «Е-беглое» или {i} «И-беглое» (см. выше).

Если в *зять* (тип I) и *коготь* (тип II) – мягкость /т'/ объясняется нами одинаково: {Т+I}, то почему *зятёк*, но *коготок*?

Ответ простой: морфологическая основа и словообразовательная основа не совпадают. Классический пример этого – инфинитив глагола. В морфологии =ТЬ – суффикс, сочетающийся с нулевой парадигмой (что и делает инфинитив неизменяемой формой глагола), а в словообразовании – окончание: финаль -ТЬ всегда усекается при образовании суффиксального производного.

Таким образом, *зять* {зЕнт=i_ь} > *зятёк* {зент=i=Ьк_ь}, но *коготь* {кОгът_иь} > *коготок* {когът=Ьк_ь}⁴⁹.

«Перераспределение основ в пользу окончаний», описанное Бодуэном в морфологии существительных, отличается от «перераспределения основ в пользу суффиксов», о котором Бодуэн не писал. Многие исконные слова были образованы до этого перераспределения и сохранили архаичные формы. Другие – образовались после. Отсюда и очевидная непоследовательность в поведении конечных мягких финалей корневых морфем.

Таким образом, ни морфонем, ни фонем {Б'}, {П'}, {В'}, {Ф'}, {М'}, {Д'}, {Т'}, {З'}, {С'}, {Л'}, {Н'}, {Р'} в исконных русских словах нет. Морфонем {Г'}, {К'}, {Х'} И. Б. Иткин и не выделяет.

⁴⁹ Нельзя игнорировать и двойственность этой основы в славянских языках: чеш. диал. *kohát* 'коготь', в.-луж. *kocht* 'ость, костер, сорняк', н.-луж. *kogot* 'костеръ (у хлебов)', и русских народных говорах: *коготы* мн. 'приспособление для подъёма в гору' (новг.). «Дублетное **kogъть* / *kogъть*, очевидно, продолжает более древнюю основу на согласный **kogūt-*» [ЭССЯ, Вып. 10: 109-110]. Ср. аналогичную пару *тётя*, но *тётка*, *тётушка* – из более древней формы **teta* [Трубачев 2006:86].

РАСХОЖДЕНИЕ В ТРАКТОВКЕ ШИПЯЩИХ И АФФРИКАТ

В исконнорусских словах шипящие и аффрикаты встречаются в двух позициях: на суффиксальном стыке или в начале корня.

На суффиксальном стыке доказать не-морфонологичность и не-фонематичность шипящих и аффрикат проще: они регулярно появляются **перед гласными переднего ряда**, включая {Б} «Е-беглое».

Например, *нога – ножек (ножка), рука – ручек (ручка), ухо – ушек (ушко)*.

В данных случаях звуки /ж/, /ч/, /ш/ выступают как аллофоны фонем {Г}, {К}, {Х}. Аналогично – *друг/друзен-дружить, рука/рученька-вручить, пух/пушистый, распушить*.

Звук /ш:’/, передаваемый на письме буквой *Щ*, как и морфонема {Щ}, выделяемая И. Б. Иткиным, никогда не бывает монофоном, а значит, – и аллофоном.

/Щ/ представляет либо 2 фонемы, выступая в качестве *бифона*⁵⁰ /ш^{ск}/: *воск – воцить*, – либо в качестве *трифона* /щ^{стп}/: *простить – прощать*.

Звуки /ж/, /ч/, /ш/ также могут выступать в качестве бифонов, трифонов и даже квадрофонов: например, квадрофон /ч^{дскй}/ в слове *чан* < др-рус. *тичанъ* < *дъчанъ* (см. *доска*) {дъск=йАн_ь} [Фасмер, т. IV:314; Черных, т. 2:374]⁵¹.

Аффриката /ц/ на суффиксальном (и даже флективном) стыке может выступать как аллофон фонемы {К}: *лик_ь – лиц_о – лич=ик_о; стар=ик_ь – стар=иц_а, умн=ик_ь – умн=иц_а*. Первоначально чередование /к||ц/ было фонетическим: перед /ь/ и /ы/ третья палатализация не происходила, но затем это чередование было «морфологизировано»: /к-к’/ стало передавать значение маскулинности, а /ц/ – значение фемининности. При этом собственная – компрессивная – функция суффикса {=ик} осталась неизменной.

Аллофоном фонемы {К} является /ц/ и в словах *малёк-малец, ларёк-ларец, волчок-волчек*, и др.

⁵⁰ В слове *общий*, иллюстрирующем у И. Б. Иткина морфонеми {Щ}, /ш:’/ тоже бифон, но из южнославянской подсистемы – /щ^{стп}/: *общий* < **обьтj(ь)* «прилагательное с суф. -*tjo* от предлога/приставки *обь-*, первонач. ‘со всех сторон, круглый’» [ЭССЯ, вып. 31:167].

⁵¹ Исчерпывающее описание полифонов и гиперфонов, относящихся к периферии фонемной системы русского языка, представляет отдельную задачу, здесь не решаемую.

Доказательство аллофонности или полифонности шипящих в начале корня связано не столько с теоретическими, сколько с психологическими трудностями: необходимо преодоление давления традиции, а для этого – обсуждение освящённых ею теоретических представлений.

И. А. Бодуэн де Куртенэ писал, что чередования могут иметь чисто фонетические причины (сегментные или акцентные), затем они могут претерпевать *морфологизацию* (использоваться для маркирования грамматических значений) и *семасиологизацию* (использоваться для различения лексических значений) [Бодуэн 1963, т. II:373, 375].

Традиционно в фонологии принято очень трепетно относиться к причинам фонетическим, а морфологические и семасиологические – выносить вон, в морфонологию, морфологию, а то и в этимологию.

Между тем вся индоевропеистика XIX века строилась на исследовании чередований в корнях – самых древних морфемах, из которых состоит слово. Именно поэтому фонетике предшествовала лексика, задача которой была чисто прикладная: выделить корни и дать сравнительно-историческому языкознанию материал для исследования фонетики, а именно – для исследования чередования в корнях. Это представление живёт и сейчас – в логике учебных программ для студентов-филологов: знакомство с языком начинается с лексики, затем следуют фонетика, морфология и синтаксис.

В 1960-е годы учение об уровнях языка и их иерархии сильно поколебало эту логику: всё же речь состоит из синтаксических единиц, синтаксические единицы (фразы, обобщаемые в предложения) – из лексических (словоформ, обобщаемых в лексемы), лексические – из морфемных (морфов, обобщаемых в морфемы), а морфы – из фонетических (фонов, обобщаемых в фонемы). Но традиция устояла: изучение языка по-прежнему строится не по законам педагогики и методики (от простого – фонетики к сложному – синтаксису), а по логике индоевропеистики XIX века (от лексики – сложного к фонетике – простому).

Первичным и основным способом передачи лексических значений являются корневые морфемы. Это одновременно и древнейшие морфемы слова, поэтому лингвисты XIX века анализировали именно их. Традиционно чередование звуков в корне (особенно – в инициали) принято считать результатом семасиологизации-лексикализации, а аллофоны на этом основании – представителями разных фонем.

При этом принципиальное различие между омонимией и полисемией размывается и (с лёгкой руки Ш. Балли, поддержанного В. В. Виноградовым) говорится об *омонимии, возникающей в результате «распада» полисемии*. Омонимия – случайность, казус, аномалия, а полисемия – закономерность, норма, определяемая устройством лексико-семантической системы. Говорить, что закономерность приводит к случайности, а норма – к аномалии, как-то странно, а вот говорить, что полисемия приводит к омонимии, почему-то считается нормальным. Единственное известное нам аргументированное возражение против этого абсурда принадлежит В. И. Абаеву [Абаев 1957]. Полностью разделяя его позицию, считаем необходимым и на низшем – фонетическом – уровне языка учитывать интересы лексики.

Во-первых, это делает сам язык: когда интересы фонетики приходят в противоречие с интересами лексики, побеждают и соблюдаются интересы лексики. Например, *вязать* в непрошедшем времени имеет формы: *вяжу, вяжет, вяжут*; соответственно, глагол *ткать* должен бы иметь формы: **тчу, *тчёт, *тчут*. Но это бы приводило к нежелательной омонимии: **тчу = чу!*, **тчёт = чёт / щёт (счёт)*. Во избежание этого осуществляется морфологическое выравнивание по формам прошедшего времени: *ткал, ткала, ткали > тку, ткёт, ткут*. Следовательно, и формы повелительного наклонения не **чи-чите!* / **щи-щите!*, а *тки-тките!*

Во-вторых, любой язык (особенно хорошо это видно в строении языков программирования) состоит из словаря (знаков) и синтаксиса (правил их сочетания). Ещё и поэтому интересы словаря (лексики и, соответственно, семантики) должны преобладать над интересами технического (обслуживающего) уровня – фонетического.

Фонемология – учение не о звуках в себе и для себя, а о звуках как составной части знаков – носителей самой важной для людей – лексической (внеязыковой) информации.

Именно поэтому лексикализованные чередования так же не перестают быть аллофонами, как «распавшаяся» омонимия не перестаёт быть полисемией.

Всё очень просто. Традиционные представления основаны на атомистическом мышлении XIX века, поддержанном позитивизмом и ставящем во главу угла э л е м е н т. Тогда как системная лингвистика ставит во главу угла с и с т е м у (не элемент, а ц е л о е), которая значительно устойчивее своих отдельных элементов и даёт меньше простора произволу исследователя, повышая конкретность его мыш-

ления требованием максимального учёта всех непосредственных и опосредованных связей каждого отдельного элемента.

Для того чтобы хоть как-то легализовать системный взгляд на корневые морфемы в рамках традиционных представлений, Татьяна Григорьевна Аркадьева предложила термин *этимонимы* для так называемых «деэтимологизированных» слов и «омонимов», возникших в результате «распада» полисемии [Аркадьева 1990].

В условиях торжества атомистических и позитивистских пред-
рассудков возникает необходимость отстаивать даже такое очевидное и теоретически вроде бы не оспариваемое положение, как историзм в анализе объекта: **каждый элемент системы должен браться и анализироваться таким, каким он был на момент возникновения, и в той системе, которая его породила.** Только после этого и с учетом этого можно переходить к его новому статусу и новым свойствам в позднейшей или даже позднейших системах. Таково одно из базовых требований системной лингвистики [Мельников 2000].

Именно требование историзма заставляет нас считать *куд*= в *кудѣсник* {коуд=Ес=ьн=ик_ь} и *чуд*= в *чудѣсный* {кеуд=Ес=ьн_ый} алломорфами корня {КЕУД=}, а {Е} – гиперфонемой *О/Е*, не нарушающей тождества морфемы, и, соответственно, /к/ и /ч/ – аллофонами фонемы {К}. Ведь если первая палатализация происходит на суффиксальном стыке, то в ещё более древней позиции – внутри корня – она и подавно происходит. Сходно интерпретируется и общеизвестный пример *наЧАло* {на-кьн=Ø=дл_о} – *наЧНѣт* {на-кьн=Ø=Е_ть} – *наЧИНать* {на-кьн=Ø=А=тi_#} и *КОНѣц* {кон=Ø=ьк_ь}.

Аналогично *гой*= в слове *изгой* является алломорфом *жи*= в слове *жить* < {гей=Ø=тi_#}; а *шѣ*=/ш= – в *шѣл* {хьд=Ø=л_ь} / *шла* {хьд=Ø=л_А} является алломорфом корня *ход*= в *ходил*. Вряд ли мы вправе считать сегмент *хаж*= в *хаживал* {хОд=и=ыва=л_ь} аллофоном двух предыдущих, потому что он содержит в своём составе бифон *ж^{ои}*, представляющий одновременно {Д} корня и {И} суффикса: {хОд=и=ыва=л_ь} > {хОд=й=ыва=л_ь} > /хАжывъл/. При этом реализация {ДИ} как /ж/ позиционно обусловлена: она происходит на суффиксальном стыке по законам: 1) недопустимости зияния, 2) восходящей звучности слога и 3) слогового сингармонизма.

Разберём примеры, иллюстрирующие у И. Б. Иткина шипящие и аффрикаты в инициали корня.

{Ж} в слове *жук* относится к звукоподражательной подсистеме русского языка, которая не подчиняется фонетическим законам, дей-

ствующим в «нормальных» словах – апеллятивах: «образовано от звукоподражательной основы, представленной в *жуужжать*» [Фасмер 2004, т. 2:64]. В таком случае в обоих словах следует выделить типично звукоподражательный сегмент /жу/ и два суффикса, являющиеся классификаторами (маркерами) звукоподражаний: =к {жУ=к_ь} (ср. *бекать, мекать, хмыкать, хныкать, хихикать, улюлюкать, гавкать, хрюкать, мяукать* и т. п.) и =зг {жу=зг=Ъ=тi_#} (ср. *визжать, брюзжать, дребезжать* и проч.).

О звукоподражательной природе корня [ЖУ] свидетельствует варьирование всех его частей: ср. *жу-к-, гу-к-, зу-к-, зю-к-, зы-к-, ги-к-, га-к-, го-к-* [СРНГ, вып. 6; 7; 12].

Морфонему {Ш} И. Б. Иткин иллюстрирует словом *шар*. Наиболее правдоподобной представляется этимология П. Я. Черных: «рус. *шар* ... восходит к и.-е. *(s)kēg- “вертеться”, “сгибаться”, “гнутьяся”» (Рокорну, I, 935) [Черных 1993, т. II:402]. Видимо, из этого значения П. Я. Черных и выводил округлую форму шара. Здесь следует упомянуть о наблюдении, сделанном О. Н. Трубочёвым: 1) существует устойчивая связь между значениями основ *del-, *derbh-, *ker-, *plek-. *teks-, *uedh-, *ui- типа I ‘резать, рубить, рвать, драть, тесать, разделять (надвое, пополам)’ и типа II ‘крутить, скручивать, гнуть, вить’; 2) эта связь свидетельствует о родстве значений и происхождении их из одного общего в позиции (ситуации) семантической нейтрализации: «одинаково возможно образование от любого члена соответствующей пары, т. е. речь идёт о нейтрализации противопоставлений между основами I и II» [Трубочёв 2008, т. 3:628–631].

В связи с этим более правдоподобным представляется выведение значения ‘шар’ из значения ‘резать, тесать, обрубать’, которое прямо указывает на способ создания шара: *шар* – это куб, ‘многократно обрезанный (обтёсанный, обколотый, обрубленный) со всех сторон’.

Происхождение Ш в слове *шар* П. Я. Черных объяснил следующим образом: «На слав. почве имела место перестановка начальных *sk > ks*, откуда далее *kch > ch* и изменение *chē > ša* (*chēr- > *šar)» [Черных 1993, т. II:402].

Таким образом, {Ш} в слове *шар* является аллофоном фонемы {X}, происходящей из аффрикаты КС в позиции перед гласным переднего ряда Ъ < *Ē. После отвердения /ш/ последующий /ѣ/ также утратил мягкость (диезность), но остался гласным нижнего подъёма, т. е. /а/.

Морфонему {Ч} И. Б. Иткин иллюстрирует не самым удачным примером – *меч*: «как слово *тець, *тьсь, так и гот. *mēki ведут на-

чало из одного ... источника с велярным *k*» [ЭССЯ, вып. 18:40], при этом следует обратить внимание на ключевую роль старой польской формы **miekut* ‘меч’, содержащей этот *k*. Источником славянских и германских слов является кельт. *tesc* – ‘сверкать, блестеть’, «что подтверждается многообразием кельт. культурных влияний в латенскую эпоху накануне н.э.» [там же:42]. Таким образом, даже в кельтском заимствовании *меч*, имеет место /ч/ как аллофон фонемы {K} в позиции перед гласным переднего ряда.

Намного выразительнее другая пара примеров: *чадить* ‘выделять едкий, удушливый дым’ – *кадить* ‘обдавать ароматным дымом, выделяемым ладаном (при богослужении)’: «гл. **čaditi* и имя **čadъ*» связаны «с **kaditi* отношением долгих \bar{e} и \bar{o} » [там же, вып. 9:110]. При этом *кадить* – типичное культурное слово, заимствованное из церковнославянского языка вместе с православным культом (производящее имя **kadъ* ‘чад, дым’ представлено только в южнославянских и примыкающих к ним западнославянских языках [там же:111]). Ср. выше пару *кудесник* – *чудесный*.

Для иллюстрации морфемы {Щ} И. Б. Иткин выбрал слово *общий* (см. выше), в котором /щ/ является бифоном /щ^{тн}/. Бифон /щ^{ск}/ представлен в словах *щадить* {скенд=И=тi_#} («праслав. **ščęditi* из **skęd-*, которое связано чередованием гласных со **skod-* (см. *скупный*), ст.-слав. **скждь, скжднь**» [Фасмер 2004, т. 4:496]; *щипать* {скип=A=тi_#} – *щепотъ* {скып=От=i_ь}, *ущерб* {у-скьрб_ь}, ср. *скорбь* {скьрб=i_ь}).

Морфонема {Ц} у И. Б. Иткина иллюстрируется словом *месяц* в фонематическом представлении {мЕс=енк_ь}. Ср. тот же суффикс в слове *заяц* {зАй=енк_ь}. По закону восходящей звучности {ЕН} даёт /ѣ/, после которого /к/ по третьей (бодуэновской) палатализации реализуется в виде своего аллофона /ц/; /ц/ в именит. пад. перед /ь/ – следствие морфологического выравнивания основы. В словах *месячный* и *заячий* /ч/ чередуется не с /ц/, а с {K}. Чередования Ц||Ч не существует; есть два чередования: K||Ч (по первой палатализации) и K||Ц (по второй или третьей палатализации). Ср. триаду *лиЦо* – *лиK* – *лиЧико*.

Более показательными примерами аллофонической природы /ц/ являются слова *цель*, *ц.-сл. цьль* {кОйл_ь} (ср. *кьле* ‘целы’ в новгородских грамотах [Зализняк 1995:37]) и *цеп* {кОйп_ь} (в новгородских и псковских говорах – *кеп* ‘цеп’ [СРНГ, вып. 13:182]).

Весьма выразительна пара *цена* {койн_А} (ср. ц.-сл. *цѣна*, лит. *kainá*) – *чин* {кЕйн_Ъ}: «отношения **činp* : **čēna* <...> можно толковать как очень древнюю словопроизводную связь с чёткой семантикой ‘деяние’ : ‘(плата за) содеянное’» [ЭССЯ, вып. 3:182]. Ср. *чинить-учинить* : *цена, оценка*. Этот корень сохранил и начальный /к/: *каяться* – «продление вокализма состоялось, по-видимому, на слав. почве, тем не менее ближайшим соответствием, в том числе и в плане морально-этической, религиозной семантики, оказывается авест. *kau-* ‘каяться’» [там же, вып. 9:116]. Как видим, и в начале слова /ц/ является одним из аллофонов фонемы {К}.

РАСХОЖДЕНИЕ В ТРАКТОВКЕ КАЗУСОВ И АНОМАЛИЙ

{К_т} *пускать – пустить и т. п.*

В табл. 23 приведены примеры, в которых И. Б. Иткин видит особую морфему {К_т}: «все такие корни оканчиваются на -к, которое переходит в *t* вместо ожидаемого *č* в позиции палатализации» [Иткин 2007:103].

Т а б л и ц а 23

Чередования» К||Т по И. Б. Иткину

№	Пары слов	Корень-1	Корень-2
1	Блеск – блестя	блеск/блест/блист/ блѣск/блѣст-	
2	Пускать – пустить	пуск/пуст-	
3	Ласкаться – ластиться	ласк/ласт/ласщ-	
4	Паук – паутина	паук/паут/пауч-	
5	Мелькать – мельтешить	мельк/мельт-	
6	Смекать – сметка	мек/мѣк-	мет/мѣт/мес/ме-
7	Искать – истец	иск-	ист-
8	Черкать – чертить	черк/чѣрк-	черт/чѣрт/черч-
9	Жолкнуть – желтый	желт/желч/жѣлт/жѣлч-	жолк
10	Доска – *досточка	доск/дошч-	

Начнём с того, что «Словарь морфем русского языка» [Кузнецова 1986] не подтверждает однокоренной характер пар 6–10. Перед нами разные корни, следовательно, говорить о чередовании К||Т в корне нет оснований. Это не фонема и не морфонема.

Слово *доска*, по мнению этимологов, является заимствованием из греческого через латинское и германское посредство. От него закономерно образован диминутив *дощечка*, в котором *Щ* мог быть народно-этимологически осмыслен как *Щ^{cmi}*, что и позволило образовать такое, по справедливому замечанию И. Б. Иткина, «индивидуальное отклонение, примыкающее к данному чередованию, но не относящееся к его сфере» [Иткин 2007:104], как *досточка*. Показательно, что ни «Словарь русского языка в 4 томах» под редакцией А. П. Евгеньевой (2-е изд.), ни «Большой академический словарь» эту форму не содержат, а это значит, что она не принадлежит русскому литературному языку.

Пара *жолкнуть* ‘желтеть’ : *желтый*, на первый взгляд, не может вызывать никакого сомнения в тождестве корня, а отказ А. И. Кузнецовой это увидеть кажется необъяснимой случайной ошибкой, от каких никто не застрахован. Однако не всё тут так просто.

Вначале обратим внимание на отсылку от слова *жёлкнуть* (так в словаре М. Фасмера) к словам *желчь*, *жёлтый* [Фасмер 2004, Т.2: 43] и замечание М. Фасмера в статье слова *жёлтый*: «С рефлексом др. задненёбного сюда же относится группа слов *золото*, *зелёный*» [там же: 44]. А от слова *зелёный* даны отсылки к словам *зелье*, *золото*, *зола*. Это значит, что и -е. имел начальный гуттуральный *ǵ, который в языках группы satəm закономерно отражался звонким сибилантом, у славян – *z. Следовательно, нормальная славянская форма этого корня представлена в корнях *zolt-, *zельn-, а начальный *g-, реализуемый аллофоном /жс-/ (по первой палатализации) в словах *жёлтый*, *жолкнуть*, представляет собой кентумный, а следовательно, заимствованный, позднейший, вторичный вариант корня. Явление satəm-кентумной дублетности представлено как в славянских, так и в балтийских языках. (Например, кентумный вариант *город* и сатемный – *зарод* «Обл. Стог сена, соломы, снопов (обычно большого размера и продолговатой формы» [БАС-3, Т.6:467].)

В связи с этим весьма показательно следующее свидетельство: «Ст.-сл. *зльчь*, др.-русск. *зьльч* древнее, чем форма на *ž-* [в украинском, белорусском болгарском, сербохорватском, словенском, чешском, польском и лужицких], поэтому все эти слова связаны с *зелёный* и лишь вторично испытали влияние слова *жёлтый*... Праслав. *zylčь получило *č* из -k-, которое встречается также в ст.-сл. *злак* из *zolkь. <...> Поздно засвидетельствованное *жёлкнуть* ещё не является достаточным доказательством древности этого слова» [Фасмер 2004, Т. 2: 45].

Таким образом, имеются два разных праславянских корня с сатэмным и кентумным вариантами: **zolt-* (*золото*) и *zolk-* (*злак*); **gьlt-* (*жёлтый*) и **gьlk-* (*желчь*) / **zьlk-* (сл.-сл. *зльчь*) / **zьlk-* (др.-русс. *зльчь*). В силу своей древности **-k* и **-t* могут быть только и.-е. расширителями корня. Следовательно, оснований видеть в паре *ЖОЛКнуть-ЖЁЛТый* современное чередование *к : т* не больше, чем видеть его в паре *МЕРКнуть-МЁРТвый*. Тем более что никакой позиции палатализации тут нет.

Рассмотрим пару *ЧЕРКать-ЧЕРТить*. Слово *черкать*, которое «первоначально вариантно к **čьrkati*, **čьrxati* [<**čьrsati*], ср. и соответствующие значения этих слов» [ЭССЯ, Вып. 4:147–148; 159; 163]. Например, чеш. стар. *čьrchati* ‘проводить черты, линии, чертить’, укр. *черсати* ‘чесать; тереть, провести чем-либо по чем-либо’, русск. диал. псков. *черснуть* ‘сильно ударить кого-либо’ – «все они являются продолжениями и.-е. **kers-* ‘резать’, которое в свою очередь, как и **kert-* (слав. **čersti*, ... *čьrtati*), восходят как расширение к и.е. **(s)ker-*» [Варбот 1973: 8].

Семантическая близость слов *ЧЕРКать*, *ЧЕРТить*, *ЧЕРСать* объясняется их происхождением от общего и.-е. корня, а различие *чер-к-*, *чер-т-*, *чер-с-* объясняется их оформлением разными и.-е. расширителями корня (детерминативами), а не чередованием (тем более не особой морфемой {*K_T*}) в современном русском языке.

Обратимся к тем словам, в которых имеет место чередование *K||T*.

Начнём с пары *блеск-||блест-*. «Праслав. **bliskati* продолжает и.-е. **bhlei-sk-*..., где *-sk-* – и.-е. глагольный форматив. <...> Зная историю *-sk-* в **bliskati*, мы должны рассматривать мену *-sk-* : *-st-* ... как слав. явление» [ЭССЯ, вып. 2:117]. Добавим от себя, что в современном русском языке этот «и.-е. глагольный форматив» в формах *=ск/=зг/=ст* указывает на интенсивность/экспрессивность действия, выполняя также функцию классификатора звукоподражаний: *плескать*, *полоскать*, *прыскать*, *брызгать*, *хляскать*, *хряскать*, *чуфыскать*, *ляскать*, *лязгать*, *лускать*, *лузгать*, *плющить*, *рыскать*, *пищать*, *таскать*, *тискать*, *порскать*, *топорщить*, *трещать*, *верещать*, *визжать*, *брюзжать*, *свистеть*, *хвастать*, *хлестать*, *хрустеть*, *шелестеть*, *ристание*, *хворост*, *хлобыстать*, *хлыстать*, *хлюстать*, *хляскать*, *хлястать*, *хрустать*, *хрястать*, *шастать*, *шурстеть* и др.

Для пар 2–5 (табл. 23) просматривается распределение, хорошо известное диалектологам⁵²: в средневеликорусских говорах в позиции перед гласным переднего ряда [К] реализуется как /т'/: *какие чулки* – как *ка[т'и]е чул[т'и]*, *руки* – как *ру[т'и]*, *муки* – как *му[т'и]*, и т. д. [Русская диалектология: 74–75].

Ср. также у Р. И. Аванесова: «В ряде говоров вместо *к'*, *г'* произносятся звуки *т'*, *д'*: *рука* – *рут'и* – *рут'е*, *мука* – *мут'и* – *мут'е*, *река* – *рет'и* – *рет'е*, ..., *т'инуо*, *т'исел'*, *т'ислож*, *т'ир'п'ич'*, *т'ино* (кино). <...> В результате описанного процесса появилось *т'* в *Евдодом'я* (ср. книжное *Евдокия*)» [Аванесов 1949:161]. В этом смысле можно согласиться с предположением И. Б. Иткина: «Как видно, чередование *к ~ т* тесно связано с более распространённым чередованием *к ~ ч* и как бы составляет его «альтернативу» [Иткин 2007:104]. Добавим от себя – **диалектную** альтернативу.

В *блеск–блестеть*, но *блистать*, *блётки* (ср. у А. С. Пушкина в «Евгении Онегине»: «Скажу без **блёт**ок мадригалных») этого распределения не просматривается. Стоит ли ради одного корня заводить отдельную морфему или фонему? Практика показывает, что не стоит: сравним *боком* – *бо/к'*, *другом* – *дру/к'*, но *Бо/у/ом* – *Бо/х'*. Ни одна отечественная школа не заводит особой фонемы {γ} даже ради такого корня, как *Бог*.

Трудно согласиться со следующим утверждением И. Б. Иткина: «Поскольку никакого распределения между корнями типа *пуск*- и всему прочими корнями с исходом на *-к* установить не удаётся, следует признать, что корни этого типа имеют в ауслауте особую морфему – {К_т}» [там же].

Логичнее было бы признать, что корни этого типа имеют в ауслауте **гиперфонему** [К/Г] – с комментарием, что варианты этой гиперфонемы находятся не в отношении свободного варьирования (как, например, гиперфонемы [К/Г] в паре *Калоши–Галоши*), а имеют диалектное распределение: /т'/ перед гласными переднего ряда и /к/ в остальных случаях.

{e₁} *лев-льва* – чередующееся с **Л**, нормально не чередующееся с **О**

⁵² Включить в это множество пару *смакать–сметка*, кроме показаний [СМОРЯ 1986], не позволяет отсутствие распределения: /т/ встречается не только перед гласными переднего ряда. Этимологи полагают, что морф *мек*-вторичен и образован от *метить* по аналогии с парой *пускать–пустить* [ЭССЯ, Вып. 18:74].

Как можно понять из текста монографии И. Б. Иткина, морфемой {E₁'} он считает, с одной стороны, гласный в слове *лев*, который не чередуется под ударением с /'o/, как {Ъ}, но чередуется с нулём звука, как {Ъ}; с другой стороны, этой же фонемой им считается и гласный в корне *сек-*, который под ударением реализуется то как /e/ – *дровосék*, что свойственно фонеме {Ъ}, то как /'o/ – *сék*, что свойственно фонеме {E}.

Что касается слова *лев*, то это заимствование. По М. Фасмеру, его генеалогия выглядит так: семитские языки > греч. λέων > лат. *leō* > д.-в.-н. *lěwo*. Кроме того, М. Фасмер указывает на «моск[овское]. произношение *Лёв*» в имени собственном. Хотя сейчас оно практически вышло из употребления, но диминутивы *Лёва*, *Лёвушка* по-прежнему в ходу. В истории этого слова есть загадка: уже в старославянском языке представлена форма **лъвь**, а между тем подходящей германской формы, из которой бы мог получиться старославянский **лъвь**, не найдено (видимо, поэтому славянская форма выводится из реконструируемой прагерманской, а та – напрямую из и.-е. праформы, трактуемой как «древнейший миграционный ближневосточный термин» [ЭССЯ, вып. 17:106–107]). Из греческой формы в старославянском должно было бы получиться (если допустить, что /в/ – эпентеза, устраняющая зияние внутри славянского слова, конечный *v* утрачен по закону восходящей звучности, а долгота *ω* в заударном слоге уменьшилась до /ъ/), не **лъвь**, а **лъвь** [Фасмер 2004, т. 2:471–472]. Впрочем, как свидетельствует «Старославянский словарь», из 26 случаев употребления апеллятива **лъвь** в старославянских текстах отмечено 9 случаев написания с *лѣ-* (5 – в «Синайской псалтыри» и 4 – в «Супрасльской рукописи»); из двух написаний онима **Лъвь** – одно также с *лѣ-* (в «Саввиной книге») [СтСл-1994:312], что говорит о прямом влиянии греческого языка.

Противоречиво и отражение ст.-сл. **лъвь** в русском языке: с одной стороны, в старославянском (и церковнославянском) отсутствует трансформация ударного /e/ в /'o/: ц.-сл. *небо* при русск. *небо.*, из чего следует, что мы произносим *лев*, а не **лѣв* не потому, что под ударением фонема {Ъ}, а потому что слово принадлежит к южнославянской подсистеме фонем. С другой стороны, в южнославянской подсистеме отсутствуют беглые фонемы: {Ъ} реализуется как {E}, а {Ъ} – как {O} (ср. русск. *сбор* и ц.-сл. *собор*), – из чего следует, что причина беглости гласного в слове *лев* лежит за пределами южнославянской подсистемы фонем. Полагаем, что это – чисто морфологическая причина:

В обоих случаях благодаря фонетически незаконному чередованию мы получаем возможность различать имя и глагол, деятеля и действие. Сравним противоположное распределение: *сёл* (имя – род. пад. мн. ч. слова *село*) и *сел* (м. р., ед. ч. прош. вр. глагола *сесть*). Это проявление иерархии уровней языка: фонетика может делать только то, что ей позволяют морфология и лексика, и выполняет всё, что от неё требуют морфология и лексика.

Таким образом, /'o/ на месте {Ъ} появляется для маркирования процессуальности, глагольности формы, противопоставления её имени. Это чистая морфология – использование фонетических чередований для маркирования грамматических (морфологических и синтаксических) значений и функций. Ни особой морфонемы, ни особой фонемы это явление не образует.

ВЫВОДЫ

Подведём итоги. Из 23 выделяемых нами фонем лишь две не находят соответствия в морфонемах, выделяемых И. Б. Иткиным. Расхождение касается трактовки глайдов {И} и {У}.

Для описания и объяснения чередований в исконных русских корнях слов-апеллятивов современного русского языка требуется обращение к раннему праславянскому состоянию, предшествовавшему началу действия законов восходящей звучности слога и слогового (группофонемного) сингармонизма. Принято считать, что это состояние имело место до V века н. э. Такое состояние целесообразно называть *протославянским* (предславянским). Именно это состояние и должна отражать фонемная, она же этимологическая транскрипция. Именно в этой транскрипции может быть корректно представлен как фонемный, так и морфемный состав русского слова.

Как видим, комбинаторные изменения морфем также всецело принадлежат фонемологии.

Приложение 3

СИСТЕМА ИСКОННЫХ РУССКИХ ФОНЕМ КАЗАНСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

На сегодняшний день в отечественной русистике преобладает точка зрения Ленинградской (Санкт-Петербургской) фонологической школы (ЛФШ) и Московской фонологической школы (МФШ), которая, несмотря на ожесточенную (на уничтожение) полемику в прошлом, даёт не сильно расходящиеся результаты.

«Согласно Петербургской фонологической школе, в русском языке 43 фонемы: [А Э И О У Ы П П' Б Б' М М' Ф Ф' В В' Т Т' Д Д' Н Н' С С' З З' Р Р' Л Л' Ш Ж Щ ЖЦ Ч Й К К' Г Г' Х Х']. Иногда [Ж] (звонкий эквивалент [Щ]) не выделяют в качестве отдельной фонемы, так как она практически вышла из употребления...; в таком случае остаётся 42 фонемы.

Московская фонологическая школа не выделяет фонему [Ы], считая её равной фонеме [И]; также не различаются твёрдые и мягкие варианты фонем [К], [Г] и [Х]. В таком случае получается 39 фонем»⁵³.

Этот результат является следствием исходных теоретических положений.

1. Звуковой фетишизм, составляющий основу теории ЛФШ и не до конца преодоленный МФШ. В философских терминах это признаки явления и отрицание сущности или безразличие к ней.

2. Ложно понятый синхронизм, создающий непреодолимую пропасть между синхронным и диахроническим описанием языка и, как следствие, – неприятие того, что современное состояние любого языка является результатом его истории.

3. Абстрактный подход к анализу фонетического уровня, отсекающий фонетический уровень языка от других его уровней, чем особенно гордятся представители ЛФШ.

4. Игнорирование того обстоятельства, что лексика русского языка неоднородна по происхождению (гетерогенна) и, следовательно, несёт отпечаток разных языковых систем.

5. Неучёт *хронологической* неоднородности (гетерохронности) лексики.

6. Неучёт *сущностной* неоднородности лексики, проявляющийся в игнорировании своеобразия полнозначной лексики (частей речи)

⁵³ URL: https://kpfu.ru/docs/F1856424430/Kamalova.L.A.Lekciya_3..Fonetika.pdf

и неполнозначной лексики (частиц речи), звукоподражательной и не-звукоподражательной лексики, аппеллятивной лексики (имена нарицательные) и онимической (имена собственные)⁵⁴.

7. Наконец, определение фонем как различителей морфов и (что, фактически, то же самое) словоформ при хронологической неоднородности корней, аффиксов и окончаний. Академик Ю. С. Степанов указал, что древнейшими морфемами, содержащими древнейшие оппозиции, являются корни, менее древними являются аффиксы и самыми молодыми – окончания [Степанов 1975:262–263].

8. Неучёт всех этих обстоятельств и стремление во что бы то ни стало втиснуть многомерный объект в плоскость синхронии приводит представителей ЛФШ и МФШ к необходимости «выравнивать» объект описания, подгоняя его под самую молодую подсистему: окончаний и неосвоенных заимствований, а всё, что в эту систему не укладывается, – выносить в морфонологию как своего рода лингвистический склад переработанных фонологических отходов.

9. Из частных лингвистических решений можно указать на неадекватность бинарного членения системы фонем на гласные и согласные и описания фонематической системы языка двумя не связанными между собой системами: таблицей гласных и таблицей согласных. Такое решение заставляет говорить о слоговых согласных и неслоговых гласных и, тем самым, стирает грань между теми и другими⁵⁵. Более адекватным языковому материалу является различение **Гласных** (всегда слоговых фонем) – **Согласных** (всегда неслоговых фонем) и **Сонантов** (фонем безразличных к этому признаку и способных в зависимости от позиции быть как гласными, так и согласными).

10. Не самым адекватным материалу выбором представляется приписывание согласным корреляции по мягкости-твёрдости.

⁵⁴ Редким исключением является различение М. В. Пановым фонетических систем общеупотребительных, не общеупотребительных (заимствованных), служебных и междометных слов [Панов 1979 :15]. Однако и этот список неполон: не хватает онимической подсистемы (имён собственных), а внутри подсистемы общеупотребительных слов следует различать древнюю – индоевропейскую и две современных: восточнославянскую и южнославянскую.

⁵⁵ «...слобообразующим элементом может быть не только гласный, но и согласный» [Бондарко 1990а:105–106], «неслоговые гласные – гласные, не образующие слоги» [там же: 107], «согласные (не только сонанты, но и шумные) могут образовывать вершину слога» [Бондарко 1990б:477].

11. Из звукового фетишизма следуют невнимание к варьированию (поведению) фонем и противопоставление «сильного» варианта фонемы всему фонемному ряду. В концепции Р. И. Аванесова «Фонемой называется кратчайшая звуковая единица языка, рассматриваемая в совокупности тех своих черт, которые **не обусловлены позицией**, и потому сама по себе способная различать звуковые оболочки **словоформ** (выделено мной. – А. К.)»⁵⁶.

Перечисленные особенности ЛФШ и МФШ являются нарушением фундаментального принципа системологии [Мельников 1978; 2003], состоящего в том, что систему могут составлять однородные в генетическом и хронотопном отношении единицы, а объединение в одну систему единиц разных систем недопустимо, поскольку противоречит логике мироустройства и, тем самым, сущности описываемого объекта.

Исследование русских фонем, построенное на системном основании И. А. Бодуэна де Куртенэ [Бодуэн 1963] и его ученика С. И. Бернштейна [Бернштейн 1962], свойственном *Казанской фонемологической школе* (КФШ, названной так по месту зарождения), даёт иной результат (табл. 24).

Т а б л и ц а 24

Система исконных русских фонем Казанской лингвистической школы

ДопРП	Нейтральные		Лабialsные		Гуттуральные		Палатальные		ДопРП
							чередующиеся с /'О/	не чередующиеся с /'О/	
Вокалы	А		О		Ы		Е	Ё	Небеглые
			Ъ				Ь	І	Беглые
Сонанты			У/					И/	Слоговые
	Р		/В					/Й	Нелатеральные
	Л								Латеральные
	Н		М						Эксплозивные
Консонанты	Т	Д	П	Б	К	Г			Фрикативные
	С	З		(В)	Х		(Й)		
ДопРП	Глухие	Звонкие	Глухие	Звонкие	Глухие	Звонкие			ДопРП

⁵⁶ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Фонологическая_концепция_Р._И._Аванесова

Если принять, что фон представляет фонему, а фонема является частью означающего морфемы, окажется, что фонемы (описываемые ЛФШ и МФШ под названием «фонем») могут представлять: 1) одну фонему – назовём их *монофонами*, 2) несколько фонем – назовём их *полифонами* (в зависимости от числа представляемых фонем фонем различаются *бифоны*, *трифоны*, *квадрфоны*), 3) не представлять фонемы – быть *протезой* или *эпентезой*; 4) представлять фонему закономерным (позиционно обусловленным) и значимым отсутствием звука – назовём его *нульфоном*.

Начнём рассмотрение особенностей КФШ с фонемы {О}.

Для ЛФШ и МФШ в слове *посól* под ударением реализована фонема [О].

Сравним предложения: **Заявление американского посóла* и **Килька пряного послá*? Сравним другие варианты этих корней: *вЫ-СОЛ-ить* и *вЫ-СЛ-ать*, *по-СáЛ-ивать* и *по-СЫЛ-ать*. Один корень имеет чередования /о-ъ-а/, другой (в тех же позициях) – /о-ø-ы/.

Для обеих школ это различие оказывается не существенным, так как под ударением в слове *посól* ясно слышится /о/.

Правда, со словом *по-сАл-ивать* происходит неувязка: в нём под ударением ясно слышится /а/. Для ЛФШ это вообще не проблема: для них фонема – различитель словоформ, а словоформы разные. Но для МФШ это явное неудобство, поскольку основателями школы (В. Н. Сидоровым, А. А. Реформатским, П. С. Кузнецовым) фонема объявляется различителем морфем. Корневая же морфема в словах *посól* (*огурцов*) и *посáливать* (*огурцы*) одна и та же.

А если сравнить *за-сáл-ивать* (*огурцы*) и *за-сáл-ивать* (*рукава куртки*), то при тождестве фонемного состава мы будем иметь морфы двух разных корневых морфем. Можно, конечно, сказать, что это омоформы, что корневые морфы в них омонимичны, но это уже будет переход с фонемного уровня на лексический.

Показательно, что ударная («абсолютно сильная») позиция гласных оказывается то позицией различения: *сóль*|*сáло*, то позицией неразличения: *засáливать* (*огурцы* или *рукава*?).

Так, мы приходим к выводу, что *фонема – это не тело, а дело; не звук, а образ жизни*, т. е. система позиционно обусловленных чередований. А сильная позиция гласных (и любых других звуков) – это прежде всего позиция смыслоразличения и вовсе не обязательно ударная позиция: ударная позиция для словоформы *посól* является позицией неразличения (слабой позицией), а безударная позиция в словоформе

посла́ сильная, поскольку является позицией смысловоразличения, морфеморазличения, а следовательно, и фонеморазличения.

Приняв этот взгляд на фонему, мы должны коренным образом пересмотреть количество и качество фонем в современном русском языке.

В частности, в современном русском языке, вопреки всем учебникам и грамматикам, как минимум две разных фонемы: *О*-беглая – {Ъ} и *О*-небеглая – {О}.

При этом *О*-беглая находится на месте древнего *Ъ*, который, как сказано во всех учебниках, «пал» не позднее XII века н. э. и перестал отличаться от фонемы {О}.

Поскольку *О*-беглая – явление современного русского языка, то волей-неволей приходится признать, что «падение» *редуцированных* состоит лишь в изменении их манифестации.

Из этого следует, что и *Е* у нас не одно: сравним словоформы *день* и *тень*, но *днями* и *тенями*. Может, одна и та же фонема в одинаковых позициях вести себя по-разному? Нет. Следовательно, это две разных фонемы: *Е*-беглая {Ъ} и *Е*-небеглая {Е}. Тем самым мы получаем возможность объяснить школьникам и иностранцам, изучающим русский язык, почему якобы «одна и та же» фонема [Е] ведёт себя так непредсказуемо.

На этом непредсказуемость поведения фонемы *Е* не заканчивается.

Сравним словоформы *хлеба́* и *хлебáть*: в первом предударном слоге у обеих /и³/, в словоформах *хлеборóб* и *хлебанúть* в не-первом предударном – /ь/.

А вот под ударением *хлѐб*, но *водохлѐб* = /въдахл'óп/.

МФШ и ЛФШ согласно скажут, что в слове *водохлѐб* под ударением представлена фонема [О]. Это при том, что «нормальная» фонема [О] в первом предударном слоге чередуется с /а/, а в не-первом предударном слоге – с /ь/: ||вóды | вадá | вьдавóс||.

Получается странно: в безударных слогах «фонема» [О] словоформы *водохлѐб* ведёт себя как фонема [Е], а в ударном – оказывается в позиции после мягкого согласного, чего с фонемой *О* никогда не бывает, а с исконной фонемой {Е} бывает всегда. Если мы отказали ударной позиции в статусе абсолютной сильной позиции для гласных, то мы и не обязаны считать, что в слове *водохлѐб* под ударением представлена фонема {О}. Все Ё отражают фонему {Е} в слабой позиции.

Все гласные фонемы по их влиянию на предшествующие парные согласные можно разделить на **смягчающие** (диззные) и **не-смягчающие** (не-диззные).

Смягчающие – /e/, /иʹ/, /ь/, /и/,

Не-смягчающие – /a/, /o/, /ъ/, /ы/, /y/.

Из этой закономерности есть исключения:

О-смягчающий /ʹo/: *помёл* /мʹол/, но *помёл*;

А-смягчающий /ʹa/: *мял* /мʹал/, но *мал* /мал/;

У-смягчающий /ʹy/: *люб* /лʹуб/, но *луб* ‘внутренняя часть коры’ /луб/, *люд* /лʹуд/, но *луда* ‘каменистая мель’ /лудь/ (ср. *полуда* ‘сплав олова со свинцом для лужения’); *крюк* /крʹук/, но *круг* /круг/.

Фонемы /a/, /o/, /y/ также встречаются после непарных мягких согласных и твёрдых шипящих.

Изучение поведения гласных в указанных корнях приводит к выводу о том, что эти фонемы представляют либо смягчающие фонемы, либо сочетание, имеющее в своём составе смягчающие (диззные) фонемы: *мял* / *раз-МЯл*, но *раз-МИН-ал*, *он пом*[ʹó]л, но *она пом*[ʹиʹ]lá, русск. *люд*, но словен. *ljud* ‘то же’, готск. *liudan* ‘расти’, лит. *liáudis* ‘народ’. Полезно вспомнить, что буквы *Я* и *Ю* возникли как лигатуры: сочетания буквы *И*, представляющей диззный фон, и буквы *А* или лигатуры *ОУ*, которой на греческий манер обозначался звук /y/. Выбирая для русского алфавита букву для обозначения *О*-смягчающего, Н. М. Карамзин не случайно предпочёл французскую *Ê* немецкой *Ö*, сознавая, чувствуя, что это вариант фонемы {E}, а не фонемы {O}. К сожалению, в теории лингвисты XX века это понимание утратили, тогда как на практике они превзошли Н. М. Карамзина, рекомендуя вместо *Ê* писать *E*, а не *O*, как следует из их теории.

Таким образом, в исконной подсистеме слов современного русского языка различаются 3 фонемы *E*: *E*-беглая и две *E*-небеглые, делящиеся на *E*, чередующуюся с *О*-смягчающим под ударением перед твёрдым согласным, – это исконная фонема {E}, и *E*, не чередующееся с *О*-смягчающим, – это фонема {Ъ} (ять), совпавшая с {E} в произношении, но отличающаяся от неё поведением в ударной позиции.

Аналогично мы не имеем права говорить об одном (пусть и ударном) гласном в словоформах *тэсте*, *тэста*, *тэстом*.

Сравним фразы: *Давайте поговорим о тэсте. Я не в восторге от этого тэста. Я доволен этим тэстом.*

Что имеется в виду в этих фразах? *Тест* /тэст/ ‘задание для проверки развития, способностей, склонностей человека’ или *тесто* /т’э’сть/ ‘вязкая смесь муки с водой или молоком’?

Интересно, что в русском алфавите есть, введённая Петром I, специальная буква Э-оборотное для обозначения на письме Е-не-смягчающего. Только она по непонятным причинам практически не рекомендуется к употреблению нормами и нормализаторами русской орфографии – даже в ситуациях, порождающих семантическую неоднозначность и требующих смысловоразличения. (Создаётся впечатление, что нормализаторы орфографии и нормализаторы орфоэпии русского литературного языка находятся в непримиримой взаимной вражде и заботятся лишь об одном – как бы посильнее насолить друг другу.)

Так мы обнаруживаем ещё одну фонему – Э-не-смягчающее {Э}, встречающуюся только в подсистеме заимствованных слов, – и приходим к необходимости различать поведение звуков в исконных и заимствованных словах. А это означает, что в русском языке имеются разные подсистемы слов, морфем и фонем.

Перейдём к традиционной фонеме [И].

В паре *кíсло-чíсла* ЛФШ и МФШ также увидят одни и те же фон /и/ и фонему [И]. Между тем фонема {И} представлена только в *числах*, а в *кисло* фоном /и/ представлена фонема {Ы}. Почему? Во-первых, сочетания /гы-кы-хы/ в полнозначных русских словах не встречаются⁵⁷. Во-вторых, фонема {И} внутри морфемы и на суффиксальном стыке превращает /г-к-х/ в /ж-ч-ш/, а фонема [Ы] в тех же позициях, будучи представлена фоном /и/, только смягчает /г-к-х/ в /г’-к’-х’/. На флективном стыке /г-к-х/ в /г’-к’-х’/ смягчает фонема {И}, а фонемы {Ы} встречается только после твёрдых согласных. После шипящих и аффрикат фон /ы/ представляет фонему {Ы}.

Во всех этих случаях фонема {Ы} является монофоном. Но она может быть и бифоном: в известном примере А. А. Реформатского

⁵⁷ Сочетания *ГЫ-КЫ-ХЫ* встречаются 1) в заимствованиях, преимущественно – тюркских: *сыбызгы, тау-сагыз, кок-сагыз, крым-сагыз, каягым; акын, кызыкчи, кызылбаши, кыпчакский, кыр, кыска, кыяк, такыры; хычын* (карач.-балк. *хычын* – лепёшка с творогом, рассольным сыром или мясной начинкой с зеленью, национальное блюдо карачаевцев и балкарцев) (URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Хычын>), и 2) в междометиях: *гымкать, кыш, хы*, межд., выражает недоверие, насмешку (Толковый словарь С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, 1949–1992); *хых*, межд., употребляется в сетях. Значение (1): Смешок – фраза, которую используют, когда нужно выразить свои эмоции.

Кире /к'Ир'ь/, но к *Ире* /к Ыр'ь/ /ы/ является бифоном, представляющим фонему {Ъ}, оканчивающую предлог, и фонему {И}, начинающую имя *Ира*. В старой орфографии это было наглядно: *къ Ире*. Так же объясняется /ы/ в слове *предыстория*: *предЪ+История*.

Древнее название буквы *Ы* – *еры* (*ерь+и*) – прямо указывает на её составной характер: *Ъ+И*-десятеричное. Первоначально *Ы* и писалась как *ЪИ*, лишь по «лени человеческой» (Е. Д. Поливанов), т. е. по *стремлению к экономии усилий*, первая часть буквы потеряла верхний хвостик и превратилась в *Ы*.

Сравним словоформы *один* и *едѣн*.

ЛФШ и МФШ согласно скажут, что в этих словоформах *один* и *един* реализована одна и та же фонема [И]. Но попробуем просклонять: *одного́*, но *едѣногого*. В *один-одного́ И*-беглый, в *едѣногого, единогласно* – нет. Сравним также *плести́-плѣсть*. В суффиксе инфинитива *-ТИ* также представлен беглый *И*: под ударением он не отличим от небеглого, а в заударном слоге о нём свидетельствуют только мягкость предшествующего согласного и сам конечный согласный.

Варианты *звание-званье, занятие-занятье, участие-участье, безлюдие-безлюдье, согласие-согласье, безъязычие- безъязычье, счастье-счастье, гроздие- гроздьѣ*, находящиеся в отношениях свободного варьирования, также содержат фонему *И*-беглое {I}.

У глайдов {И/Й}, {У/В} немаркированным вариантом фонемы является слоговой, поэтому их долгое время принимали за гласные, тогда как у сонорных сонантов (*Р, Л, М, Н*), немаркированным членом является неслоговой вариант, поэтому их до сих пор называют согласными, хотя в отличие от всегда неслоговых согласных, у них нет корреляции по глухости-звонкости и перед ними не происходит ни оглушения звонких, ни озвончения глухих согласных.

Доказательство позиционной обусловленности слоговости-неслоговости глайда {И/Й} находим в глаголе.

Например, в глаголе *катать* форма 1 л. ед. ч. *катаю* образуется присоединением к степенной основе *ката-* бифона -у, состоящего из суффикса непрош. врем. =*б* и окончания *_м* (ср.: *нес=Ø=ти* – *нес=Ø=у, нес=Ø=е_шь* и *да=Ø=ть* – *да=Ø=Ø_м*). Формально должно бы получиться **ката+у*, но эта форма невозможна из-за запрета на зияние внутри слова, которое устраняется с помощью эпентезы *-j-*: *ката+j+у = катаю*.

Возьмём форму *катить*. 1 л. ед. ч. образуется аналогично: **ка-ти+у*, но и в этом случае образуется зияние, потому что /и/ – слоговой фон и /у/ – слоговой фон. В этой позиции (в соседстве со слоговым фоном) глайд {И/Й} во устранение и во избежание зияния реализуется в неслоговом варианте: {кат=й=ō_м} = **катйу*. Однако на суффиксальном стыке продолжает действовать закон восходящей звучности в слоге, который соблюдается в слоге *ка*: 25, но нарушается в слоге *тйу*: 215⁵⁸. Нарушение ЗВЗ в слоге устраняется преобразованием **тй* в аффрикату /ч/: **тйу* (215) > *чу* (25). Так, из {кат=и=ō_м} получаем *качу*. При этом аффриката /ч/ является бифоном, представляя сразу две фонемы: {Т} и {И/Й}. В форме *катить* фонема {И/Й} представлена слоговым вариантом /и/ в явном виде и неслоговым вариантом /й/ в бифоне /ч/ = {Т+Й}.

Сходное явление наблюдаем в паре глаголов *носить-нашивать*. Форма *нашивать* образована прибавлением суффикса =*ыва* к основе *нос=и=*. В таком случае должно получиться **нос=и=ыва=ть*, но так возникает зияние: *и=ы*, которое устраняется позиционно закономерной (в соседстве со слоговым фоном) реализацией глайда {И/Й} в неслоговом варианте – **нос=й=ыва=ть*. На слоговом стыке *й=ыва* нарушен закон *слогового сингармонизма*, по которому дизность является признаком группофонемы (CV) или всего слога. ЗСС выполняется тем, что фонема {Ы} реализуется в своём дизном варианте – /и/. Получаем **нос=й=ива=ть*. Но и после этого словоформа остаётся фонетически неблагополучной: в слоге *с=й=и* нарушен ЗВЗ: *сий* = 115 имеется плато звучности, в котором нет восхождения звучности. Это нарушение устраняется посредством трансформации *СЙ* > *Ш'*, что даёт благополучный во всех отношениях слог. Последний этап преобразования состоит в отвердении *Ш'*, повлекшем по ЗСС реализацию фонемы {Ы} фоном /ы/. Так, из **нос=й=ива=ть* получилось *нашивать*. (Орфография же, как мы видим, игнорирует последнее преобразование, но это чисто условное, хотя и абсолютно логичное, решение.) Фон /ш/ является бифоном, представляющим фонемы {С+Й}.

В словоформе *носить* фонема {И/Й} представлена в явном виде слоговым фоном /и/, а в словоформе *нашивать* эта же фонема пред-

⁵⁸ Неслоговой вариант глайда является фрикативным фоном, имея вес 1, как все фрикативные. Формула ЗВЗ в слоге: *STNRA* = 12345, где *S* – фрикативные консонанты, *T* – эксплозивные консонанты и аффрикаты, *N* – неслоговые сонанты: носовые и глайды, *R* – неслоговые плавные сонанты, *A* – гласные и слоговые варианты сонантов.

ставлена неслоговым фонем /й/ в неявном (скрытом) виде бифоном /ш/с^н. При этом слоговой и неслоговой варианты глайда {И/Й} находятся в отношении дополнительного распределения: /и/ – в соседстве с неслоговыми, /й/ – в соседстве со слоговым фонем.

Доказать тождество глайда {У/В} можно на примере слова *завтра*, происходящего из предложно-падежного сочетания *за утро*.

Вспомним лермонтовское «Бородино»:

Вот смерклось. Были все готовы

Завтра бой затеять новый

И до конца стоять...

Ударение стоит ещё на /у/, как и в слове *завтра*, поэтому зияние является допустимым: как отметил ещё Н. С. Трубецкой, приставки в этом отношении ведут себя так же, как предлоги. Написание *завтра* вместо *завтра* – следствие заударной позиции, в которой *О* и *А* не различаются, совпадая в фоне /ъ/. Но в слове *завтра* ударение перемещается на приставку, а корень становится безударным. Так зияние оказывается не на границе слов (служебного *за-* и полнозначного *-утро*), а внутри его. А внутри слова зияние запрещено. Устранить его можно реализацией глайда {У/В} в неслоговом варианте: *завтра* > *завтра*.

Аналогично возник фон /в/ в слове *медВедь*: из словосочетания **медУ едь*.

Показательно, что в белорусской письменности наряду с парой букв *И-Й* есть ещё пара *У-Ў*, идеально отражающая сущность, стоящую за русской буквой *В*. А в классической латинской письменности буква *V* в зависимости от позиции читалась как слоговой *U* или неслоговой *V* (противопоставление *V : U*, как и противопоставление *I : J*, – явление позднейшее).

Но фон /у/ может быть не только монофоном, но и бифоном. Рассмотрим пару *рисовать-рисуй*: перед слоговым фонем реализуется /ов/, а перед неслоговым – /у/. Так может себя вести только дифтонг {ОЎ}: перед гласным /ў/ реализуется в неслоговом варианте /в/ во устранение зияния, а перед согласным зияние устраняется монофтонгизацией дифтонга в долгий слоговой бифон /у/ = {О+Ў}. Такой бифон можно обозначать как *У^{ов}*.

Но и это не всё: /у/ может быть и другим бифоном. Сравним *звук* и *звон*{ъ}: /у/ в позиции перед согласным чередуется с /он/ в позиции перед гласным {Ъ}. Таким образом, /у/ в слове *звук* является бифоном, представляющим фонемы {О+Н}. Косвенным показателем бифона *У^{он}* можно считать его чередование с *А*-смягчающим ('*А^{ен}*): *звУ-*

чать || звЯкать, тУго || тЯга, трУсѣть || трЯстѣ , трУха || трЯх-
нуть.

Из соответствия основ *грязь* – лит. *grim̃stis* следует, что в паре *по-
грУзиться* || *погрЯзнуть* /у/ выполняет функцию представления фон-
нем {О+М} – У^{ам}.

А если мы сравним слова *на-дУ=t_ый*, *на-дМ=енн_ый* и *дЫМ*,
то выяснится, что У в слове *дУть* является бифоном {Ъ+М} – У^{ам}.

Сравнение слов *сУ-котный*, *сУ-ягный* и *сН-едь*, с *Ним* {сЪн
им_ь} позволяет увидеть в /у/ также бифон {Ъ+Н} – У^{ам}.

Плавные (Р-Л) и носовые (М-Н) сонанты также могут быть слоگو-
выми, но немаркированным у них является неслоговой вариант. Сло-
говость сонантов реализуется выделением вокалоподобного пазвука
– перед сонантом: *t^hrt / t^hrt- t^hlt / t^hlt* (*ветер*, *бобёр*, *хитёр* и т. п.), после
сонанта: *tr^ht / tr^ht- tl^ht / tl^ht* или вокруг сонанта: *t^hr^ht / t^hr^ht- t^hl^ht / t^hl^ht* ⁵⁹.

Кругом гольё чумазое _ / _ / _ / _ _
Да войско сизоносое. _ / _ _ _ / _ _ _
Ох, **жѣзнь** моя заразная! _ / _ / _ / _ _
Ох, **жѣ|з^нь** моя босая! _ / _ _ _ / _ _

(Тимур Шаов. *Ханыжская симфония*)

Меж гра|нѣ|том

Строен рѣ|г^н –

Подне|вѣ|лен

Шелест вѣ|л^н.

(Ю. Н. Верховский. *Город*, 1908; цит. по: НКРЯ)

Иуда – горяч и сму|г^н –

Шагал из угла в у|гол...

(Ю. А. Влодов. *Левцкий*, 1932–2009)

Ну а он своё твердит, вторит:

– Воспарим, – мол, говорит, – в **вѣ|си**.

Дескать, пьяному почём горе?

Ну а трезвому – какой **сѣ|л**?

(Ю. Визбор. *Посвящение Вениамину Смахову*)

⁵⁹ Ср. наблюдение А. А. Зализняка: «Ныне в берестяных грамотах отме-
чены уже все теоретически возможные варианты реализации слогового Л:
мъльви, *мълви*, *мльви* и *млви* [Зализняк 2005:4].

Не девушка Наука,
а киноопе|ра|гор
вертит ногами ручку
по истине за ка|д^р.

(С. В. Петров. *Научная прогулка*,
1940; цит. по: НКРЯ)

Про способность сонантов быть неслоговыми, если и говорят, то как-то невнятно и скороговоркой, заодно приписывая способность быть слоговыми и «шумным» согласным, точнее – просто *согласным* [Реформатский 1999:192–193; Панов 1997:76–77, 125; Князев 2011:137–139].

Видимо, это связано с тем, что слоговые или неслоговые варианты сонантов находятся в отношениях свободного варьирования и не представляют самостоятельных фонем. Однако для понимания, что такое сонанты и чем они отличаются от консонантов (согласных), их способность быть слоговыми или не-слоговыми важна принципиально.

Что касается примеров типа «ветвь, ветх, букв и т. п.», образующих два слога и «икс, шнапс – один слог» [Князев 2011:138], то им можно дать иное объяснение.

Начнём с заимствованного из греческого через старославянское посредством слова Αἴϋλλος > *Югвѣльть* > *Египет*. В греческом между πт нет гласного, и это понятно: они принадлежат разным слогам – Αἴ|ϋλλ|τος. Но в старославянском действовал закон открытого слога, по которому конечный фрикативный утрачивался, а последний слог вступал в противоречие с ЗВЗ в слоге: *Ю|гвѣ|лть*. Последовательность *пт = 22* в последнем слоге была недопустима, но и потерять согласный было нельзя. ЗВЗ был выполнен с помощью вокалической эпентезы *Ь*: *Югвѣлть* > *Югвѣльть*. После «падения» редуцированных *Ь* стал реализовываться как беглый /e/. Так в современном русском литературном языке оказалось слово *Е-ги-пет* / *Е-гип-та*, в котором /ь/ является вокалической эпентезой.

Идеальная структура исконного русского слога – *STNRA(R/N)* (*T/S*)⁶⁰ = 12345(4/3)(2/1). Соответственно, максимальная финаль исконно русского слога состоит из сочетания сонанта с консонантом и может иметь вид **42**, **41**, **32** и **31**.

⁶⁰ *S* – фрикативные консонанты, *T* – эксплозивные консонанты и аффрикаты, *N* – неслоговые сонанты: носовые и глайды, *R* – неслоговые плавные сонанты, *A* – гласные и слоговые варианты сонантов.

Слог *ветвь* /в'этф'/ = 1521, имеющий финаль из двух консонантов, нарушает эту структуру, и это нарушение восстанавливается посредством *вокалической эпентезы* /ъ/: /в'э|тъф'/, образующей второй слог и устраняющей недопустимое стечение согласных – совсем как неслоговые эпентезы /j/v/ устраняют зияние внутри слова.

Сходный способ решения проблем структуры слога наблюдаем в японском языке, в котором, например, *Berlin* произносится как /berulini/. Пазвук слоговых сонантов не следует смешивать с анаптиксом между согласными.

Для различения фонов, соотносимых с морфемами или их частями, и вокалических *эпентез*, не соотносимых с ними и не являющихся фонами, целесообразно было бы использовать особый символ, например «э», и в фонематической (этимологической) транскрипции писать {йэг'Блн'эт_ъ}.

Финали слогов *ветх* = 1521, *букв* = 2521 имеют ту же структуру, что и финаль слова *ветвь*, и нарушение структуры слога в них устраняется аналогичным образом.

Что касается слов *икс*, *инанс*, то заимствования не обязаны соответствовать структуре исконного русского слога. Кроме того, в заимствованных словах кластеры *ПС*, *КС* и *ТС* интерпретируются как аффрикаты, подобные исконным *Ц* и *Ч*. Именно поэтому они не нарушают структуры финали слога и не нуждаются в вокалической эпентезе. Например, греческое же заимствование *сфинкс* произносится в один слог, имея финаль **32** (**3** – это /н/, а **2** – это /кс/).

Можно предположить, что в языках мира существует корреляция аффрикат типа /дж'/ (*жечь бы*), начинающихся взрывным и завершающихся фрикативным звуком и **деффрикат** типа *ЖД* (*вождь*), начинающихся фрикативным и завершающихся взрывным звуком: если есть *ПС*, то есть и *СП*, если есть *КС*, то есть и *СК*, если есть *ТС*, то есть и *СТ*, и т. д. При этом маркированными членами оппозиций являются аффрикаты, а немаркированными (и поэтому менее редкими и менее заметными) – **деффрикаты**⁶¹. Эта гипотеза обладает большой объяснительной силой применительно к судьбе сочетаний *СК/КС* в индоевропейских языках. В таком случае сопоставленность **деффрикат** и аффрикат должна быть очень древней, относясь к тому периоду развития языка, когда последовательность звуков ещё не была окончательно

⁶¹ Термин введён в работе [Кретов 2014].

фонологизирована. Наблюдения, накопленные индоевропеистикой и фоносемантикой, дают основания полагать, что процесс фонологизации последовательности звуков протекал с разной скоростью для разных групп звуков и первоначально затрагивал их самые важные в речеобразующем отношении классы: гласные, согласные и сонанты. В таком случае кластеры *СТ-ЗД*, *ШТ-ЖД* могут быть деффрикатами, ведущими себя в слоге подобно аффрикатам, а слова типа *хво(ст)* можно интерпретировать по начальному звуку деффрикаты как односложные: 1351, а не как двусложные: $хво|сть = 135/125$.

На суффиксальном стыке и в корне *Р*, *Л*, *М*, *Н*, *В* могут иметь позиционно обусловленные дизезные варианты: *стар=уха/стар=ик*, *стол=овая/стол=ик*, *дом=аиный/дом=ик*, *стан=ок/стан=ица*, *лов=ок/лов=ец*. Перед смягчающими слоговыми (*И-Е*) сонанты становятся дизезными (смягчаются), перед несмягчающими – остаются твёрдыми.

На суффиксальном стыке (см. ниже этимологическую транскрипцию) сонанты могут быть мягкими и независимо от тембра последующего слогового: *зверя*, *зверю* {звѣр=й_а/у}; *мелям*, *мелях*; *коня*, *коню*; *червя*, *червяю*.

На этом основании последователи МФШ делают вывод о существовании в русском языке фонем [Р'] [Л'] [Н'] [В'], но в данном случае дизезные фонемы представляют сразу две фонемы, являясь **бифонами**: в *зверь* {звер=й_ь} – {Р+Й'} (ср. *зверолов*), в *мель* {мел=й_ь} – {Л+Й'} (*мелок*, *мелочь*), в *конь* {кон=й_ь} – {Н+Й'} (ср. *коновязь*), в *червь* {кѣрв=й_ь} – {В+Й'} (ср. *червоточина*). Позиционная необусловленность мягкого сонанта – признак бифона.

В словах *тень* (*теньями*, *теньях*), *день* (*дня*, *дню*, *днями*, *днях*) и подобных конечный согласный также является бифоном, только дизезность у него не от /й/, а от тематического гласного /и/: {дѣн=і_ь}, {тѣн=і_ь}.

В словах *кремль*, *воплъ*, *рубль*, и *луплю*, *люблю*, *ломлю*, *ловлю* и *графлю* звук /л'/ является **монофоном**, будучи позиционно обусловленным вариантом неслогового глайда {И/Й'}. На суффиксальном стыке после лабиального неслогового /й/ всегда реализуется как /л'/.

Причина этого преобразования – необходимость выполнения ЗВЗ: {крем=й_ь} = 245/315 > {крем=л_ь} = 245/345. Утрата редуцированного фона в конце слова, делая слово односложным, нарушает ЗВЗ, что и вызывает слоговость /л'/: (*кремль* = 24534 > /кре|м'л'/ = 245/35), восстанавливающую двусложность слова.

Парность губных и зубных согласных на флективном и суффиксальном стыках позиционно обеспечена положением перед смягчающим слоговым: *пуп/пупе* и *пуп=ок/о-пуп=еть*, *дуба/дубе* и *дуб=ок/дуб=ить*, *кот/коте* и *коток/котик*, *плод_а/плод_е* и *плод=овый/плод=иться*, *носа/носе* и *нос=овой/обез-нос=еть*, *маза/мазе* и *маз=ать/маз=ила*.

Парность заднеязычных по твёрдости-мягкости представлена только на флективном стыке; на суффиксальном стыке пред гласными переднего ряда /г-к-х/ чередуются с /ж-ч-ш/: *туг_ой/туг_ие*, но *туг=овато/туж=ить*; *рук_а/рук_и*, но *рук=астый/по-руч=ить*⁶²; *дух_ов/дух_и*, но *дух=овный/душ=истый*⁶³.

Монофоном может быть также /ц/, выступающий в этом качестве аллофоном фонемы {К}, т. е. Ц^к (читается как «фон /ц/ в функции фонемы {К}» или «фон /ц/, представляющий в данной позиции фонему {К}»). Сравним слова и морфы в словах *ларёк-ларец*, *боёк-боец*, *малёк-малец*, *волчёк-волчек*. Они различаются суффиксами: =йёк_ь / =ёк_ь. Суффикс =йёк_ь осуществляет йотацию предшествующих согласных и превращение их (вместе с Й) в бифоны: ср. *ларька*, но *ларца*. Почему у *ларька* Р-мягкий, а у *ларца* Р-твёрдый? Потому что йотованный бифон Р^{ри} сохраняет свою мягкость перед твёрдыми согласными, а смягчённый гласными переднего ряда Р в позиции перед твёрдым согласным, не будучи бифоном, мягкость утрачивает. А вот Л относительно мягкости ведёт себя иначе: *малька* и *мальца* – он сохраняет мягкость Е-беглого (фонемы {Б}) даже перед его нулевым вариантом, т. е. даже в статусе монофона.

Однако нас тут интересует альтернатива К||Ц. Она происходит на суффиксальном стыке по третьей (бодуэновской) палатализации под влиянием фонемы {Б}, представленной аллофонами /é//ø/.

⁶² При формальном подходе может показаться, что глагол *по-руч=ать* опровергает сформулированную выше закономерность. Это не так: в морфе *-руч=* /ч/ является бифоном {К+И/Й}, представляющим (на суффиксальном стыке) как корневую фонему {К}, так и глагольный суффикс =и: {по-руч=и=A=тi_#}. Исследователю, не пользующемуся понятием полифонов, остаётся лишь с недоумением констатировать чередование /к/ с /ч/ пред /а/.

⁶³ В слове *душ=евный* всё не так, как кажется: /ш/ является не аллофоном {Х}, а бифоном Ш^ш, и /е/ представляет не фонему {Е}, а (по ЗСС) фонему {О} в позиции после диезного фона /й/: {дух=й=ов=ьн_ый}. И ударность /е/ тут не помогает: =ов и =ев – это находящиеся в дополнительном распределении алломорфы, а не самостоятельные морфемы.

Почему в слове *ларѣц* происходит третья палатализация, а в слове *ларѣк* её не происходит? Всё дело в качестве вокала суффикса: {Б} вызывает третью палатализацию, а {Ъ} – не вызывает, хотя по ЗСС фонема {Ъ} после /й/ и реализуется фоном /ь/. Соответственно, перед /ц/ альтернативы /е/ > /о/ не происходит, а перед /к/ – происходит.

Отметим и третий член альтернативы: *ларѣК/лареЦ – ларѣЧек/лар-Чик* – в обоих словах /ч/ выступает как аллофон фонемы {К} на суффиксальном стыке перед гласным переднего ряда (т. е. по первой палатализации: *К > Ч*). Формально (на поверхности) это выглядит, как если бы *Ц* чередовался с *Ч*. Но в исконных словах (в отличие от заимствованных и звукоподражательных) *Ц* не бывает фонемой – только аллофоном фонемы {К} – и, значит, не может быть аллофоном для /ч/.

Как следствие, /ц/-/ч/ в словах *отеЦ||отеЧество* представляют не друг друга, а фонему {К}, преобразованную то по 3-й (/ц/), то по 1-й (/ч/) палатализации: {от=Бк_ъ} || {от=Бк=ъск=тв_о}⁶⁴.

За буквой *Щ* стоит фон /ш:’/. Он никогда не бывает монофоном, а только полифоном: бифоном, трифоном (или даже квадрофоном).

Бифонов у *Щ* (воспользуемся для удобства более экономным буквенным представлением) несколько. *Щск* – в позиции перед гласными переднего ряда внутри корня или на суффиксальном стыке: *писк – пищик* {пИск=ик_ъ} или *таскать – тащить* {таск=И=тi_#}. *Щкм*⁶⁵ – на суффиксальном стыке перед гласными переднего ряда:

⁶⁴ Пара (*об*) *отЦѣ||отЧе* может заставить сомневаться в справедливости данного объяснения: на первый взгляд, и *Ц*, и *Ч* находятся перед [Е]. Обращение к материалу старославянского языка показывает, что финаль в форме *отче* представляет фонему {Е}, следовательно, преобразование *К > Ч* происходит по первой палатализации, которая первоначально происходила во всех позициях, но сохранилась только на суффиксальном стыке. Окончание местного (предлож.) пад. в старославянском языке представлено на поверхностном уровне /ъ/ и /и/. При этом просматривается распределение: после твёрдых согласных (в именит. пад.) – *Ъ*, после мягких – *И*. Это объясняется тем, что *Ъ* и *И* – дифтонгического происхождения: из дифтонга *ОІ. По ЗСС после мягких согласных *ОІ представляется своим дизным вариантом *ЕІ, монофтонгизирующимся в *И*. В русском языке после отвердения *Ц* победила исконная форма *Ъ*, закономерно трансформировавшаяся в /е/. Таким образом, /ц/ в *отче* – по 2-й палатализации, а *Ч* в *отче* – по 1-й. Обе происходят из *к [Селищев 2006:378].

⁶⁵ Этот вариант – южнославянский (церковнославянский). Ср.: церк.-сл. *мощь* и русск. *мочь*, в котором представлен бифон Ч^м ц.-сл. *дщерь* и русск. *дочь*.

вещь {век=т=i_ь}. Щ^{em} – в той же позиции: *подмога* – *пóмощь* {по-мог=т=i_ь}, Щ^{mi} – на суффиксальном стыке: *питание* – *пища* {пИ=о=т=й_а}, $\text{Щ}^{(p)ii}$ – на суффиксальном стыке – йотация через сонант: *хитрый* – *ухищрение* {у-хыт=р=и=Е=н=i_е}.

Трифонов у Щ тоже не мало. Щ^{skii} – на суффиксальном стыке: *тоска* – *тощий* {тОск=й_ий}. Щ^{cmii} – на суффиксальном стыке: *толстый* – *толица* {тЪлс=т=й_а}. Щ^{cmu} – на суффиксальном стыке: *простить* – *процать* {прост=и=А=тi_#}. Щ^{pmii} – та же позиция: *ведать* – *вещий* {вЪд=т=й_ий}.

Квадрофон Щ может быть поставлен под сомнение: Щ^{skii} – *щи* {ськ⁶⁶=й_И}. С одной стороны, фонема {Ъ} закономерно реализована нулём звука, а с другой – именно отсутствие гласного делает возможным превращение последовательности *СКЙ* в Щ .

Более убедительным квадрофоном и сомнительным пентафоном по тем же соображениям является Ч^{skii} в слове *чан* < {дъск=й=ан_ь}. В нём /ъ/ закономерно реализуется нулём, а /д/ перед /с/ оглушается в /т/. В итоге реализуется тот же процесс йотации: *СКЙ* > Щ , а последовательность *ТЩ* произносится как /т'ш':/ и обозначается на письме буквой *Ч*.

Цель данного материала не в том, чтобы дать полное исчисление полифонов в русском языке, а в том, чтобы отделить фонемы от полифонов, которые, как архифонемы и гиперфонемы, находясь на периферии фонематической системы, служат дополнительными системными скрепами между фонемами.

Подводя итоги, отметим, что, исключив из числа фонем шипящие, аффрикаты, мягкие согласные и сонанты, а также неисконный фон /ф/, принадлежащий множеству заимствований или звукоподражаний, и увеличив число гласных, мы получаем 23 фонемы исконной русской полнозначной аппеллятивной лексики (см. табл. 24)⁶⁷.

⁶⁶ Считается, что корень тот же, что и у слова *сок*, только с другим вокализмом.

⁶⁷ Логика табл. 24 находится в вопиющем противоречии с идеологией изложенной концепции и пониманием фонемы, но при этом у неё есть два достоинства: компактность и наглядность. Разработка адекватного представления системы русских фонем является первоочередной задачей нашего дальнейшего исследования.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	4
БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНОЛОГИЯ	7
<i>Постулат нулевой (пропедевтический). НЕ ВОСПРИНИМАЕМОЕ – НЕ ЗНАЧИТ НЕСУЩЕСТВУЮЩЕЕ</i>	10
<i>Постулат первый. ПИСЬМЕННОСТЬ – ОДЕЖДА РЕЧИ</i>	14
<i>Постулат второй. ФОНЕМА – РАЗЛИЧИТЕЛЬ МОРФЕМ</i>	16
<i>Постулат третий. ПОЗИЦИОННО ОБУСЛОВЛЕННЫЙ ПРИЗНАК – НЕ СУЩЕСТВЕН</i>	20
АБСОЛЮТНАЯ ПОЗИЦИЯ.....	21
ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ	28
1. Сегментные позиции – относительно звуков в речевой цепи ...	32
2. Акцентные позиции – относительно ударения.....	34
3. Граничные (сандхиальные) позиции – относительно слова.....	35
3.1. Внешняя конечная позиция – флексивный стык.....	35
3.2. Внешняя начальная позиция – начало слова и приставочный стык	36
3.3. Внутренняя позиция – суффиксальный стык	37
4. Морфемные позиции – относительно других морфем	39
5. Грамматические позиции – относительно грамматических форм и значений	42
6. Лексфонемная позиция – позиция конфликта лексического и фонетического уровней языка.....	45
7. Лексморфемная позиция – позиция конфликта лексического и морфемного уровней языка.....	47
<i>Постулат четвёртый. БЕЗ ТОЖДЕСТВА ПОЗИЦИИ НЕТ ОППОЗИЦИИ</i>	48
Перцептивно и сигнификативно сильные и слабые позиции	48
Путь к фонеме.....	54
Понятие минимальной пары	63

<i>Постулат пятый. НОРМА НЕ МАРКИРУЕТСЯ</i>	67
Привативная оппозиция.....	67
Равнозначная (эквиполентная) оппозиция.....	71
Ступенчатая (градуальная) оппозиция.....	72
<i>Постулат шестой. БЕЗ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ</i>	
НЕТ ОППОЗИЦИИ	74
Нейтрализация как средство связи фонем в систему	74
Нейтрализация оппозиции «гласные : согласные»	76
Нейтрализация оппозиции «взрывные : щелевые».....	81
Нейтрализация оппозиции «глухие : звонкие».....	82
Нейтрализация оппозиции «фон : меризм»	83
Нейтрализация оппозиции «фон : сегмент»	91
<i>Постулат седьмой. ИЗ МЕРИЗМОВ СКЛАДЫВАЮТСЯ</i>	
ФОНЫ, А НЕ ФОНЕМЫ	103
<i>Постулат восьмой. ФОНЕМА – НЕ ЗВУК, А ОБРАЗ ЖИЗНИ</i>	104
Формально-функциональная асимметрия	104
Проблема синхронии – диахронии, внутренней и внешней реконструкции	108
Фонематическая (этимологическая) транскрипция	114
<i>Постулат девятый. МОРФОНОЛОГИЯ СУЩЕСТВУЕТ,</i>	
МОРФОНЕМЫ – НЕТ	119
Отношение к фонолого-морфонологической традиции (опыт инверсной характеристики концепции)	119
Морфологизация или сохранение фонетической обусловленности?.....	119
Отношение к американской традиции	129
Бодуэновские основы КФС и их развитие С. И. Бернштейном...130	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	137
Библиографический список	140

ПРИЛОЖЕНИЯ.....	150
<i>Приложение 1. ОТНОСИТЕЛЬНО «ФОНЕМЫ I И ЕЁ ВАРИАЦИИ Y»</i>	150
<i>Приложение 2. ИНДЕКС МОРФОНЕМ И. Б. ИТКИНА И ФОНЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА</i>	156
<i>Приложение 3. СИСТЕМА ИСКОННЫХ РУССКИХ ФОНЕМ КАЗАНСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ</i>	178

СИСТЕМНАЯ РУССКАЯ ЛИНГВИСТИКА
Т о м 1

Научное издание

Кретов Алексей Александрович

СИСТЕМНАЯ РУССКАЯ ФОНЕМОЛОГИЯ

Монография

Редактор *Ю. С. Гудкова*
Дизайн обложки *М. Н. Лаптевой*
Компьютерная верстка *Л. О. Мещеряковой*

Подписано в печать 14.12.2020. Формат 60×90/16
Уч.-изд. л. 13,6. Усл. п. л. 11,6. Тираж 500. Заказ 56

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии
Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3